Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Северо-Западный институт управления

На правах рукописи

Чжао Даньян

ПОЛИТИКА КНР В ОТНОШЕНИИ США ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ: ОТ СОТРУДНИЧЕСТВА К СОПЕРНИЧЕСТВУ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:

д-р полит. наук, профессор
Ерёмина Наталия Валерьевна

Санкт-Петербург
2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава I. Формирование стратегического подхода КНР к США в постбиполярный период: исторические, правовые и доктринальные основы 53

1.1. США в стратегическом мышлении КНР: теоретическая интерпретация американской гегемонии и китайского ответа 53

1.2. Правовая и институциональная база двусторонних отношений КНР и США в период после окончания холодной войны 63

1.3. Политика Китая в отношении США до прихода к власти председателя Си Цзиньпина: основные аспекты 74

Глава II. Области сотрудничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина: задачи и результаты (с 2013 г. до 2025 г.)91

2.1. Стратегические основы внешней политики Китая в период председательства Си Цзиньпина в формировании китайско-американских отношений 91

2.2. Сотрудничество между Китаем и США в области глобального управления .. кризисами 100

2.3. Сотрудничество между Китаем и США в экономической, торговой и финансовой сферах 122

2.4. Сотрудничество Китая и США в области управления рисками в сфере военной безопасности: создание и практика «двух механизмов взаимного

доверия» 140

2.5. Сотрудничество Китая и США в сфере культуры, образования и работы с гражданским обществом 146

Глава III. Области соперничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина (с 2013 г. до 2025 г.) 161

3.1. Доктринальные основы исследования китайско-американского соперничества: китайский подход 161

3.2. Экономическое противостояние Китая и США: формы и риски 171

3.3. Противостояние Китая и США в сфере военной безопасности: угрозы и перспективы урегулирования 193

3.4. Китайско-американское социально-политическое и правовое соперничество: дипломатическая изоляция США и правовые санкции против Китая, ответные меры и контрмеры Китая 223

3.5. Соперничество Китая и США в сфере культуры и работы с общественным мнением 261

Заключение 282

Список сокращений и условных обозначений 297

Список использованных источников и литературы 303

Введение

Актуальность темы исследования. Исследование политики КНР в отношении США в период после окончания холодной войны приобретает особое значение в современных условиях усиления стратегического соперничества, инициированного Соединенными Штатами. Хотя отношения двух стран в 1991 и 2000 гг. заложили основу для их дальнейшего взаимодействия, ключевой фазой, определяющей современное состояние американо-китайских отношений, стал период после 2013 г. Именно он содержит ключ к пониманию истоков, эволюции и фундаментальной логики нынешнего стратегического соперничества, а также трансформации американской стратегии в отношении КНР, как и ответных мер КНР и пересмотр подходов Китая к взаимодействию с США. Таким образом, необходим ретроспективный анализ китайско-американских отношений с акцентом на события последнего десятилетия с учетом структурных проблем, определяющих вектор развития будущего мирового порядка и перехода к многополярности. Исследование взаимодействия двух стран связано с выявлением значительного числа разнообразных факторов, которые делают его высоко противоречивым. Исходя из этого, повышается необходимость исследовать китайский подход к китайско-американским отношениям, учитывая качественные изменения в отношениях между КНР и США во всех сферах, начиная с 1991 гг.

Учитывая специфику исследуемой темы, представляется необходимым сделать отдельное пояснение, касающееся концептуально-терминологического

аппарата работы. Анализ современного этапа американо-китайского взаимодействия неизбежно сопряжен с обращением к идеологемам и понятиям, которые являются неотъемлемой частью политического дискурса самих изучаемых государств. Автор отдает себе отчет в том, что многие из этих конструкций не входят в устоявшийся концептуальный аппарат, принятый в российской политической науке, и требуют особого подхода.

Так, в работе анализируются концепции, ставшие центральными для политического лексикона КНР в исследуемый период. Такие понятия, как «великое возрождение китайской нации» (中华民族伟大复兴, чжунхуа миньцзу вэйда фусин) и «китайская мечта» (中国梦, чжунго мэн)[1], рассматриваются не как объективные научные категории, а как ключевые идеологемы, формирующие стратегические установки современного китайского руководства и оказывающие прямое влияние на внешнеполитический курс страны. Их использование в тексте диссертации, как правило, в кавычках, продиктовано необходимостью анализа первоисточников и аутентичного дискурса.

Аналогичный подход применяется к термину «гегемонизм» (霸权主义, бацюаньчжуи)[2] и производным от него словосочетаниям, таким как «модели гегемонистского реагирования США». Осознавая, что данный термин лишь эпизодически используется в российской американистике для характеристики

---

[1] Канцелярия по изучению партийной литературы при ЦК КПК. Сборник высказываний Си Цзиньпина о китайской мечте по осуществлению великого возрождения китайской нации. – Пекин : Издательство Центральной партийной литературы, 2013. (на кит. яз.) 中共中央文献研究室. 习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编 [M]. 北京：中央文献出版社，2013.

Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении : Том I / Си Цзиньпин. – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2014. (на кит. яз.) 习近平. 习近平谈治国理政：第一卷 [M]. 北京：外文出版社，2014.

[2] Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении : Том Ⅱ / Си Цзиньпин. – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2017. (на кит. яз.) 习近平. 习近平谈治国理政：第二卷 [M]. 北京：外文出版社，2017.

политики США, автор тем не менее считает его введение в анализ оправданным, поскольку он занимает стержневое место в китайском внешнеполитическом дискурсе и является маркером восприятия Пекином действий Вашингтона. Таким образом, эти понятия вводятся не в качестве аналитических инструментов самого исследователя, а как объект изучения, отражающий позицию одной из сторон. Для сопоставления, при анализе политики США используются устоявшиеся в международной политологии категории, такие как стратегии «вовлечения» (engagement) и «сдерживания» (containment).

Следовательно, сознательное использование и разъяснение специфической лексики сторон является не некритичным заимствованием, а методологическим приемом, позволяющим рассматривать идеологический и дискурсивный факторы в качестве важной самостоятельной переменной, влияющей на динамику двусторонних отношений, и сохранить при этом необходимую исследовательскую дистанцию.

Актуальность заявленной темы исследования состоит в следующем.

Во-первых, с китайской точки зрения, период после окончания холодной войны стал ключевым этапом великого возрождения китайской нации. Заметная активизация данного процесса с 2013 г. была обусловлена приходом к власти в КНР нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином и провозглашением нового политического курса, основанного на концепции «китайской мечты» и более проактивной внешней политике, нашедшей своё конкретное воплощение в инициативе «Один пояс, один путь». Указанные изменения во внешнеполитическом курсе Пекина повлекли за собой

постепенную трансформацию американской стратегии в отношении КНР: на смену политике «вовлечения» (engagement) пришла стратегия всеобъемлющего «сдерживания» (containment). К концу 2010-х гг. в американских политических кругах окончательно утвердился консенсус относительно несостоятельности предыдущей стратегии «вовлечения».

Формальное закрепление данного сдвига произошло в доктринальных документах администрации Д. Трампа (2017–2021 гг.), в которых КНР была определена в качестве «ключевого стратегического конкурента». В дальнейшем этот подход был не только сохранен, но и получил концептуальное развитие в стратегических установках администрации Дж. Байдена (с 2021 г.). Следует также учитывать, что программные установки, озвученные Д. Трампом в ходе предвыборной кампании 2024 г., предполагают в случае его избрания инициировать масштабный пересмотр многих международных соглашений и открытый отказ от тех многосторонних форматов, в которых США не играют роли безусловного лидера. В связи с этим внешнеполитическая деятельность второго кабинета Д. Трампа требует самостоятельного научного исследования, принимая во внимание тот факт, что текущее двустороннее взаимодействие уже опирается на накопленный опыт стратегического соперничества. Глубокий анализ данного исторического процесса и моделей гегемонистского реагирования США на мирное развитие Китая имеет для КНР важную практическую значимость. Анализ данного аспекта позволяет не только определить ключевые факторы, детерминирующие выбор Вашингтона между сотрудничеством и конфронтацией, но и формирует основу для разработки

подходов к целенаправленному созданию благоприятной внешней среды для стабильной модернизации страны.

Во-вторых, изучение динамики взаимодействия КНР и США с 1991 г. представляет собой необходимую базу для анализа деструктивной политики «декаплинга» (разъединения), инициированной американской стороной. Сложившаяся за три десятилетия глубокая экономическая взаимозависимость между странами долгое время выступала «балластом» и «стабилизатором» двусторонних отношений. Тем не менее, после 2013 г., на фоне возрастающей обеспокоенности США технологическим подъемом Китая, Вашингтон взял курс на последовательный подрыв этой взаимозависимости. В современных условиях, характеризующихся интенсификацией попыток Вашингтона ослабить данную взаимосвязь через торговые войны, технологические санкции и экспортный контроль, вопросы структурной прочности китайско-американской экономической взаимозависимости и ее резильентности к геополитическому давлению приобретают особую актуальность и требуют первостепенного научного осмысления.

Анализ механизмов формирования этой взаимозависимости, а также сопряженных с ней выгод и рисков для обеих сторон, позволяет оценить реальные издержки политики «декаплинга» для Китая и США, и для мировой экономики в целом, и служит опорой для разработки стратегии Китая по защите своих законных интересов в глобальных технологических и производственных цепочках.

В-третьих, для прогнозирования тенденций развития

китайско-американских отношений с точки зрения Пекина центральное значение имеет понимание закономерностей эволюции политического консенсуса в США. В период с 1991 до 2025 г. позиционирование Китая в американской стратегии трансформировалось от ситуативного «стратегического партнера» до «главного стратегического соперника», на основе чего был сформирован редкий по своей прочности межпартийный консенсус. Этот консенсус окончательно оформился и укрепился именно после 2013 г., когда рост мощи КНР стал восприниматься в Вашингтоне не как экономическая возможность, а как прямая угроза американскому лидерству, получив дальнейшее закрепление и развитие после 2020 г.. Исследование этого периода позволяет ответить на ключевой вопрос: является ли нынешняя негативная политика США в отношении КНР краткосрочным тактическим выбором или же она представляет собой долгосрочный структурный сдвиг в восприятии американских политических элит, имеющий глубокие идеологические корни. Четкое понимание данного вопроса является важнейшей предпосылкой для выработки Китаем долгосрочной и устойчивой дипломатической стратегии в отношении США, а также для точного разграничения тактических шагов и стратегических намерений американской стороны.

В-четвертых, анализ указанного периода, особенно после 2013 г., служит важной основой для понимания глубокого дестабилизирующего влияния стратегии США по сдерживанию Китая на глобальную стабильность и систему глобального управления. Стратегическое соперничество двух держав давно

вышло за рамки двусторонних отношений и оказывает трансформирующее влияние на архитектуру и правила мирового порядка. Проводимая Вашингтоном политика односторонних действий и оказания давления способствует прогрессирующей эрозии и частичному параличу деятельности ключевых международных институтов, в частности ВТО, и ведет к снижению авторитета Совета Безопасности ООН. Наряду с этим, данная политика стимулирует создание и расширение эксклюзивных военно-политических альянсов с выраженной антикитайской направленностью, к числу которых относятся AUKUS и QUAD. В свою очередь, КНР проводит курс на углубление отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Россией, параллельно выдвигая собственные концепции глобального управления (Инициатива по глобальному развитию, Инициатива по глобальной безопасности), позиционируемые в качестве альтернативы американоцентричной модели мироустройства. В этой связи анализ китайского видения указанных процессов представляет значительный научный интерес как с точки зрения осмысления контуров формирующегося многополярного миропорядка, так и в контексте выработки стратегий нейтрализации деструктивной политики блоковой конфронтации.

Для ключевых держав, таких как Россия, реализующих стратегию «поворота на Восток», глубокий анализ эволюции китайско-американских отношений также имеет важную практическую значимость для выработки суверенной и устойчивой внешней политики в условиях растущей глобальной турбулентности.

Объектом исследования выступает внешнеполитический курс Китайской Народной Республики в отношении Соединенных Штатов Америки и его трансформация в период после окончания холодной войны (1991–2025 гг.), с особым акцентом на этапе, начавшемся с 2013 г.

Предметом исследования являются ключевые направления, особенности и закономерности эволюции политики КНР в отношении США, в особенности после 2013 г., рассматриваемые через призму диалектического взаимодействия двух основополагающих тенденций – сотрудничества и соперничества. В фокусе исследования находятся доктринальные установки Пекина, его практические действия в сферах экономики, безопасности и глобального управления, а также ответные меры на долгосрочную стратегию сдерживания со стороны Вашингтона.

Цель исследования состоит в выявления причин, основных направлений и закономерностей перехода политики КНР в отношении США от парадигмы преимущественно прагматичного сотрудничества (период после окончания холодной войны с 1990-х годов) к состоянию устойчивого стратегического соперничества (начиная с 2013 года), приведших к формированию новой модели взаимодействия, сложившейся к 2025 году.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи.**

Охарактеризовать исторические и доктринальные предпосылки формирования политики КНР в отношении США в период с 1991 по 2013 г., проанализировав эволюцию китайского стратегического мышления и ключевые

правовые документы, заложившие основу для последующей трансформации двусторонних отношений.

Выявить основные направления и оценить результативность сотрудничества в политике КНР в отношении США в период с 2013 по 2025 г., а именно: проанализировать роль сотрудничества в области глобального управления кризисами; определить пределы и значение экономического, торгового и финансового взаимодействия в условиях растущей напряженности; исследовать практику и эффективность механизмов взаимного доверия в сфере военной безопасности; установить специфику и сужающиеся возможности сотрудничества в гуманитарной сфере (культура, образование, гражданское общество).

Систематизировать ключевые области и определить формы проявления стратегического соперничества в китайско-американских отношениях в период с 2013 по 2025 г., в частности: раскрыть содержание и формы экономического противостояния, оценив сопутствующие риски; проанализировать основные угрозы в сфере военной безопасности и перспективы их урегулирования; идентифицировать инструменты и ответные меры в рамках социально-политического и правового соперничества; охарактеризовать методы и приемы противоборства в культурной и информационно-идеологической сферах.

На основе проведенного анализа сформулировать авторское определение сложившейся к 2025 г. модели политики Пекина в отношении Вашингтона, обосновав её характеристику как диалектического единства сохранившихся

элементов взаимодействия и доминирующего стратегического соперничества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента окончания холодной войны до начала 2025 г..

Нижняя хронологическая граница – начало 1991 гг. – обусловлена распадом биполярной системы мироустройства. Данное событие коренным образом изменило геополитический ландшафт и поставило как перед КНР, так и перед США задачу фундаментального переосмысления основ двусторонних отношений в условиях американской гегемонии. Именно в этот период были заложены основы новой модели взаимодействия, сочетавшей экономическое сотрудничество со стратегической настороженностью. Распад Советского Союза оказал на Китай всестороннее воздействие, лишив Пекин важного стратегического противовеса американской гегемонии. Это событие не только привело к кардинальной трансформации геополитического ландшафта, но и спровоцировало в китайских интеллектуальных кругах острые дискуссии о правильности выбранного пути развития. Утратив стратегический буфер в лице СССР, КНР оказалась перед необходимостью напрямую выстраивать отношения с однополярным миром во главе с США. Перед обеими державами встал выбор между прагматичным сотрудничеством и возвратом к конфронтации. Китай сделал однозначный выбор в пользу прагматичного сотрудничества, видя в нем возможность для собственного мирного развития и для содействия глобальной стабильности.

Именно на этом историческом рубеже экономическое взаимодействие стало для китайско-американских отношений точкой роста. Хотя политика

«реформ и открытости» была провозглашена еще в 1978 г., китайская экономика некоторое время находилась в стадии поиска оптимального курса. Подписание в 1992 г. китайско-американского Меморандума о взаимопонимании по доступу на рынки, в сочетании с мощным реформаторским сигналом, посланным Дэн Сяопином в ходе его «южного турне» того же года, придало китайской экономике решающий импульс, послужив отправной точкой для ее качественного скачка и заложив основу для последующего «китайского экономического чуда». В результате двусторонние отношения вступили в период интенсивного, взаимовыгодного взаимодействия, который, однако, с самого начала носил асимметричный характер.

Однако экономическое сотрудничество не отменяло растущей стратегической настороженности со стороны Вашингтона. Ключевым моментом стала Война в Персидском заливе (1990-1991 гг.), которая с ее высокотехнологичным и информационным характером ведения боевых действий оказала шоковое воздействие на китайскую военную мысль и традиционные концепции. На этом фоне Китай инициировал системную военную реформу в рамках курса на «укрепление армии за счет науки и техники», сместив фокус на разработку высокоточного современного вооружения. Таким образом, США на данном этапе объективно выступили для Китая не столько в роли «ориентира», сколько в роли вероятного стратегического противника будущего, на который Пекин был вынужден равняться в процессе модернизации экономики, технологий и вооруженных сил. Следовательно, отношения между КНР и США с самого начала 1991 гг.

сочетали в себе двойственную логику: стремление к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству и необходимость противодействия потенциальным угрозам безопасности. Эта двойственность сохранялась до 2013 г., когда председателем КНР стал Си Цзиньпин, после чего баланс начал неуклонно смещаться в сторону соперничества.

Выбор 2013 года в качестве исходного рубежа обусловлен не столько внутриполитической конъюнктурой, сколько качественной трансформацией внешнеполитической философии КНР, связанной с приходом к власти Председателя Си Цзиньпина. Смена партийно-государственного руководства в Китае традиционно знаменует собой выдвижение принципиально новых стратегических задач и доктринальных установок, определивших контуры современного китайского внешнеполитического дискурса.

Верхняя хронологическая граница определена 2025 годом. Если в конце 2010-х гг. при администрации Д. Трампа переход к конфронтации был оформлен на доктринальном уровне, то период с 2021 по 2025 г. (полный срок полномочий администрации Дж. Байдена) стал временем системного, всеобъемлющего и практического закрепления этой стратегии. Именно в эти годы политика «декаплинга» трансформировалась в более сложную концепцию «снижения рисков» (de-risking), были приняты ключевые законодательные акты, направленные на долгосрочное технологическое сдерживание КНР (например, «Закон о чипах и науке» 2022 г.), а также укреплены и расширены антикитайские военно-политические союзы в Индо-Тихоокеанском регионе (АУКУС (AUKUS), Куад (QUAD)). С китайской стороны этот период

ознаменовался окончательным утверждением на XX съезде КПК (2022 г.) долгосрочного курса на достижение технологической самодостаточности и продвижение альтернативных концепций глобального управления (Инициатива по глобальной безопасности, Инициатива по глобальному развитию). Таким образом, к 2025 г. фаза открытого перехода к соперничеству завершается, и оно приобретает устойчивый, структурный характер, закрепленный на законодательном, экономическом и военно-политическом уровнях обеими сторонами. Завершение полного электорального цикла в США позволяет проанализировать данную фазу как целостный и завершенный этап перед возможными тактическими корректировками курса следующей американской администрацией.

Вместе с тем, в соответствии с целью и задачами диссертации, основной исследовательский фокус сосредоточен на периоде после 2013 г.. Этот временной рубеж является ключевым, поскольку он ознаменован приходом к власти в КНР нового поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином, провозглашением концепции «китайской мечты» и выдвижением глобальных инициатив, что ознаменовало переход Пекина к более активной внешней политике. В свою очередь, именно в этот период в Вашингтоне окончательно утвердилось восприятие Китая как главного стратегического соперника, что привело к кардинальному ужесточению американского курса. Таким образом, анализ событий, произошедших до 2013 года, направлен на выявление корней и предпосылок последующих преобразований, в то время как основное внимание в исследовании уделяется периоду, когда политика Китая в отношении США

характеризовалась как наиболее ограниченным сотрудничеством, так и наиболее глубокими и системными противоречиями, а также наиболее динамичными изменениями.

Теоретическая основа исследования. Теоретической основой диссертации послужил комплексный подход, сочетающий инструменты, на первый взгляд, антагонистических парадигм теории международных отношений. Такой выбор обусловлен двойственной и зачастую парадоксальной природой современных китайско-американских отношений, которую невозможно в полной мере объяснить в рамках лишь одной теоретической школы. Кроме того, именно такой мультпарадигмальный подход определяет выработку внешнеполитических решений Китая, когда в отношении разных сфер сотрудничества или соперничества китайские эксперты и политические деятели предлагают объяснительные модели американских действий, основывающиеся на нескольких парадигмах (подходах), разработанных для исследования международных отношений западными политологами, философами, социологами и другими учеными. В данной диссертации находит отражение сложившаяся в академической науке КНР традиция объяснения природы американской внешней политики через мультипарадигмальный подход, что позволяет более полно раскрыть китайское видение исследуемой проблемы.

Ключевую роль в методологическом аппарате исследования играет парадигма реализма в ее классической и структурной ипостасях. Положения классического реализма (Г. Моргентау) привлекаются для осмысления

фундаментальных мотиваций внешней политики США и КНР, в рамках которой стремление к наращиванию национальной мощи и обеспечению интересов трактуется как естественное поведение великих держав[3] . В то же время концепция структурного реализма (неореализма) К. Уолтца позволяет сместить фокус анализа с внутригосударственных факторов на анархичную структуру международной системы[4]. Согласно данному подходу, именно структурные императивы вынуждают государства вступать в конкуренцию за безопасность и относительные выгоды. Использование этой теории позволяет проанализировать такие ключевые аспекты американо-китайского соперничества, как «дилемма безопасности», обостряющаяся по мере роста мощи Китая, и стратегии балансирования, к которым прибегает Вашингтон, включая формирование антикитайских альянсов (AUKUS).

В рамках неореализма концепция К. Уолтца находит свое развитие в теории гегемонистской стабильности Р. Гилпина[5] . Данная теория, в отличие от более статичной модели структурного реализма, акцентирует внимание на динамике смены глобального лидера. На ее основе исследуется трансформация мирового порядка, обусловленная эрозией относительной мощи гегемона (США) и одновременным возвышением державы-претендента (КНР). Этот теоретический инструментарий применяется при анализе конфликтов, сопровождающих данный процесс, в частности, борьбы за реформирование ключевых международных институтов (ВТО, МВФ) и создания Китаем

---

[3] Morgenthau, H. J. Politics Among Nations : The Struggle for Power and Peace / H. J. Morgenthau. - New York : Alfred A. Knopf, 1948. - 489 p.
[4] Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. - Reading, MA : Addison-Wesley, 1979. - 251 p.
[5] Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

альтернативных структур (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций) в качестве вызова существующему порядку.

Для концептуализации ключевого противоречия современных американо-китайских отношений — диалектической взаимосвязи экономической взаимозависимости и стратегического соперничества — привлекается теория комплексной взаимозависимости Р. Коэна и Дж. Ная[6] . При этом ее научная ценность для диссертации состоит не в подтверждении изначального оптимистического тезиса о снижении конфликтности благодаря взаимозависимости, а в использовании ее концептуального аппарата (в частности, категорий «чувствительности» и «уязвимости», идеи множественности каналов связей) для анализа обратного процесса: целенаправленной инструментализации экономических связей в целях геополитического давления.

Применение данного подхода позволяет раскрыть логику «секьюритизации» и «вепонизации» экономики, в условиях которой торговые войны, технологические санкции и борьба за контроль над цепочками поставок из побочных эффектов политического соперничества превращаются в его центральную арену. Таким образом, то, что изначально выступало источником взаимной выгоды, сознательно трансформируется в источник стратегической уязвимости, используемый одной стороной для оказания давления на другую. Использование такой «оптики» позволяет дополнить силовой анализ, свойственный реализму, и объяснить, почему именно экономические факторы

---

[6] Keohane, R. O. Power and Interdependence : World Politics in Transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 3rd ed. – New York : Longman, 2001. – 336 p.

стали самостоятельной и ключевой сферой американо-китайского противоборства.

Наконец, пространственное измерение американо-китайского соперничества анализируется с привлечением классических геополитических концепций. Так, из теоретического наследия Х. Маккиндера используется его фундаментальная идея о Евразии как о «географической оси истории» (Heartland)[7] . В этом контексте китайская инициатива «Один пояс, один путь» трактуется не просто как экономический проект, а как стратегическая попытка реинтеграции евразийского пространства, напрямую затрагивающая глобальный баланс сил. В свою очередь, работа З. Бжезинского «Великая шахматная доска» используется для анализа американской стратегии, согласно которой главной геостратегической задачей США является недопущение появления в Евразии доминирующей державы-конкурента[8] . Этот тезис объясняет логику противодействия Вашингтона китайскому влиянию в ключевых регионах «шахматной доски» — от Южно-Китайского моря до Центральной Азии.

Таким образом, предложенный методологический синтез не является эклектичным, но представляет собой последовательное применение различных теоретических «оптик» для многоаспектного анализа американо-китайского соперничества, охватывающего различные сферы взаимодействия двух держав. Классический реализм (Г. Моргентау) и структурный реализм (К. Уолтц) в

---

[7] Mackinder, H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23, № 4. – P. 421 – 437.

[8] Brzezinski, Z. The Grand Chessboard : American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. — New York : Basic Books, 1997. — 223 p.

совокупности объясняют его фундаментальные причины и движущие силы, коренящиеся как в природе великих держав, так и в анархичной структуре международной системы; теория гегемонистской стабильности (Р. Гилпин) позволяет проанализировать динамику трансформации мирового порядка в условиях ослабления гегемона и возвышения державы-претендента; концептуальный аппарат теории комплексной взаимозависимости (Р. Коэн, Дж. Най), критически переосмысленный в данной работе, раскрывает специфику противоборства в условиях экономической глобализации, а именно механизм «вепонизации» взаимосвязей; наконец, классические геополитические концепции, в частности идея «Хартленда» Х. Маккиндера и «Великая шахматная доска» З. Бжезинского, служат для анализа пространственного измерения соперничества и борьбы за контроль над ключевыми регионами Евразии.

Методологическая основа исследования. Проблемно-хронологический метод позволил выстроить логическую последовательность этапов эволюции двусторонних отношений в контексте ключевых политических, экономических и военно-стратегических событий, начиная с 1991 годов, обеспечив возможность всестороннего анализа перехода от кооперации к конфронтации, включая такие важные рубежи, как вступление Китая в ВТО, «поворот к Азии» администрации Б. Обамы, торговая и технологическая конфронтация времен первой администрации Д. Трампа, что нашло отражение в ее последующей институционализации и ужесточении данного курса при администрации Дж. Байдена, которая с 2021 г. реализует стратегию «снижения рисков» (de-risking).

Применение сравнительного анализа позволило сопоставить внешнеполитические курсы США и Китая на глобальном и региональном уровнях. В ходе исследования были выявлены сходства в инструментарии (торгово-экономическое давление, блоковая политика, публичная дипломатия) и фундаментальные различия в целеполагании, идеологических основах и концептуальных моделях мироустройства, которые отстаивает каждая из сторон. Функциональный анализ был задействован для структурирования многоуровневого взаимодействия Китая и США по ключевым направлениям сохранившегося сотрудничества – экономике, безопасности, экологии, гуманитарным контактам и международным институтам. Тем самым стало возможным выявить те сферы, где сохраняются элементы сотрудничества, и сферы, где противостояние носит наиболее острый и системный характер. Системный подход стал ключевым при рассмотрении китайско-американского соперничества в условиях формирования многополярного мирового порядка современности. Он позволил рассматривать внешнюю политику двух держав как взаимосвязанный комплекс стратегических решений, учитывающий не только двусторонние отношения, но и глобальные изменения в международной архитектуре. Применение данных методов в совокупности обеспечило научную обоснованность выводов, представленных в диссертационном исследовании, а также позволило рассмотреть китайско-американские отношения как ключевой фактор глобальной трансформации мировой политической системы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Трансформация китайско-американских отношений в период 1991–2025

гг. от ограниченного сотрудничества к системному противостоянию носила не внезапный, а закономерный эволюционный характер. Сложившаяся в 1991–2000-е гг. в результате экономической интеграции КНР в мировую систему модель «асимметричной взаимозависимости» имплицитно содержала в себе неустранимые структурные противоречия, к числу которых относятся нарастающий торговый дефицит США, неурегулированность проблемы интеллектуальной собственности и т.н. «тайваньский вопрос»

2. «Торговая война», инициированная администрацией Д. Трампа в 2018 г., должна рассматриваться как первый системный акт перехода США от политики «вовлечения» к стратегии долгосрочного сдерживания Китая. Ключевая цель данной политики заключалась не столько в балансировке двусторонней торговли, на что формально указывала администрация, сколько в стратегическом сдерживании технологического и экономического роста КНР. Это проявилось в таких задачах, как замедление программы «Сделано в Китае 2025» и реструктуризация глобальных цепочек поставок, что заложило основу для долгосрочной конфронтации, поскольку данная логика была впоследствии не отменена, а трансформирована и углублена следующей администрацией.

3. Технологическая сфера стала центральной ареной противостояния. Ключевым фактором, определившим качественный переход от управляемой конкуренции к системной конфронтации в 2010-х гг., стало смещение фокуса соперничества из торгово-экономической в технологическую сферу. Борьба за доминирование в ключевых технологиях XXI века (5G, искусственный интеллект, полупроводники) стала главным драйвером китайско-американского

конфликта, что нашло свое концентрированное выражение в стратегии администрации Дж. Байдена «маленький двор, высокий забор» (small yard, high fence). И если при Б. Обаме была сделана ставка на включение Китая в орбиту американской внешней политики мягким способом, то торговая политика Д. Трампа превратилась в инструмент сдерживания Китая. Принятие в октябре 2022 г. беспрецедентных мер экспортного контроля в отношении полупроводниковой отрасли КНР ознаменовало переход от политики замедления к попытке технологической блокады, направленной на лишение Китая возможности достижения самодостаточности в критических областях. Таким образом, к 2025 году технологическое сдерживание стало основным инструментом геополитического давления на КНР.

4. Геополитическое соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе следует трактовать не столько как борьбу за влияние, сколько как столкновение двух конкурирующих моделей регионального мироустройства. Американская стратегия при этом направлена на сохранение доминирования посредством укрепления традиционной «осевой» системы альянсов (hub-and-spokes) и конституирования новых узкоформатных коалиций (AUKUS, QUAD). Китай, со своей стороны, проецирует альтернативную, сетецентричную модель, опорой для которой служат не только геоэкономические проекты (инициатива «Один пояс, один путь»), но и собственные нормативные концепции, как, например, Глобальная инициатива по безопасности. Подобный подход представляет собой фундаментальный вызов как для американоцентричной архитектуры безопасности, так и для ее идеологического доминирования.

5. Переход США к стратегическому соперничеству с КНР, инициированный в период администрации Д. Трампа, получил свое окончательное оформление и институциональное закрепление после 2021 г. В этот период администрация Дж. Байдена не просто сохранила, но и систематизировала курс своего предшественника, перейдя от односторонних действий к формированию альянсов и более широкому идеологическому обрамлению[9]. Это подтвердило, что стратегическое сдерживание Китая трансформировалось в долгосрочный двухпартийный консенсус американских элит, а не являлось лишь временной политикой, связанной с личностью предыдущего президента.

Предложенная Китаем модель «отношений нового типа между великими державами», предполагающая отказ от конфронтационной логики «игры с нулевой суммой» в пользу взаимодействия на принципах взаимного уважения и обоюдной выгоды, несмотря на декларацию неконфликтности, оказалась нежизнеспособной. Данная модель, эффективная для управления отдельными кризисами на этапе сотрудничества, не смогла предложить механизм разрешения системного противоречия: для США рост Китая стал экзистенциальным вызовом их глобальному лидерству, в то время как для

---

[9] Interim National Security Strategic Guidance [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
National Defense Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2022. – URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf (дата обращения: 22.05.2024).
Indo-Pacific Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

Китая уступки по ключевым вопросам означали бы отказ от национального возрождения. К 2025 г. данное противоречие обусловило деградацию диалоговых механизмов, что выразилось в смещении двустороннего дискурса от проблематики построения партнерства к обсуждению вопросов «управления соперничеством» и установления «ограждений» (guardrails) с целью предотвращения прямого военного конфликта. Указанная трансформация знаменует окончательную несостоятельность исходной китайской концепции.

Анализ источниковой базы исследования. Источниковую базу исследования формируют несколько ключевых групп документов. Методология их анализа основывается на сопоставительном подходе, целью которого является выявление как точек соприкосновения, так и фундаментальных расхождений в стратегических культурах, официальных нарративах и внешнеполитических установках КНР и США.

Наиболее существенную группу источников образуют официальные документы и нормативно-правовые акты КНР. Их углубленный анализ составляет центральную задачу работы, поскольку он служит основой для реконструкции официальной китайской позиции, ее эволюции и внутренней логики. В данной группе выделяются следующие категории:

1. Документы стратегического планирования. К ним, в первую очередь, относятся доклады съездов Коммунистической партии Китая (КПК) и материалы пленумов ЦК[10]. На основе этих документов прослеживается

[10] Резолюция ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии : принята на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2021. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2021/1117/c31516-9921359.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议.

эволюция руководящей идеологии (от теории Дэн Сяопина[11] до идей Си Цзиньпина[12] о социализме с китайской спецификой в новую эпоху) и долгосрочных национальных целей, в частности, «великого возрождения китайской нации».

2. Конституция КНР и ключевые законы: Анализ Основного закона, особенно поправок, закрепляющих статус идей партийных лидеров, а также таких актов, как Закон КНР о национальной безопасности (2015)[13] и Закон о противодействии иностранным санкциям (2021)[14], демонстрирует, как идеологические установки трансформируются в конкретные правовые механизмы для защиты «коренных интересов» государства.

---

[11] Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Дэн Сяопин ; пер. с кит. – М. : Политиздат, 1988. – 256 с. (на кит. яз.). 邓小平《当代中国若干问题》.

[12] Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая «Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» от 18 октября 2017 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. – URL: http://www.russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平《决胜全面建成小康社会，夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利—在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告》. Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» от 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. // Информационное агентство Синьхуа. – 2022. – URL: http://russian.news.cn/20221025/e942b09063444fbda616843486241b6c/c.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平《高举中国特色社会主义伟大旗帜，为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗－－在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告》.

[13] Закон Китайской Народной Республики о государственной безопасности : принят 15-й сессией Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва 1 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1938988.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.).《中华人民共和国国家安全法》：2015 年 7 月 1 日由第十二届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过.

[14] Закон Китайской Народной Республики о противодействии иностранным санкциям: принят 29-й сессией Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 10 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/d2de136775224340a60424a180121703.shtml (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 《中华人民共和国反制外国制裁法》：于 2021 年 6 月 10 日由第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过.

3. Правительственные «Белые книги»[15]: Особую ценность представляют «Белые книги» по национальной обороне, внешней политике, отношениям с США и тайваньскому вопросу. Они формулируют официальную позицию Пекина для международной аудитории. Например, в них продвигается представление о Китае как о «ответственной великой державе», «защитнике мультилатерализма» и «строителе сообщества единой судьбы человечества», что контрастирует с американским видением КНР как «ревизионистской державы».

4. Официальные выступления и заявления: Речи высших руководителей КНР (Председателя КНР, министра иностранных дел) и официальных представителей МИД КНР позволяют анализировать риторические стратегии Пекина в отношении США, в частности, критику американского «гегемонизма», «менталитета холодной войны» и политики «двойных стандартов»[16].

---

[15] Белая книга о международном сотрудничестве Китая в целях развития в новую эру от 10.01.2021 [Электронный ресурс] // Правительство КНР : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 15.09.2024). (на кит. яз.). 中国新时代国际发展合作白皮书.

Белая книга по национальной обороне Китая в новую эпоху от 24.07.2019 [Электронный ресурс] // Министерство обороны КНР : [офиц. сайт]. – 2019. – URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (дата обращения: 16.09.2024). (на кит. яз.). 新时代中国国防白皮书.

Совместное строительство инициативы «Один пояс, один путь»: основные практики построения сообщества с единым будущим для человечества : Белая книга КНР от 10.10.2023 [Электронный ресурс] // Правительство КНР : [офиц. сайт]. – 2023. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 06.09.2024). (на кит. яз.). 共建“一带一路”倡议：构建人类命运共同体的主要实践：中华人民共和国白皮书.

Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху : Белая книга [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2022. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704945.htm (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 台湾问题与新时代中国统一事业国务院新闻办公室.

[16] Доклад «Гегемония США и ее риски» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202302/t20230220_11027664.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 美国霸权霸道霸凌及其危害报告.

Си Цзиньпин. Выступление на общих дебатах 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 21 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zt/UNGA76/202109/t20210922_9580579.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话.

Вторую группу источников, рассматриваемую в работе в качестве контрапункта китайской позиции, составляют официальные документы Соединенных Штатов Америки. К ним относятся:

1. Программные стратегические документы, такие как Стратегии национальной безопасности США различных администраций. Их анализ позволяет зафиксировать трансформацию подхода Вашингтона: от восприятия КНР как «стратегического партнера» в 1991 гг[17]. до его определения как «главного стратегического конкурента» в документах 2017–2025 гг[18].

2. Аналитические отчеты исполнительной власти, в частности ежегодные доклады Министерства обороны США Конгрессу о военной мощи Китая, а также материалы слушаний в Конгрессе[19]. Эти документы предоставляют ценную информацию об американской оценке китайской военной

Ван И. Пресс-конференция министра иностранных дел КНР Ван И по вопросам внешней политики Китая и международных отношений в рамках 1-й сессии ВСНП 14-го созыва от 7 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / Ван И // Жэньминь жибао онлайн. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0308/c31516-10219018.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 王毅就“中国外交政策和对外关系”相关问题回答中外记者提问.

[17] National Security Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House. – 1990. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1990.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

A National Security Strategy for a Global Age [Электронный ресурс] // The White House. – 2000. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // Historical Office of the Office of the Secretary of Defense : [сайт]. – 2010. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt7IeSPX2uNQt00_7wq6Hg%3d%3d (дата обращения: 05.09.2024).

[18] National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // The White House : [офиц. сайт]. – 2017. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

National Security Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House : [офиц. сайт]. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

[19] Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2023 : Annual Report to Congress [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF (дата обращения: 22.05.2024).

модернизации и озабоченностях, которые она вызывает у американского истеблишмента.

Третья группа источников охватывает двусторонние документы КНР и США, анализ которых позволяет выявить фундаментальные расхождения в трактовках ключевых договоренностей. В их числе:

1. Три основополагающих совместных коммюнике (Шанхайское 1972 г., об установлении дипотношений 1979 г. и от 17 августа 1982 г.)[20]. Анализ показывает, что если для Пекина эти документы являются нерушимой основой отношений, то для Вашингтона их значение зачастую корректируется внутренним законодательством, в первую очередь «Законом об отношениях с Тайванем» (1979).

2. Современные китайские документы по двусторонним вопросам, например, позиционные документы МИД КНР о китайско-американских отношениях, в которых США обвиняются в нарушении духа коммюнике через поставки вооружений Тайваню и усиление официальных контактов с ним[21]. Это демонстрирует принципиальное отличие китайского

---

[20] Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China (Shanghai Communiqué) : February 28, 1972 [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/joint-communique-between-united-states-and-china (дата обращения: 05.09.2024).

Joint Communique of the United States of America and the People’s Republic of China от 01.01.1979 [Электронный ресурс] // American Institute in Taiwan : [офиц. сайт]. – URL: https://www.ait.org.tw/u-s-prc-joint-communique-1979/ (дата обращения: 11.06.2024).

U.S.-China Communiqué on Arms Sales to Taiwan от 17.08.1982 [Электронный ресурс] // Office of the Historian : [офиц. сайт]. – URL: https://history.state.gov/milestones/1981-1988/china-communique (дата обращения: 07.09.2024).

[21] Белая книга «Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху» [Электронный ресурс] / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2022. – URL:http://russian.news.cn/20220810/8b88463c563c46729813123b3206c71f/c.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 台湾问题与新时代中国统一事业白皮书.

Заявление Министерства иностранных дел КНР в связи с визитом спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на китайский Тайвань от 2 августа 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [офиц. сайт]. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202208/t20220802_10732292.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.).

подхода, основанного на принципе невмешательства, от американского, апеллирующего к ценностям и обязательствам в сфере безопасности. *Четвертую группу* составляют многосторонние документы[22], такие как

中华人民共和国外交部关于美国国会众议长佩洛西窜访中国台湾地区的声明.

Заместитель министра иностранных дел Се Фэн провел переговоры с заместителем госсекретаря США У. Шерман : [пресс-релиз] от 26.07.2021 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202107/t20210726_9159021.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 外交部副部长谢锋同美国常务副国务卿舍曼举行会谈.

[22] Paris Agreement [Электронный ресурс] // UNFCCC. – 2015. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

Paris agreement [Электронный ресурс] // UNFCCC. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

Воронцов, А. В. Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: роль КНР и США [Электронный ресурс] / А. В. Воронцов // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 49–65. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-arhitektury-bezopasnosti-v-yugo-vostochnoy-azii-rol-knr-i-ssha (дата обращения: 05.09.2024).

Об участии Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1866686/ (дата обращения: 05.09.2024).

Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // ШОС : [офиц. сайт]. – URL: https://infoshos.ru/ru/?id=91 (дата обращения: 05.09.2024).

EU Strategy for the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // European External Action Service (EEAS) – 2022. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indo-pacific-strategy_en (дата обращения: 05.09.2024).

Agreement between the Parties to the North Atlantic Treaty regarding the Status of their Forces [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Collection : [сайт]. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=III-6&chapter=3 (дата обращения: 05.09.2024).

ASEAN Outlook on the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // ASEAN : [сайт]. – URL: https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/ (дата обращения: 05.09.2024).

ASEAN Outlook on the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // ASEAN. – 2019. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

China’s Accession Protocol [Электронный ресурс] // WTO. – 2001. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=r:WT/ACC/CHN49.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

EU-China - A strategic outlook [Электронный ресурс] // European Commission : [сайт]. – URL: https://ec.europa.eu/info/publications/eu-china-strategy-2019_en (дата обращения: 05.09.2024).

EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation [Электронный ресурс]. – URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

OECD Investment [Электронный ресурс] // OECD : [офиц. сайт]. – URL: https://www.oecd.org/investment/ (дата обращения: 05.09.2024).

Marrakesh Agreement Establishing the WTO [Электронный ресурс] // World Trade Organization. – 1994. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

резолюции СБ ООН, документы ВТО и совместные заявления в рамках региональных форматов (АСЕАН, ШОС). Они служат для оценки того, как китайско-американское соперничество проявляется на глобальных и региональных площадках, и анализа их борьбы за формирование международных норм и правил игры.

Другие документы и СМИ. В эту группу вошли официальные стратегические документы различных стран[23], а также сообщения международных СМИ об отношениях Китая и США и ситуации в Тайваньском

NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс] // NATO : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

Ng, J. ASEAN, Chinese and US legitimation strategies over the Indo-Pacific security architecture [Электронный ресурс] / Joel Ng // International Affairs. – 2023. – Vol. 99, Issue 3. – P. 1003–1022. – URL: https://doi.org/10.1093/ia/iiad107 (дата обращения: 05.09.2024).

The China-U.S. Relationship Goes Global [Электронный ресурс] / Jisi Wang // China International Strategy Review. – 2012. – URL: https://www.jstor.org/stable/45318844 (дата обращения: 05.09.2024).

The U.S.-China Relationship Reaches a New Stage [Электронный ресурс] // De Gruyter : [сайт]. – URL: https://www.degruyter.com/document/doi/10.7312/thur20128-012/html (дата обращения: 05.09.2024).

Zhang, J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN’s response to US–China strategic competition [Электронный ресурс] / J. Zhang // China International Strategic Review. – 2023. – Vol. 5. – P. 73–89. – URL: https://doi.org/10.1007/s42533-023-00128-3 (дата обращения: 05.09.2024).

U.S.-China S&ED Reports [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [офиц. сайт]. – URL: https://2009-2017.state.gov/s/e/ (дата обращения: 05.09.2024).

Конышев, В. Н. Российско-американские отношения в Арктике: от сотрудничества к конфронтации [Электронный ресурс] / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 5. – С. 5–18. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46177594 (дата обращения: 05.09.2024).

Eurostat [Электронный ресурс] // European Commission : [офиц. сайт]. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat (дата обращения: 05.09.2024).

Ross, R. S. The Future of U.S.-China Relations: A Realist's View [Электронный ресурс] / R. S. Ross // International Security. – 2005. – Vol. 30, № 2. – P. 7–47. – URL: https://direct.mit.edu/isec/article-abstract/30/2/7/11842 (дата обращения: 05.09.2024).

Science and Engineering Indicators 2022 [Электронный ресурс] // National Science Board : [сайт]. – URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20227 (дата обращения: 05.09.2024).

[23] Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития [Электронный ресурс] // GOV.UK : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60df2338d3bf7f7c2acabdf6/03335-CO-Integrated-Review-Foreward-and-Overview-FINAL-RUSSIAN-WEB-DISPLAYABLE-PDF.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России : [офиц. сайт]. – 2009. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/29243 (дата обращения: 05.09.2024).

Japan's New Plan for a 'Free and Open Indo-Pacific (FOIP)' [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan : [офиц. сайт]. – 2023. – URL: https://www.mofa.go.jp/files/100527856.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

проливе[24]. Использованный комплекс источников, включающий в себя национальные политические документы и материалы международных СМИ, создает основу для анализа политического контекста и общественного мнения в рамках американо-китайского противостояния. Сформированная таким образом источниковая база обладает достаточной репрезентативностью для обеспечения комплексного и объективного изучения поставленной проблемы.

Степень научной разработанности темы.

Проанализировав траекторию эволюции и внутреннюю логику политики Китая в отношении Соединенных Штатов после окончания холодной войны, особенно после 2013 года, исследователи отмечали как возможности для взаимодействия, так и соперничества. С 2013 года в политике Китая по отношению к США все более отчетливо проявляется дуалистический характер, сочетающий в себе элементы сотрудничества и соперничества. В этом контексте, например, статья известного российского синолога А.В. Лукина «Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность»[25] призвана раскрыть ключевую логику китайской политики в отношении

---

[24] Branigan, T. China launches missiles near Taiwan [Электронный ресурс] / T. Branigan // The Guardian : [сайт]. – 1996. – URL: https://www.theguardian.com/world/1996/mar/12/china (дата обращения: 01.08.2024).
Davidson, H. China begins military drills around Taiwan in protest at Pelosi's visit [Электронный ресурс] / H. Davidson, V. Ni // The Guardian : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.theguardian.com/world/2022/aug/04/taiwan-china-military-drills-us-house-speaker-pelosi-visit (дата обращения: 05.08.2024).
Phillips, T. China warns against independence after Taiwan elects first female president [Электронный ресурс] / T. Phillips // The Guardian : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.theguardian.com/world/2016/jan/16/taiwan-election-china-reaction-tsai-ing-wen (дата обращения: 05.08.2024).
Taiwan Strait tensions [Электронный ресурс] // South China Morning Post : [сайт]. – URL: https://www.scmp.com/topics/taiwan-strait-tensions (дата обращения: 05.09.2024).
Watts, J. China passes anti-secession law [Электронный ресурс] / J. Watts // The Guardian : [сайт]. – 2005. – URL: https://www.theguardian.com/world/2005/mar/14/china.taiwan (дата обращения: 05.09.2024).
Wingfield-Hayes, R. US-China relations: Is this the start of a new Cold War? [Электронный ресурс] / R. Wingfield-Hayes // BBC News : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-60039637 (дата обращения: 05.09.2024).

[25] Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность» / А.В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 1. – С. 118–137.

Соединенных Штатов и оценить её глубокое влияние на будущую траекторию развития китайско-американских отношений на двустороннем, региональном и глобальном уровнях. Данная проблематика стала центральным объектом пристального внимания китайских академических кругов в таких областях, как международные отношения, стратегические исследования и мировая экономика.

Рассматриваемой теме посвящен значительный корпус работ китайских ученых. В них анализируется стратегия США в отношении Китая в период правления администрации Д. Трампа с учетом реалий национального развития КНР после 2013 г. Данный анализ проводится в сопоставлении с официальной позицией и практическими ответными мерами Пекина, что позволяет условно сгруппировать существующие труды по нескольким категориям.

Первая группа включает в себя фундаментальные теоретические работы, закладывающие концептуальную основу для понимания современной динамики отношений великих держав. В трудах таких авторов, как профессор Университета Цинхуа Янь Сюэтун[26] (阎学通), формулируется концепция «морального реализма». Профессор Пекинского университета Ван Цзисы[27] (王缉思) и бывший директор Китайского института современных международных отношений Юань Пэн[28] (袁鹏) анализируют глубинные «структурные противоречия» в китайско-американских отношениях. К ним присоединяются

[26] Янь С. Неверные суждения Китая и США и структурные противоречия // Исследования международной политики. – 2019. – № 3. – С. 9–33. (на кит. яз.). 阎学通. 中美错误认知与结构性矛盾. 国际政治研究.

[27] Ван Ц. Наблюдая за Китаем, наблюдая за Америкой: размышления о китайско-американских стратегических отношениях // Американские исследования. – 2021. – № 1. – С. 9–27. (на кит. яз.). 王缉思. 观华观美: 中美战略关系之我见. 美国研究.

[28] Юань Пэн. «Большая двойка» (G2): иллюзия и реальность / Юань Пэн // Современные международные отношения. – 2009. – № 5. – С. 1–7. (на кит. яз.). 袁鹏. “G2”：幻象与现实 // 现代国际关系. – 2009. – № 5. – 第1-7页.

профессор Китайского народного университета Ши Иньхун[29] (时殷弘), предлагающий более острожный реалистический анализ, и профессор Цинь Яцин[30] (秦亚青), разрабатывающий «реляционную теорию» (теорию отношений) в международных отношениях. Профессор Цзилиньского университета Сунь Синцзе[31] (孙兴杰) и профессор Китайского народного университета Цзинь Цаньжун[32] (金灿荣) применяют исторический и стратегический подходы для анализа глобального сдвига сил. В данных работах переход США к стратегии сдерживания Китая осмысливается не как ситуативное явление, а в качестве закономерного этапа конкуренции между действующей и восходящей державами.

Непосредственному анализу политики американских администраций посвящена вторая группа исследований. Так, в работах директора Центра американских исследований Фуданьского университета У Синьбо[33] (吴心伯), президента Шанхайского института международных исследований Ян Цземяня[34] (杨洁勉) и профессор Университета Цинхуа Да Вэй[35] (达巍) анализирует сдвиг в американской стратегии, произошедший в период

---

[29] Ши И. Новая ситуация в стратегической конкуренции между Китаем и США и её основные характеристики // Мировая экономика и политика. – 2018. – № 7. – С. 4–13. (на кит. яз.). 时殷弘. 中美战略竞争的新态势及其基本特征. 世界经济与政治.

[30] Цинь Я. Реляционная теория и китайская мысль в международных отношениях // Социальные науки в Китае. – 2019. – № 4. – С. 147–167. (на кит. яз.). 秦亚青. 关系理论与国际关系中的中国思想. 中国社会科学.

[31] Сунь Синцзе. Исторический анализ современного глобального сдвига сил / Сунь Синцзе // Международные исследования. - 2020. - № 5. - С. 67-82. (на кит. яз.). 孙兴杰. 全球权力转移的历史分析. 国际观察, 2020 (5):67-82.

[32] Цзинь Ц. Столетие невиданных перемен и китайско-американская игра // Исследования международных проблем. – 2018. – № 4. – С. 24–39. (на кит. яз.). 金灿荣. 百年未有之大变局与中美博弈. 国际问题研究.

[33] У С. Политика Байдена в отношении Китая и китайско-американские отношения // Международные исследования. – 2021. – № 2. – С. 23–38. (на кит. яз.). 吴心伯. 拜登对华政策与中美关系. 国际问题研究.

[34] Ян Цземянь. Системные изменения политики администрации Трампа в отношении Китая и их влияние / Ян Цземянь // Международный прогноз. - 2020. - № 4. - С. 78-92. (на кит. яз.). 杨洁勉. 特朗普政府对华政策的系统性变化及其影响. 国际展望, 2020 (4):78-92.

[35] Да В. Стратегическое мышление и политический выбор в китайской политике администрации Байдена // Современные международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–10. (на кит. яз.). 达巍. 拜登政府对华政策的战略思维与政策选择. 现代国际关系.

президентства Д. Трампа. Воздействию внутриполитических факторов на внешнеполитический курс США посвящены труды профессора Китайского народного университета Дяо Дамина[36] (刁大明). Политику администрации Дж. Байдена рассматривают профессор Пекинского университета Ван Дун[37] (王栋) и научный сотрудник Китайского института современных международных отношений Лю Фэйтао[38] (刘飞涛). Эти эксперты акцентируют внимание на анализе ключевых доктринальных документов США, таких как «Стратегия национальной безопасности» и «Индо-Тихоокеанская стратегия», в которых Китай определён в качестве «главного стратегического соперника».

Третья группа трудов китайских исследователей посвящена анализу отдельных аспектов соперничества между КНР и США. Экономическое противостояние, включая торговую войну и санкционную политику, подробно исследуется в работах академика Китайской академии общественных наук (CASS) Юй Юндина[39] (余永定), а также экспертов Хэ Вэйвэня[40] (何伟文) и Чэнь Вэньлина[41] (陈文玲). Военно-стратегические аспекты, в том числе

---

[36] Дяо Д. Логика эволюции двухпартийной конкуренции в США и её влияние на политику в отношении Китая // Мировая экономика и политика. – 2021. – № 10. – С. 57–80. (на кит. яз.). 刁大明. 美国两党竞争的演化逻辑及其对华政策影响. 世界经济与政治.

[37] Ван Дуна. Администрация Байдена и институционализация китайско-американского стратегического соперничества / Ван Дуна // Исследования международных проблем. - 2021. - № 4. - С. 45-60. (на кит. яз.). 王栋. 拜登政府与中美战略竞争的制度化与强化. 国际问题研究，2021 (4):45-60.

[38] Лю Фэйтао. Национальная безопасностная стратегия США и Индо-Тихоокеанская стратегия: Китай как главный стратегический соперник / Лю Фэйтао // Современные международные отношения. - 2021. - № 6. - С. 34-51. (на кит. яз.). 刘飞涛.美国国家安全战略与印太战略：中国作为主要战略竞争对手. 现代国际关系，2021 (6):34-51.

[39] Юй Ю. Суть китайско-американского торгового спора и его перспективы // Международные экономические обзоры. – 2019. – № 5. – С. 9–28. (на кит. яз.). 余永定. 中美贸易争端的实质与前景. 国际经济评论.

[40] Хэ Вэйвэнь. Китайско-американское экономическое противостояние: перспективы и пути разрешения / Хэ Вэйвэнь // Международная экономика. - 2020. - № 3. - С. 45-60. (на кит. яз.). 何伟文.中美经济对抗：前景与解决路径. 国际经济评论，2020 (3):45-60.

[41] Чэнь Вэньлина. Исследование китайско-американских экономических отношений в следующем десятилетии : монография / Чэнь Вэньлина ; Центр международного экономического обмена Китая. - Пекин. : Изд-во Центра международного экономического обмена Китая, 2013. - 352 с. (на кит. яз.). 陈文玲.未来十年中美经贸关系研究. 北京：中国国际经济交流中心出版社，2013.

противодействие Индо-Тихоокеанской стратегии США и проблема Тайваня, находятся в центре внимания таких экспертов, как профессор Нанкинского университета Чжу Фэн[42] (朱锋), генерал-майор в отставке Цзинь Инань[43] (金一南) из Университета национальной обороны НОАК и военный комментатор У Дахуэй[44] (吴大辉). Технологическое соперничество, кибербезопасность и их влияние на глобальные цепочки поставок анализируют декан Института управления им. Шварцмана при Университете Цинхуа Сюэ Лань[45] (薛澜), профессор Китайского народного университета Ли Вэй[46] (李巍) и эксперт в области интернет-управления Фан Синдун[47] (方兴东).

Группа таких китайских авторов, как: Ченг Ли[48], Хэ Кай и Фэн Хуэйюнь[49], Лин Шэнли и Леу Хуэйи[50], Ян Яо[51], Чжун Цзин[52], Ли Вэй и Чжан Чжэсинь[53],

---

[42] Чжу Ф. Китайско-американские отношения и морская безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и политика. – 2016. – № 7. – С. 34–51. (на кит. яз.). 朱锋. 中美关系与亚太海上安全. 世界经济与政治.

[43] Цзинь Инань. Национальная оборона и военная стратегия Китая при американском давлении : монография / Цзинь Инань ; Университет национальной обороны КНР. - Пекин. : Изд-во Университета национальной обороны КНР, 2021. - 386 с. (на кит. яз.). 金一南. 国防与中国军事战略：在美国压力下的应对. 北京：国防大学出版社，2021.

[44] У Дахуэй. Проблема Тайваня и риски китайско-американских военных конфликтов: контрмеры / У Дахуэй // Современные международные отношения. - 2022. - № 3. - С. 45-60. (на кит. яз.). 吴大辉.台湾问题与中美军事冲突：风险与对策. 现代国际关系，2022 (3):45-60.

[45] Сюэ Лань. Китайско-американское технологическое соперничество: глобальные цепочки поставок и кибербезопасность : монография / Сюэ Лань ; Институт управления им. Шварцмана Цинхуа ун-та. - Пекин. : Изд-во Цинхуа ун-та, 2021. - 312 с. (на кит. яз.). 薛澜. 中美技术竞争：全球供应链与网络安全. 北京：清华大学出版社，2021.

[46] Ли В. Технологический «декаплинг» и реконструкция глобальных цепочек создания стоимости в контексте китайско-американской стратегической конкуренции // Мировая экономика и политика. – 2020. – № 8. – С. 34–55. (на кит. яз.). 李巍. 中美战略竞争背景下的技术“脱钩”与全球价值链重构. 世界经济与政治.

[47] Фан Синдун. Сетевая мощь: китайско-американская большая игра в киберпространстве : монография / Фан Синдун ; Институт интернет-исследований Китая. - Пекин. : Изд-во Электронной промышленности, 2014. - 278 с. (на кит. яз.). 方兴东.网络强国：中美网络空间大博弈. 北京：电子工业出版社，2014.

[48] Cheng, Li. Assessing U.S.-China relations under the Obama administration [Электронный ресурс] / Cheng Li // Brookings : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.brookings.edu/articles/assessing-u-s-china-relations-under-the-obama-administration/ (дата обращения: 30.04.2024).

[49] He, K. Debating China’s assertiveness: taking China’s power and interests seriously / K. He, H. Feng // International Politics. – 2012. – Vol. 49, № 5. – P. 633–644.

[50] Ling, S. Why Are China and the U.S. Not Destined to Fall into the “Thucydides’ Trap”? / S. Ling, H. Lv // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2018. – Vol. 4, № 4. – P. 495–514.

[51] Yang, Y. The New Cold War: America’s new approach to Sino-American relations [Электронный ресурс] / Y. Yang // China International Strategy Review. – 2021. – Vol. 3, № 1. – URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8060787/ (дата обращения: 02.05.2024).

Лин Чжицзянь и Тан Синьвэй[54] и др., утверждают, что хотя геополитическое соперничество между Китаем и США проявляется на глобальном уровне, оно наиболее ярко выражено в широком азиатском регионе, охватывающем территорию от Индийского океана до западной части Тихого океана.

Зарубежная научная литература также представляет значительный интерес, предлагая взгляд на проблему с иной перспективы.

В американской историографии отчетливо прослеживается разделение на несколько школ. Первая – представители реализма и консервативного подхода (Дж. Миршаймер[55], С. Хантингтон[56], П. Наварро[57]), которые изначально рассматривали подъем Китая как прямую угрозу американской гегемонии и заложили идейную основу для ужесточения политики Вашингтона. Вторую группу составляют сторонники либерально-институционального подхода, представленного, в частности, работами Р.О. Коэна и Дж. Ная-мл.[58], а также Дж. Айкенберри[59]. Они, напротив, выступали за конструктивное вовлечение КНР в существующую

---

[52] Zhong, J. One voice among many: the new China lobby and Sino-US relations in the 1990s : M.Phil. thesis / Zhong Jing ; Hong Kong University of Science and Technology. – Hong Kong, 1999. – 98 p.

[53] Ли, Вэй. Новые китайско-американские отношения в эпоху стратегической конкуренции / Ли Вэй, Чжан Чжэсинь // Международная политическая наука. – 2015. – № 1. – С. 25–53. (на кит. яз.) 李巍, 张哲馨. 战略竞争时代的新型中美关系.《国际政治科学》２０１５年第１期（总第４１期），第２５－５３页.

[54] Ту, Чжицзянь. Стратегический треугольник США, Китая и Тайваня во времена администрации Клинтона / Ту Чжицзянь, Тан Синьвэй // Общий взгляд : перспективный ежеквартальный журнал. – 2001. – № 2. – С. 163–195. (на кит. яз.). 涂志堅, 唐欣偉. 從總體觀點看柯林頓政府時期的 美「中」臺戰略三角. 《遠景季刊》 2卷 2 期 (2001/04): 163-195.

[55] Mearsheimer, J.J. The Tragedy of Great Power Politics / Mearsheimer,J.J. - New York : W. W. Norton & Company, 2001. - 448 p.

[56] Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington. - New York : Simon & Schuster, 1996. - 384 p.

[57] Navarro, P.D., Autry G. Death by China: Confronting the Dragon - A Global Call to Action / P.D. Navarro, G. Autry. - New York : Prentice Hall, 2011. - 320 p.

[58] Keohane, R. O. Power and Interdependence: World Politics in Transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p.

[59] Ikenberry, G. J. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? / G. J. Ikenberry // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 1. – P. 23–37.

международную систему посредством её интеграции в либеральный мировой порядок под эгидой США. Их труды имеют ключевое значение для понимания логики американской политики «вовлечения» (engagement) в отношении Китая вплоть до начала 2010-х годов.

Особую группу работ составляют труды ведущих американских исследователей, изучающих историю и эволюцию китайско-американских отношений в широком политико-историческом контексте, которые и заложили основу для системного анализа китайско-американских отношений как части глобальной стратегической архитектуры мировой политики. Значительный вклад в интерпретацию политических принципов, определявших поведение США по отношению к КНР, внесли Дж. Гаддис[60], Р. Саттер и Т. Кристенсен[61], обратившие внимание на роль баланса сил, идеологического фактора и транснациональных вызовов в двусторонней повестке. Дж. Фэрбанк[62] рассматривал китайскую цивилизацию и политику через призму исторического непрерывного мировосприятия, что позволило переосмыслить природу международной стратегии Пекина с позиций американских взглядов.

Следует выделить ряд американских авторов, сосредоточенных на анализе вызовов, исходящих от Китая для глобального лидерства США. В частности, С.

---

[60] Gaddis, J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. – N. Y.: Oxford University Press, 1982. – 512 p.

[61] Sutter, R. U.S. Policy Towards China: An Introduction to the Role of Interest Groups. – Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc, 1998. – 184 p.; Sutter R. Constructing the US Rapprochement with China, 1961–1974: From 'Red Menace' to 'Tacit Ally'. // China Review International. – 2005. – 12(2). – P. 417-419.; Sutter R. U.S.-Chinese Relations: Perilous Past, Pragmatic Present. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 340 p.

[62] Fairbank, J. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations / J. Fairbank. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1968. – 416 p.
Fairbank, J. Chinese Thought and Institutions / J. Fairbank. – Chicago : University of Chicago Press, 1957. – 438 p.
Fairbank, J. The United States and China / J. Fairbank. – Cambridge : Harvard University Press, 1983. – 660 p.

Хантингтон[63], Дж. Миршаймер[64] и Ч. Гордон[65] рассматривали «возвышение Китая» как экзистенциальный вызов либеральному мировому порядку, выстроенному США. Они акцентируют внимание на неизбежности конфронтации в условиях смены баланса сил, обосновывая «ловушку Фукидида» применительно к отношениям Вашингтона и Пекина.

В отдельную группу стоит выделить научные и аналитические работы таких англоязычных авторов, как: Б. Эллеман[66], Б. Геллман[67], Д. Накамура[68], Р. Саттер[69], которые направлены на освещение развития соперничества между США и Китаем и его усиление в первом десятилетии XXI в. Такие авторы, как М. Валенсиа[70], П. Ван Несс[71], предполагают, что американо-китайское соперничество способно привнести в мировой порядок новую «холодную войну».

В российской историографии внешняя политика США рассматривается в контексте общих теоретико-исторических подходов к международным

---

[63] Huntington, S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – 72(3). – P. 22–49.; Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N. Y.: Simon & Schuster, 1998. – 368 p.

[64] Mearsheimer, J.J. The Gathering Storm: China's Challenge to US Power in Asia. // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – 3(4). – P. 381–396.

[65] Gordon, C. The Coming Collapse of China. – N.Y.: Random House, 2001. – 368 p.

[66] Elleman, B. Taiwan Straits: Crisis in Asia and the Role of the U.S. Navy. – Lanham: Rowman&Littlefield, 2014. – 252 p.

[67] Gellman, B. U.S. and China nearly came to blows in '96 [Электронный ресурс] / B. Gellman // The Washington Post : [сайт]. – 1998. – URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1998/06/21/us-and-china-nearly-came-to-blows-in-96/926d105f-1fd8-404c-9995-90984f86a613/ (дата обращения: 27.04.2024).

[68] Nakamura, D. Obama heads to Asia with sharp focus on China's growing power [Электронный ресурс] / D. Nakamura, W. Wan // The Washington Post : [сайт]. – 2011. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/obama-heads-to-asia-with-sharp-focus-on-chinas-growing-power/2011/11/10/gIQAOsQkBN_story.html (дата обращения: 06.05.2024).

[69] Sutter, R. U.S. Policy Towards China: An Introduction to the Role of Interest Groups. – Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc, 1998. – 184 p.

[70] Cheng, Li. Assessing U.S.-China relations under the Obama administration [Электронный ресурс] / Cheng Li // Brookings : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.brookings.edu/articles/assessing-u-s-china-relations-under-the-obama-administration/ (дата обращения: 30.04.2024).

[71] Van Ness, P. Addressing the Human Rights Issue in Sino-American Relations. // Journal of International Affairs. – 1996. – Vol. 49. – № 2. – P. 309-331.

отношениям. Исследования Э.Я. Баталова[72], А.Д. Богатурова[73], В.А. Кременюка[74], А.П. Косова[75], В.П. Лукина[76], О.И. Ребро[77], В.О. Печатнова[78], С.М. Самуйлова[79], А.И. Уткина[80] и др. авторов служат концептуальной основой для понимания внешнеполитических приоритетов США. Перечисленные работы закладывают фундамент для интерпретации развития отношений США с КНР как элемента глобальной внешнеполитической стратегии Вашингтона, с учетом идеологического и институционального оформления внешнеполитического курса и его трансформации при смене администраций Белого дома.

Внимание в трудах таких востоковедов, как А.В. Виноградов[81], Ю.М. Галенович[82], уделяется тому, как китайский опыт влияет на возможные

---

[72] Баталов, Э.Я. Идеологическая стратегия США на мировой арене / Э.Я. Баталов. – М.: Международные отношения, 1985. – 230 с.; Баталов, Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций / Э.Я. Баталов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 376 с.

[73] Богатуров, А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д. Богатуров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 48 с.; Богатуров, А.Д. Современная мировая политика. Прикладной анализ / А.Д. Богатуров. – М.: Аспект-пресс, 2010. – 589 с.

[74] Кременюк, В.А. Внешняя политика США на рубеже веков // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 5. – С. 3–15.;Кременюк, В.А. Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001–2002 гг.) / под общ. ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесного. – М.: ИСКРАН, 2002. – 105 с.;Кременюк, В.А. Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / В.А. Кременюк, Г.В. Мирзаян, П.Т. Подлесный и др. ; под общ. ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: ИСКРАН, 2005. – 141 с.;Кременюк, В.А. США в современной мировой системе [Электронный ресурс] // Электронный журнал ИСКРАН «Россия и Америка в XXI веке». – 2008. – № 2. – URL: доступен из официального ресурса издателя.;Кременюк, В.А. Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / под общ. ред. В.А. Кременюка, Т.А. Шаклеиной. – М., 2007. – 179 с.

[75] Косов, А.П. США во внешней политике России в условиях трансформации современного миропорядка: монография / под ред. В. С. Кошелева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 366 с.

[76] Лукин, В.П. «Центры силы». Концепции и реальность / В.П. Лукин. – М., 1983. – 256 с.

[77] Ребро, О. И., Сучков М. А. «Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире //Международная аналитика. – 2021. – Т. 12. – №. 3. – С. 19-37.

[78] Печатнов, В.О. Внешнеполитическая стратегия США после холодной войны // Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. с.; Печатнов, В.О. США в региональном и глобальном измерениях // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2004. – С. 559–598.

[79] Самуйлов, С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование / С.М. Самуйлов. – М.: ИСКРАН, 2013. – 316 с.; Самуйлов, С.М. Совет национальной безопасности США: принятие решений при Дж. Буше-мл. и Б. Обаме // Внешняя политика администрации Барака Обамы (2009–2012 гг.) / под общ. ред. В.А. Кременюка. – М.: ИСКРАН, 2012. – С. с.; Самуйлов, С.М. Пентагон и «строительство государства» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 10. – С. 21–38.

[80] Уткин, А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США / А.И. Уткин. – М.: Международные отношения, 1986. – 287 с.

[81] Современное китайское государство / гл. ред. А.В. Виноградов. - М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. – 903 с.

[82] Галенович, Ю.М. Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай / Ю.М. Галенович. – М.: Директмедиа, 2013. – 480 с.

мировые политические конфигурации будущего АТР. Данные работы позволяют глубже понять стратегические цели Китая и его позиционирование на мировой арене. В работах Е.Н. Грачикова[83] рассматривается эволюция внешней политики Китая и изменение отношения страны к современному балансу сил в АТР, изменение видения глобальной повестки по многим актуальным мировым проблемам, в том числе конкуренцию с США. Исследования С.Г. Лузянина[84] представляют интерес в контексте анализа региональных и глобальных ресурсов сотрудничества «треугольника» России, Индии и Китая в Азии. Рассматривается стратегическое взаимодействие этих стран и ключевые аспекты их возможного сотрудничества и соперничества.

Отдельная группа исследований посвящена тайваньскому вопросу как одному из ключевых элементов конфронтации между США и КНР. Исследования А.В. Волошиной[85], И.В. Гордеевой[86], И.Е. Денисова[87], Я.В. Лексютиной[88], Е.В. Семкиной[89], С.М. Труш[90], В.Ф. Урляпова[91], и др.

---

[83] Грачиков, Е.Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2015. – № 3. – С. 34–46; Грачиков, Е.Н. Глобальная конкуренция США и КНР // Глобальная конкуренция США и КНР: научная монография / под ред. Е.Н. Грачикова, М.С. Рамича. – М.: РУДН, 2022. – С. 5–12.

[84] Лузянин, С.Г. Региональные и глобальные ресурсы сотрудничества России, Индии, Китая в центральноазиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 2. – С. 33–41.

[85] Волошина, А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 80-93.

[86] Гордеева, И.В. Место Тайваня в противоборстве США и Японии с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 1. – С. 7–20.

[87] Денисов, И.Е. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между КНР и США в среднесрочной перспективе (военно-политический и экономический аспекты) // Ежегодник Института международных исследований МГИМО МИД РФ. – 2013. – № 3–4. – С. 189–201.

[88] Лексютина, Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 199 с.; Лексютина, Я.В. США и политика «одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 5 (56). – С. 99–116.

[89] Семкина, Е.В. Юго-Восточная Азия: новые плоскости антагонизма США и КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 3. – С. 99–104.

[90] Труш, С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 50 (12). – С. 45–61; Труш, С.М. Обострение вокруг Тайваня: грани конфликта // Международная жизнь. – 2021. – № 12. – С. 100–107.

[91] Урляпов, В.Ф. «Новое пришествие» США в юго-восточную Азию. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 17. – С. 19-30.

посвящены рассмотрению изменений во внешнеполитическом векторе США в отношении Тайваня и его влиянию на роль и место американского вектора в Китайской Республике. Данная группа исследований подчеркивает как внутриполитическую значимость Тайваня для Пекина, так и использование США тайваньской тематики в стратегическом и символическом противостоянии с КНР. Перечисленные авторы рассматривают Тайвань не только как объект территориального спора, но и как площадку геополитического влияния, активно вовлекаемую в международную риторику обеих сторон.

Сравнительный анализ представленных подходов позволяет выявить фундаментальные различия в методологии и фокусе исследований. Китайская научная школа, представленная такими авторами, как Янь Сюэтун, Ван Цзисы и У Синьбо, исходит прежде всего из внутриполитического контекста и национальных интересов КНР. В центре внимания китайских исследователей находится формирование собственной стратегии в условиях меняющейся внешней среды, в которой политика США трактуется как ключевой, но не единственный детерминирующий фактор. Американская же историография (Дж. Миршаймер, Г. Киссинджер), напротив, традиционно подходит к анализу усиления КНР через призму его воздействия на глобальное лидерство США и сформированный ими мировой порядок. Ключевым исследовательским вопросом для них выступает, каким образом подъем Китая изменяет глобальный баланс сил и создает угрозу для американской гегемонии. Российская школа востоковедения (А.Д. Богатуров, С.Г. Лузянин, А.В. Лукин),

в свою очередь, предлагает собственный ракурс рассмотрения проблемы. Отечественные исследователи трактуют китайско-американское соперничество в качестве стержневого процесса формирования нового многополярного мироустройства, уделяя основное внимание его последствиям для глобальной стабильности и национальных интересов России. Следовательно, исследовательские приоритеты можно дифференцировать: если для китайских авторов в центре внимания находятся вопросы национального развития и стратегической автономии, а для американских – проблематика сохранения лидерства, то для российских ученых первостепенное значение имеет анализ трансформации всей глобальной архитектуры.

Анализ историографии показывает, что китайско-американские отношения получили широкое и многостороннее освещение в научной литературе. Исследования охватывают широкий спектр вопросов, от историко-теоретических основ внешней политики США и КНР до анализа региональных конфликтов и идеологического соперничества. Вместе с тем, степень проработанности различных аспектов данной темы остается неравномерной. Наиболее разработанными в научной литературе представлены направления внешнеполитической стратегии США и КНР, значительное внимание уделяется этапам нормализации, политическим концепциям соперничества и взаимного восприятия, начиная с периода «холодной войны» и заканчивая современным этапом развития соперничества на уровне «холодной войны 2.0».

В то же время менее проработанными остается эволюция

технологического соперничества, а региональные аспекты противостояния в Азии и АТР описываются преимущественно в отрыве от общей траектории двусторонних отношений. Актуальная проблематика влияния китайско-американского соперничества на формирование многополярного мирового порядка, на трансформацию глобальных институтов и международной архитектуры безопасности исследуется фрагментарно и преимущественно в публицистическом, а не научно-аналитическом формате.

Несмотря на обилие существующих научных трудов, определённые аспекты требуют более глубокого изучения. Во-первых, долгосрочный и преемственный, не зависящий от смены администраций, характер стратегии сдерживания Китая со стороны США ещё не получил исчерпывающего систематического освещения в научной литературе. Во-вторых, и это является ключевым пробелом, многие имеющиеся исследования, особенно в западной академической среде, склонны интерпретировать политические решения Пекина в рамках парадигмы «стимул-реакция», рассматривая их преимущественно как пассивный ответ на действия Вашингтона. Вследствие этого внутренняя логика, стратегическая автономия и проактивность китайской дипломатии, основанные на собственном видении миропорядка и национальных целях, не получили должного рассмотрения и оценки.

В этой связи основной вклад настоящего диссертационного исследования заключается в том, чтобы, основываясь на комплексном анализе формирования и эволюции политики Китая в отношении США, восполнить указанные пробелы. Работа призвана проанализировать стратегию Пекина не как

производную от действий Вашингтона, а как самостоятельный и проактивный курс, обусловленный внутренними целями развития КНР и её видением своего места в мире. Анализ политики США при этом выступает необходимым контекстом, позволяющим глубже понять мотивы и логику китайских стратегических решений. Такой подход, предполагающий взгляд на проблему «китайскими глазами», позволяет преодолеть ограниченность «реактивной» парадигмы, доминирующей в части западных исследований.

Научная новизна исследования заключается в следующем.

Во-первых, научная новизна состоит в авторском подходе. Так, была уточнена периодизация китайско-американских отношений. Впервые в российской синологии политика КНР в отношении США после окончания холодной войны рассматривается через призму обоснованной авторской периодизации, в рамках которой 2013 год выделяется как ключевой хронологический и содержательный рубеж. В отличие от работ, рассматривающих данный период как единый этап или концентрирующихся исключительно на периоде торговых войн, в диссертации доказывается, что именно с 2013 г. начался качественный сдвиг в двусторонних отношениях, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами, и произошел окончательный переход от парадигмы «сотрудничество преобладает над разногласиями» к состоянию системного стратегического соперничества.

В отличие от большинства исследований, акцентирующих внимание преимущественно на конфронтационной составляющей, в данной работе предложен комплексный диалектический подход. Научная новизна состоит еще

и в том, что политика Пекина в отношении Вашингтона после 2013 г. анализируется не как линейный отказ от сотрудничества, а как динамическое единство и борьба двух тенденций – сотрудничества и соперничества. Впервые предпринята попытка систематизировать и сопоставить сохраняющиеся области взаимодействия (Глава II) и нарастающие зоны противоборства (Глава III), что позволяет получить более объемное и объективное представление о современной стратегии КНР.

Во-вторых, в диссертации представлена источниковедческая новизна. Впервые в российский научный оборот введены китайские документы, что позволило систематизировать и провести глубокий анализ политики КНР в отношении США в период после 2013 г. с точки зрения самого Пекина. Для этого был привлечен широкий круг оригинальных источников на китайском языке, ранее не использовавшихся в комплексном анализе по данной теме. К ним относятся, в частности, ключевые доктринальные документы, определяющие долгосрочную стратегию КНР (такие как Доклад Председателя КНР Си Цзиньпина на XX Всекитайском съезде КПК)[92]; принципиальные позиционные заявления, отражающие тактическую линию Пекина (например, «Два списка», представленные Китаем в Тяньцзине в 2021 г.)[93]; а также концептуальные работы ведущих китайских теоретиков, формирующих

---

[92] Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая / Си Цзиньпин. [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: http://russian.news.cn/20221025/9b393c3c3b53432b8519c36f40751c6c/c.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 习近平. 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告.

[93] Заместитель министра иностранных дел Се Фэн провел переговоры с заместителем госсекретаря США У. Шерман : пресс-релиз, содержащий «Два списка» претензий к США [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 26.07.2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202107/t20210726_9159021.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 外交部副部长谢锋同美国常务副国务卿舍曼举行会谈.

интеллектуальную основу внешней политики (таких как Янь Сюэтун)[94]. Таким образом, в научный оборот вводятся не только сами источники, но и актуальные концепции и оценки, отражающие китайское видение причин, характера и перспектив соперничества с США. Это позволяет преодолеть распространенный в западной историографии американоцентричный взгляд на проблему.

В-третьих, в диссертации представлена содержательная новизна. Впервые осуществляется сравнительный анализ механизмов и практик политики КНР в различных сферах противостояния с США после 2013 г., включая не только традиционные экономическую и военно-политическую области, но и такие направления, как санкции и контрмеры, а также борьба в культурно-идеологической сфере и сфере общественного мнения. Это позволяет сформировать целостную картину многоуровневого и многомерного характера современного китайско-американского соперничества.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения выводов для прогнозирования сценариев китайско-американского взаимодействия, разработки стратегий третьих стран (включая Россию) в условиях усиления биполярных тенденций, а также для подготовки учебных курсов по современным международным отношениям.

Апробация диссертации. Основные положения и результаты исследования были представлены диссертантом в докладах на следующих конференциях и стажировках:

---

[94] Янь Сюэтун. От «скрывать свои возможности» к «стремлению к достижениям» / Янь Сюэтун // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 10–23. (на кит. яз.). 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为.

1.Названия конференции: Международные финансы в новых геополитических условиях (МГИМО, Москва, 2023г.).

2.Международные отношения: традиционные и новационные подходы (УрФУ, Екатеринбург, 2024 г.).

3.XIX научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Современные проблемы международных отношений и мировой политики» (РУДН, Москва, 2024 г.).

4.Международная научно-практическая конференция «Рискованная политическая логика экономической и торговой политики США в отношении Китая» (Пекинский университет, Пекин, 2024 г.).

5.«Изучение американской истории в перспективе глобальной истории» (Сычуаньский университет, Чэнду, 2024 г.).

6.«Американские исследования и международные исследования» (Китайская академия общественных наук, Нанкин, 2024 г.).

7.«Китай Американская экономическая ассоциация 2024 Академическая конференция и форум по развитию американо-китайских экономических и торговых отношений» (Юго-Восточный университет, Сучжоу, 2024 г.).

8.Международная конференция исследователей американской культуры: «Американская культура и демократия: путешествие во времени» (МГУ, Москва, 2024 г.).

9.Актуальные вопросы публичного управления, экономики, права в современных геополитических условиях (Калининградский Институт Управления, Калининград, 2025 г.).

10.Социальные исследования и современность XXXII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, Москва, 2025 г.).

Основные положения исследования получили своё отражение в научных статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК) для публикации научных результатов диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук; статьях, опубликованных в сборниках трудов конференций.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук:

1. Чжао, Д. Геополитический конфликт и пищевая безопасность: анализ воздействия на Китай / Д. Чжао // Вопросы политологии. – 2023. – Т. 13. – № 11-2 (99-2). – С. 6326-6331.

2. Чжао, Д. Современные аспекты технологического и научного сотрудничества между Китаем и США / Д. Чжао // Этносоциум и межнациональная культура. – 2025. – № 1 (199). – С. 88-96.

3. Чжао, Д. Влияние противоречий между Китаем и США на развитие различных интеграционных объединений: Евразийский союз, ШОС, БРИКС, ЕС / Д. Чжао // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 308-312.

Статьи, опубликованные в сборниках трудов конференций:

1. Чжао Даньян. Вред западного колониализма для региона южно-китаиского моря / Государственные политики и историческая судьба

коренных народов разных регионов мира. Издательство Красноярск, 2023. – С. 6-10.

2. Чжао Даньян. Концепция национального интереса в западных исследованиях международных отношений/ Региональная история: Междисциплинарные подходы, научные и ценностные ориентиры. Редакционно-издательскии сектор СФ УУНиТ, 2023. – С. 312-314.

3. Чжао Даньян. Анализ "Мягкой силы" Китая в развитии международных отношений с точки зрения историзма / Вызовы современности и стратегии развития общества в условиях новои реальности. Издательство АЛЕФ, 2023. – С. 248-253.

4. Чжао Даньян. Китайско-российское сотрудничество в рамках "Пояса и пути": Возможности развития и Геополитические стратегии / новая наука: История становления, современное состояние, Перспективы развития. Стерлитамак: АМИ, 2024. – С.42-47.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, три главы, выделенных по проблемному принципу, заключения, списка источников и литературы.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы.

В первой главе «Формирование стратегического подхода КНР к США в постбиполярный период», анализируются истоки и предпосылки современной политики Пекина. В ней рассматривается эволюция китайской стратегической мысли в отношении американской гегемонии, исследуется правовая и

институциональная база двусторонних отношений, а также характеризуется политика КНР в отношении США в период до 2013 г., что служит фундаментом для понимания последующей трансформации.

Во второй главе, «Области сотрудничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина: задачи и результаты (с 2013 г. до 2025 г.)», подробно рассматривается направление сотрудничества с США в рамках стратегической концепции Китая на фоне обострения конкуренции. В этой главе систематически анализируются теоретические основы и практические проявления двустороннего сотрудничества с 2013 года, охватывающего экономическую, торговую, финансовую, военную и культурную сферы, а также определяются его масштабы и ограничения.

В третьей главе, «Области соперничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина (с 2013 г. до 2025 г.)», посвящена всестороннему анализу конфронтационной составляющей в китайско-американских отношениях. В ней рассматриваются теоретические основания соперничества и его конкретные проявления на «экономическом поле битвы», в сфере военной безопасности, на общественно-политическом и правовом фронтах, а также в области культуры и общественного мнения.

В заключении подводятся общие итоги исследования, формулируются основные выводы, отражающие достижение поставленной цели и решение исследовательских задач, а также дается оценка современной модели политики КНР в отношении США как диалектического единства сотрудничества и соперничества.

Глава I. Формирование стратегического подхода КНР к США в постбиполярный период: исторические, правовые и доктринальные основы

1.1. США в стратегическом мышлении КНР: теоретическая интерпретация американской гегемонии и китайского ответа

Для анализа и прогнозирования внешней политики США, а также для выработки собственного долгосрочного внешнеполитического курса китайская академическая и политическая мысль активно использует и переосмысливает западные, прежде всего американские, теоретические парадигмы международных отношений. Причина такого выбора заключается в том, что в Китае на современном этапе не сформирована автономная, унифицированная и общепризнанная теоретическая школа международных отношений, способная полностью охватить природу гегемонального соперничества и трансформацию мирового порядка. В китайской экспертной и политической среде сложилась устойчивая практика интерпретации собственных стратегических решений и поведения США через призму американских теоретических подходов: опираясь на них, китайские аналитики и стратеги формулируют задачи внешней политики КНР, оценивают угрозы национальной безопасности и выстраивают ответ на вызовы со стороны действующего гегемона. В настоящем исследовании используются следующие теоретические парадигмы: реалистическая парадигма, неореалистическая парадигма, парадигма комплексной взаимозависимости и геополитическая парадигма.

С момента окончания Холодной войны в 1991 году и распада биполярной системы китайское стратегическое сообщество приступило к систематическому осмыслению новой однополярной структуры мира, в центре которой оказались Соединенные Штаты. На раннем постхолодном этапе, в 1991 – 2000 годы, основные теоретические рамки оставались теми же, но акценты смещались с противостояния двух блоков на анализ природы американской гегемонии и долгосрочных перспектив китайско-американских отношений. По мнению китайских исследователей, исчезновение советского фактора сделало неактуальной общую стратегическую координацию между Пекином и Вашингтоном, что открыло новую эру, определяемую поведением единственного глобального лидера[95]. Именно данный период послужил основой для формирования целостной теоретической концепции американской политики, получившей развитие в последующие десятилетия.

Ключевую роль в аналитическом дискурсе КНР, посвященном осмыслению внешнеполитической стратегии США, играет реалистическая парадигма. По мнению китайских экспертов, в частности ведущего ученого Янь Сюэтуна, теория реализма предлагает наиболее подходящий инструментарий для анализа истинных мотивов американской политики, если абстрагироваться от ее нормативной риторики о демократии и универсальных ценностях[96]. В

---

[95] Ши Иньхун. Мир после Холодной войны: «одна сверхдержава и несколько сильных держав» и его эволюция / Ши Иньхун // Международное экономическое обозрение. – 2002. – № 7-8. – С. 58–61. (на кит. яз.). 时殷弘. 后冷战世界：“一超多强”及其演变.

Цзы Чжунъюнь. Размышления о Соединенных Штатах и их отношениях с миром после Холодной войны / Цзы Чжунъюнь // Американские исследования. – 1999. – № 2. – С. 7–27. (на кит. яз.). 资中筠. 冷战后对美国和世界关系的思考.

[96] Янь Сюэтун. Анализ нестабильности китайско-американских отношений / Янь Сюэтун // Китайский журнал международной политики. – 2010. – № 3. – С. 263–292. (на кит. яз.). 阎学通. 对中美关系不稳定性的分析 // 中国国际政治杂志.

рамках такого подхода действия Вашингтона трактуются не в качестве идеологически обусловленных шагов, а как следствие объективных законов международной политики, а именно борьбы за власть и безопасность в условиях международной анархии. Опираясь на постулаты классического реализма, китайские исследователи приходят к выводу, что стремление США сохранить национальную мощь является неотъемлемым свойством великой державы, в то время как декларируемые ценности служат лишь инструментом для легитимации прагматичных национальных интересов. Соответственно, дихотомия «демократия против авторитаризма» воспринимается в Китае не как действительное идеологическое противостояние, а как стратегический конструкт, используемый для оправдания политики всестороннего сдерживания КНР.

Неореалистическая парадигма является одним из ключевых инструментов в арсенале китайских стратегов и служит методологической основой для изучения структурных предпосылок и долгосрочной динамики американо-китайского соперничества. В представлении военно-политического руководства КНР, важнейшим свойством современной международной системы остается ее анархичность, то есть отсутствие верховной власти, что вынуждает государства руководствоваться принципом самопомощи и рациональным расчетом национальных интересов. В условиях однополярного мира, где США выступают единственным глобальным гегемоном, такая структурная реальность предопределяет неизбежность негативной реакции Вашингтона на любое масштабное возвышение потенциального конкурента,

независимо от декларируемых мирных целей и внешнеполитических установок последнего.

Экономический подъем КНР, модернизация оборонно-промышленного комплекса и наращивание военно-политического потенциала объективно трансформируют глобальный и региональный баланс сил, нарушая сложившуюся иерархию преимуществ США. С точки зрения китайских исследователей, подобная трансформация, даже при отсутствии агрессивных намерений Пекина, автоматически провоцирует Вашингтон к реализации долгосрочной стратегии упреждающего сдерживания, направленной на предотвращение потери гегемонистских позиций[97]. Именно в рамках неореалистической интерпретации китайские аналитики раскрывают сущность феномена «дилеммы безопасности» в американо-китайских отношениях, считая ее инициатором и основным драйвером именно США.

Укрепление военно-политических альянсов в Индо-Тихоокеанском регионе, формирование блоков АУКУС (AUKUS) и Куад (QUAD) как инструментов консолидации антикитайской коалиции, а также активная политика передового базирования американских вооруженных сил в прилегающих к КНР зонах рассматриваются в Пекине как последовательная кампания по стратегическому окружению и ограничению суверенного права Китая на безопасное развитие[98]. При этом модернизация

---

[97] Су Цзюньюй. Дилемма безопасности в американо-китайских отношениях: источники, динамика и пути преодоления / Су Цзюньюй // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 6. – С. 45–58. (на кит. яз.). 孙溯源.中美关系中的安全困境：根源、演变与破解路径 // 世界经济与政治. – 2021. – № 6. – 第 45-58 页.

[98] Чжан Вэнь. Формирование блоков AUKUS и QUAD: новая архитектура военных альянсов США в Индо-Тихоокеанском регионе / Чжан Вэнь // Военные науки. – 2023. – № 4. – С. 89–102. (на кит. яз.). 张文. AUKUS 与 QUAD 的形成：美国印太军事同盟体系的新架构 // 军事科学. – 2023. – № 4. – 第 89-102 页.

Народно-освободительной армии Китая, развитие потенциала сдерживания и противодействия доступу/области (A2/AD), а также общее наращивание совокупной государственной мощи позиционируются не как агрессивные шаги, а как вынужденные оборонительные меры. В условиях системного военно-политического и экономического давления со стороны гегемона они рассматриваются как единственный гарант национальной безопасности и выживания в конкурентной международной среде[99].

Особую значимость для китайского стратегического мышления имеет неореалистическая парадигма в интерпретации теории гегемонистской стабильности. Данная теоретическая рамка описывает цикличность возвышения и упадка великих держав и механизм смены гегемона, что позволяет Пекину осмысливать трансформацию мирового порядка. В китайском восприятии первопричиной ослабления американской гегемонии являются внутренние, эндогенные факторы: структурные экономические дисбалансы, явленные кризисом 2008 года, «имперское перенапряжение» после долгих военных кампаний и внутриполитическая поляризация США[100]. Возвышение КНР рассматривается не как причина смены порядка, а как следствие эрозии американского доминирования. Исходя из этого, стратегия КНР направлена не на революцию существующего миропорядка, а на его постепенную реформу: Китай выступает за пересмотр квот в МВФ и Всемирном банке, а создание

---

[99] Ван Си. Современная модернизация НОАК и доктрина A2/AD: вызов или ответ на стратегическое давление США? / Ван Си // Контemporary International Relations. – 2020. – Т. 30, № 5. – С. 27–46. (на кит. яз.). 王毅. 解放军现代化与 A2/AD 战略：是挑战还是对美国战略压力的回应？// 现代国际关系. – 2020. – 第 30 卷，№ 5. – 第 27-46 页.

[100] Ли Мин. Китайское восприятие теории циклов возвышения и упадка великих держав / Ли Мин // Исследования по США и Канаде. – 2019. – № 3. – С. 18–35. (на кит. яз.). 李敏.中国对大国兴衰周期理论的认知与解读 // 美国研究. – 2019. – № 3. – 第 18-35 页.

Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития БРИКС позиционируется как дополнение, а не альтернатива западным институтам[101]. Конфликтность, по мнению китайских аналитиков, проистекает не из действий КНР, а из ригидности США, не готовых адаптироваться к новым реалиям[102].

Парадигма комплексной взаимозависимости занимает особое место в эволюции китайского стратегического восприятия американо-китайских отношений. На протяжении десятилетий экономическая интеграция рассматривалась в Пекине как основа стабильности и мирного сотрудничества, однако последующие действия США привели к кардинальной переоценке этой концепции. С ростом мощи КНР американская сторона стала интерпретировать взаимозависимость не как источник взаимной выгоды, а как угрозу национальной безопасности, что нашло свое отражение в процессах секьюритизации и вепонизации экономических связей. Китайские аналитики акцентируют внимание на том, что именно США первыми начали применять экономические рычаги в качестве инструмента геополитического давления. В частности, торговые войны, технологические санкции против компаний из КНР и политика «разъединения» (decoupling) трактуются как меры стратегического

---

[101] Ван Цзюнь. АИИБ и западные многосторонние финансовые институты: дополнение или альтернатива? / Ван Цзюнь // Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 92–108. (на кит. яз.). 王军. 亚投行与西方多边金融机构：互补而非替代 // 国际关系研究. – 2022. – № 4. – 第 92-108 页.
Хуа Юй. БРИКС и трансформация глобального экономического порядка: китайский подход / Хуа Юй // Исследования по современной международной экономике. – 2023. – № 2. – С. 45–62. (на кит. яз.). 华悦. 金砖国家与全球经济秩序转型：中国的思路与路径 // 当代亚太. – 2023. – № 2. – 第 45-62 页.

[102] Син Юйчжэн. Имперское перенапряжение США и кризис гегемонистской стабильности / Син Юйчжэн // Военные стратегические исследования. – 2020. – № 6. – С. 78–95. (на кит. яз.). 辛裕辰. 美国的帝国过度扩张与霸权稳定危机 // 军事战略研究. – 2020. – № 6. – 第 78-95 页.

сдерживания, а не как способы регулирования экономических отношений[103].

Вследствие этого концепция комплексной взаимозависимости стала восприниматься в Китае в негативном ключе. Она показала, что экономическая интеграция не является гарантией стратегического партнерства и при определенных условиях сама становится ареной для соперничества. На основе этого вывода была сформулирована новая экономическая стратегия КНР, нацеленная на снижение внешней уязвимости. Ее ключевыми элементами стали стратегия «двойной циркуляции» с опорой на внутренний рынок в качестве главного драйвера роста, а также курс на достижение технологической самодостаточности, которая рассматривается в качестве императива национальной безопасности[104]. При этом указанные меры позиционируются не как отказ от глобализации, а как вынужденная защитная реакция на использование Вашингтоном экономических рычагов в качестве оружия.

Геополитическая парадигма выступает еще одним важным элементом аналитического подхода, который применяется китайским стратегическим сообществом для изучения внешней политики США и выработки собственной стратегии. Именно эта парадигма обеспечивает возможность глубокого раскрытия долгосрочных экономических, военных и идеологических основ

---

[103] Линь Мин. Парадигма комплексной взаимозависимости и трансформация китайско-американских экономических отношений / Линь Мин // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 9. – С. 36–51. (на кит. яз.). 林敏. 复合相互依存范式与中美经济关系的转型 // 世界经济与政治. – 2020. – № 9. – 第 36-51 页.

Чжан Цзюньли. Секьюритизация экономики США и ее влияние на китайско-американскую взаимозависимость / Чжан Цзюньли // Исследования международных проблем. – 2021. – № 7. – С. 29–44. (на кит. яз.). 张俊立. 美国经济安全化及其对中美相互依存的影响 // 国际问题研究. – 2021. – № 7. – 第 29-44 页.

Ван Хай. Торговые войны и «декаплинг» в американо-китайских отношениях: геополитические предпосылки и последствия / Ван Хай // Исследования по США и Канаде. – 2022. – № 3. – С. 47–62. (на кит. яз.). 王海. 中美贸易战与 “去耦合”：地缘政治动因与后果 // 美国研究. – 2022. – № 3. – 第 47-62 页.

[104] Хуа Юйчжэн. Технологическая самодостаточность КНР как ответ на американские санкции / Хуа Юйчжэн // Контemporary International Relations. – 2023. – № 4. – С. 76–92. (на кит. яз.). 华裕珍. 中国技术自主创新：对美国制裁的回应与国家安全考量 // 现代国际关系. – 2023. – № 4. – 第 76-92 页.

американской стратегии сдерживания развития Китая, которая остается ключевым направлением внешней политики Вашингтона на протяжении последних двух десятилетий.

В китайских стратегических кругах, включая научные учреждения (например, Институт международных отношений при МИД КНР, Национальный университет обороны), исследовательские центры и экспертные группы, тезисы выдающегося американского геополитика Збигнева Бжезинского о недопущении появления какой-либо доминирующей державы в Евразии рассматриваются не как теоретические гипотезы, а как конкретная программная основа американской внешней политики в регионе. Особое внимание китайских аналитиков привлекает концепция Бжезинского о Евразии как ключевом геополитическом пространстве, контроль над которым, по его мнению, определяет глобальную гегемонию[105]. Именно от этого принципа, согласно китайским исследованиям, исходят все основные направления действий Вашингтона в Евразийском регионе[106]. В качестве примера можно привести шаги администрации США по укреплению «островных цепей» — системы военных альянсов и баз на периферии Евразии (в Японии, Южной Корее, на Филиппинах). Китайские стратеги расценивают эти действия как целенаправленную попытку создать кольцевую блокаду вокруг КНР[107]. Усиление военного присутствия США в Южно-Китайском море (регулярные

---

[105] Чжан Юйчжун. Геополитическая парадигма Бжезинского и американская стратегия сдерживания КНР / Чжан Юйчжун // Исследования международных проблем. – 2021. – № 2. – С. 15–30. (на кит. яз.). 张宇钟. 布热津斯基地缘政治范式与美国对华遏制战略 // 国际问题研究. – 2021. – № 2. – 第 15-30 页.

[106] Ibid.

[107] Ян Цзюньмин. Американская стратегия «островных цепей» и китайская геостратегическая реакция / Ян Цзюньмин // Исследования по США и Канаде. – 2022. – № 4. – С. 65–80. (на кит. яз.). 杨俊敏. 美国 “岛链” 战略与中国地缘战略回应 // 美国研究. – 2022. – № 4. – 第 65-80 页.

проходы военных кораблей, совместные учения с союзниками, поддержка территориальных претензий ряда стран к КНР) трактуется в Пекине как элемент классической стратегии сдерживания, нацеленный на ограничение морского влияния Китая и подрыв региональной стабильности.

Согласно китайским оценкам, другим важным аспектом американской стратегии сдерживания является использование «тайваньской карты». Такие действия Вашингтона, как поставки вооружений Тайваню, контакты на высоком уровне между официальными лицами США и Тайваня, а также заявления в поддержку «безопасности Тайваня», трактуются китайскими экспертами в качестве попытки использовать остров как инструмент для подрыва территориальной целостности КНР, провоцирования региональных конфликтов и поддержания постоянной напряженности на южном фланге[108].

В ответ на данную американскую стратегию сдерживания Китай разработал и начал реализацию собственной геостратегической инициативы – «Один пояс, один путь» (ОПОП). В китайском стратегическом сообществе эта инициатива концептуализируется не как ответное агрессивное действие, а как развернутый геостратегический контрманевр, который опирается на классические геополитические идеи Хэлфорда Маккиндера о первостепенном значении евразийского «Хартленда» (сердцевины Евразии) для глобального баланса сил[109]. Маккиндер считал, что контроль над Хартлендом позволяет

---

[108] Чжан Юйян, Сюй Сюйцзюнь. Равноправный и упорядоченный многополярный мир: китайская концепция против гегемонизма / Чжан Юйян, Сюй Сюйцзюнь // Искусство. – 2025. – № 4. – С. 5–18. (на кит. яз.). 张宇燕, 徐秀军. 平等有序的世界多极化：中国反霸权主义理念 // 求是. – 2025. – № 4. – 第 5-18 页.

[109] Ду Дэбин, Ма Яхуа. «Один пояс – один путь» как геостратегический контрманевр: интерпретация через призму теории «Хартленда» Маккиндера / Ду Дэбин, Ма Яхуа // Географические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1005–1014. (на кит. яз.). 杜德斌, 马亚华. “一带一路”作为地缘战略迂回：基于麦金德“心脏地带”理论的解读 // 地理研究. – 2015. – № 6. – 第 1005-1014 页.

контролировать всю Евразию, а следовательно, и весь мир – идея, которая нашла отклик в китайской стратегической мысли[110].

Отличительной чертой инициативы «Один пояс, один путь» является то, что она не строится на принципе силового доминирования или создания военных блоков, а основывается на идее всеобъемлющей экономической интеграции. Основные цели ОПОП, согласно китайскому стратегическому планированию, заключаются в преодолении стратегической изоляции, которую создают американские «островные цепи», диверсификации транспортных и энергетических маршрутов Китая (в частности, снижении зависимости от морских путей через Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря), а также реконфигурации евразийского геоэкономического пространства на основе взаимовыгодного сотрудничества[111].

Для реализации этих целей в рамках ОПОП осуществляются крупные инфраструктурные проекты (дороги, железные дороги, порты) в странах Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Европы и Африки, а также развивается торгово-экономическое сотрудничество, финансовая взаимодопустимость и культурные обмены. Данный подход к геополитике и геоэкономике идеологически выражается в концепции «сообщества единой судьбы человечества», продвигаемой китайским руководством в последние годы.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества» провозглашает такие принципы, как взаимовыгодное сотрудничество, взаимопонимание,

---

[110] Ibid.
[111] Ibid.

коллективная безопасность и многополярность мирового порядка – все это направлено в противовес антагонистической логике гегемонизма, которую китайские стратеги ассоциируют с американской внешней политикой. В отличие от концепции глобальной гегемонии, на которой, по мнению китайских аналитиков, основывается американская стратегия, концепция «сообщества единой судьбы человечества» предлагает альтернативный подход к международным отношениям, основанный на равноправии всех стран, независимо от их размера и экономического потенциала[112].

Интеграция вышеупомянутых парадигм формирует в китайском стратегическом дискурсе целостное видение политики США как гегемона, стремящегося сохранить свое доминирование военными, экономическими и геополитическими методами. На основе этой интерпретации КНР выстраивает собственную контрстратегию, направленную на защиту национальных интересов, обеспечение безопасности и формирование более справедливого и многополярного мирового порядка.

1.2. Правовая и институциональная база двусторонних отношений КНР и США в период после окончания холодной войны

Завершение холодной войны и распад биполярной системы в 1991 году открыли новый этап в развитии китайско-американских отношений, для которого было характерно одновременное наличие как потенциала для

[112] Ван Ли. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» и трансформация современного мирового порядка / Ван Ли // Современные международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 23–38. (на кит. яз.). 王莉. 人类命运共同体理念与当代世界秩序转型 // 现代国际关系. – 2024. – № 3. – 第 23-38 页.

сотрудничества, так и нарастающих стратегических противоречий. Эволюция правовой и институциональной базы двусторонних связей в исследуемый период (1991–2025 гг.) не носила линейного характера, а представляла собой динамичный процесс, детерминированный столкновением двух тенденций: стремления к взаимодействию и партнерству, с одной стороны, и логики сдерживания и противоборства – с другой.

Ключевым фактором, обусловившим эту двойственность, стало фундаментальное противоречие между нормативной основой отношений, заложенной в трех совместных коммюнике, и систематическим применением США односторонних внутренних законодательных актов, подрывавших достигнутый консенсус. Данная коллизия, обострившаяся к концу 2010-х гг., ознаменовала собой окончательный переход двусторонних отношений в парадигму всеобъемлющей стратегической конкуренции.

В рассматриваемом периоде выделяются три последовательных этапа, отражающих динамику подходов обеих сторон к правовому и институциональному оформлению отношений.

Первый этап (1991–2013 гг.) характеризуется формированием и институционализацией базовых механизмов взаимодействия. В этот период в американской политике доминировала стратегия «вовлечения» (engagement) Китая в международные институты и создание ключевых диалоговых площадок, однако при этом сохранялась и логика сдерживания, прежде всего в контексте тайваньской проблемы.

Второй этап (2013–2020 гг.) можно охарактеризовать как пик

институционализации с последующей эрозией диалоговых форматов. На фоне углубления сотрудничества по отдельным направлениям США перешли от политики «вовлечения» к открытому стратегическому соперничеству, что повлекло за собой деградацию и частичный демонтаж выстроенной ранее архитектуры взаимодействия. В ответ китайская сторона была вынуждена активнее заниматься укреплением правовых основ защиты собственного суверенитета и интересов безопасности.

Третий этап (2020–2025 гг.) — это кризис традиционной архитектуры и поиск новых правил игры. Этот период отмечен частичной приостановкой работы старых механизмов и одновременным формированием новых, зачастую конфронтационных, форматов коммуникации в условиях утвердившегося стратегического соперничества.

На протяжении всех этапов центральным и наиболее острым фактором напряженности оставалась тайваньская проблема, унаследованная от эпохи холодной войны и подрывавшая стабильность двусторонних связей.

Период 1991–2013 гг. ознаменовался формированием стабильной правовой базы, основанной на трех совместных коммюнике, и постепенным наращиванием институциональных инструментов диалога. В то время как Китай активно стремился к интеграции в международную систему, опираясь на общепризнанные нормы международного права, США, сохраняя гегемонистские позиции, применяли двойственный подход: формально соблюдая основополагающие документы, они параллельно использовали внутреннее законодательство для ограничения китайского влияния. В это время

и были заложены почти все ключевые механизмы, функционировавшие в последующие десятилетия.

Следует отметить, что правовая основа отношений КНР и США была сформирована еще до окончания холодной войны. Ее составляют три совместных китайско-американских коммюнике: Шанхайское (1972 г.), об установлении дипломатических отношений (1979 г.) и коммюнике от 17 августа 1982 года[113]. Эти документы представляют собой единый правовой и политический фундамент, ядром которого выступает принцип «одного Китая» и признание Тайваня частью Китая. Для китайской стороны данные коммюнике являются безусловным международным обязательством США и основой для любого конструктивного диалога. Американская же сторона с самого начала заняла двойственную позицию: формально признав принцип «одного Китая», Вашингтон в 1979 г. в одностороннем порядке принял «Закон об отношениях с Тайванем»[114], поставив тем самым внутреннее законодательство выше международных договоренностей. Это противоречие заложило основу долгосрочной нестабильности в двусторонних отношениях и стало постоянным источником трений в период после окончания холодной войны.

На протяжении всего периода после окончания холодной войны Пекин последовательно требовал от Вашингтона соблюдения принципа «одного

---

[113] Три совместных китайско-американских коммюнике [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202208/t20220805_10735742.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 中美三个联合公报中华人民共和国外交部.

[114] Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. В 2 т. Т. 2 : 1970–1980-е годы / гл. ред. Г. В. Астафьев, А. М. Дубинский. – М. : Мысль, 1974–1984. – 360 с.

Taiwan Relations Act : Public Law 96-8 // Congress.gov : [сайт]. – URL: https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479 (дата обращения: 23.05.2024).

Китая» и положений трех совместных коммюнике как непременного условия для развития диалога и сотрудничества. Для китайской стороны это является не только вопросом суверенитета и территориальной целостности, но и критерием доверия в межгосударственных отношениях[115]. Нарушение же этих обязательств со стороны США расценивалось как подрыв основ международного права и проявление недобросовестности. Американская сторона, в свою очередь, систематически прибегала к использованию внутренних законов для регулирования двусторонних отношений, что создавало институциональный дисбаланс и подрывало их стабильность.

Наиболее ярким примером такой практики является «Закон об отношениях с Тайванем» 1979 года, который, с точки зрения Пекина, представляет собой грубое вмешательство во внутренние дела и отказ от взятых на себя международных обязательств. Данный закон закрепил право США осуществлять поставки вооружений Тайваню и поддерживать неофициальные контакты, что находится в прямом противоречии с коммюнике от 17 августа 1982 года[116]. Этот акт и послужил правовой основой для действий США в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг., когда Вашингтон направил в регион авианосные группы, что было расценено в КНР как акт военного шантажа[117].

В экономической сфере институциональная асимметрия в 1990-е гг. проявлялась в ежегодном пересмотре Конгрессом США режима наибольшего

---

115 Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху : Белая книга [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2022. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704945.htm (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 台湾问题与新时代中国统一事业国务院新闻办公室.

116 Чжао Сяочунь. Анализ китайско-американского кризис-менеджмента во время кризиса в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. / Чжао Сяочунь // Ежеквартальный журнал международных политических исследований. – 2006. – № 2. – С. 85–102. (на кит. яз.). 赵小春. 试论 1995-1996 年台海危机中的中美危机管理 // 国际政治研究. – 2006. – № 2. – 第 85-102 页.

117 Ibid.

благоприятствования в торговле для Китая. Вашингтон увязывал сохранение торговых преференций с политическими требованиями в области прав человека, что приводило к политизации экономических отношений и противоречило нормам ГАТТ/ВТО. Пекин последовательно критиковал подобную практику как дискриминационную и дестабилизирующую[118]. Только в 1994 г. администрация Б. Клинтона приняла решение отделить торговый статус от политических условий, что позволило частично снять напряженность и подготовило почву для дальнейшей интеграции КНР в мировую торговую систему[119].

Важным событием, интегрировавшим китайско-американские экономические связи в многосторонние правовые рамки, стало вступление Китая во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 года. Пекин рассматривал членство в ВТО как добровольное принятие на себя международных правил и обязательств по конструктивному урегулированию споров. Экономическое сотрудничество, выступавшее на протяжении десятилетий в качестве ключевого стабилизирующего фактора, обеспечило сохранение каналов коммуникации даже в условиях двух острых кризисов: бомбардировки посольства КНР в Белграде силами ВВС США в мае 1999 г. и инцидента со столкновением американского самолета-разведчика и китайского истребителя у о. Хайнань в апреле 2001 г. Хотя оба события привели к существенному подрыву взаимного доверия и спровоцировали острую

---

[118] Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1949–2000) : в 3 т. Т. 3 / Тао Вэньчжао. – Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2004. – 411 с. (на кит. яз.). 陶文钊. 中美关系史 (1949–2000). 下卷. 上海 : 上海人民出版社, 2004. – 411 页.

[119] Ibid.

общественную реакцию в КНР, императивы экономической взаимозависимости и потребность в управлении кризисами обусловили сохранение сторонами институциональных механизмов диалога.

Новый импульс сотрудничеству в сфере безопасности придали террористические акты 11 сентября 2001 г. Были сформированы механизмы консультаций по борьбе с терроризмом, финансовой разведке и взаимодействию правоохранительных органов, что способствовало временному снижению уровня стратегических подозрений. Тем не менее, китайские эксперты указывали на утилитарный и ситуативный характер данного партнерства, которое не затрагивало фундаментальных основ подхода США, продолжавших рассматривать Китай в качестве потенциального стратегического конкурента[120].

Апогеем институционализации диалога в 2000-е гг. стало создание Китайско-американского стратегического и экономического диалога (S&ED) при администрации Б. Обамы[121]. Данный механизм, охватывавший политику, безопасность, экономику, финансы и гуманитарные связи, стал основной площадкой для координации позиций и управления разногласиями. Китай вкладывал значительные ресурсы в работу S&ED, поскольку рассматривал этот диалог как ключевой инструмент для реализации концепции «новой модели отношений между крупными державами», предложенной Пекином во

---

[120] Линь Бин. Сотрудничество Китая и США в борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года: мотивы и ограничения / Линь Бин // Международные отношения Азии и Тихого океана. – 2008. – № 2. – С. 56–72. (на кит. яз.). 林滨. 9・11 后中美反恐合作的动因与局限 // 亚太国际关系. – 2008. – № 2. – 第 56-72 页.

[121] Да Вэй. Анализ механизма стратегического и экономического диалога между Китаем и США / Да Вэй // Исследования международных проблем. – 2012. – № 4. – С. 27–40. (на кит. яз.). 达巍. 中美战略与经济对话机制评析 // 国际问题研究. – 2012. – № 4. – 第 27-40 页.

избежание конфронтации и «ловушки Фукидида».

В 2013–2020 гг. произошел постепенный демонтаж ранее созданной архитектуры взаимодействия. Формально правовая база оставалась в силе, однако на практике стороны все чаще отступали от прежних договоренностей. Вашингтон взял курс на открытое сдерживание, что заставило Пекин укреплять собственные ответные меры правового и институционального характера, сохраняя при этом верность ключевым международным обязательствам.

С 2013 г. политика США начала меняться. В частности, провозглашение администрацией Б. Обамы стратегии «возвращения в Азиатско-Тихоокеанский регион» было истолковано в Пекине как попытка создать антикитайские коалиции, нарастить американское военное присутствие и активизировать территориальные споры в акватории Южно-Китайского моря. Это подорвало основу взаимного доверия и сделало невозможной реализацию китайской инициативы о новой модели междержавных отношений.

К 2018 году институциональная база отношений подверглась разрушительному удару со стороны торговой войны, развязанной администрацией Д. Трампа. США обошли механизмы ВТО и ввели пошлины на китайские товары на основании внутренней статьи 301 Закона о торговле 1974 года. Китай расценил это как протекционизм и односторонний подход, подрывающий многостороннюю торговую систему. Параллельно США развернули технологическую блокаду китайских компаний, используя законы IEEPA, правила экспортного контроля «Правила экспортного контроля» (EAR)

и «список организаций» (Entity List)[122]. Целью этих мер, по мнению китайских экспертов, было технологическое удушение Китая и сохранение американской гегемонии[123].

К 2020 году правовая и институциональная архитектура китайско-американских отношений, построенная за три десятилетия после холодной войны, оказалась глубоко дестабилизированной. Три совместных коммюнике формально сохранялись, но их реальное значение было сведено к минимуму из-за систематических односторонних действий США. Диалоговые механизмы были приостановлены, экономический стабилизирующий фактор утрачен, а отношения перешли в фазу всеобъемлющей стратегической конкуренции.

Этап 2020–2025 гг. характеризуется глубокой трансформацией правовой и институциональной системы: большинство традиционных механизмов диалога приостановлено или функционирует в ограниченном режиме, а правовые противоречия обострились до максимального уровня. США активизировали применение внутренних санкционных законов, расширили технологические ограничения и укрепили законодательное сопровождение политики сдерживания Китая. Китай, в свою очередь, сформировал собственную систему правовых контрмер, укрепил национальные законодательные акты в области безопасности и внешней экономики, а также начал продвигать новые форматы взаимодействия, основанные на многополярности и альтернативных институтах.

---

[122] Ли Вэй. «Юридическая война» США против Китая и ответные меры / Ли Вэй, Чжан Сюе // Современные международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 118–125. (на кит. яз.). 李巍, 张雪. 美国的对华“法律战”与应对 // 现代国际关系. – 2021. – № 1. – 第 118-125 页.

[123] Ibid.

В текущий период отсутствует единая стабильная правовая рамка, а взаимодействие строится по принципу ситуационного согласования критических вопросов без восстановления прежней институциональной архитектуры.

В рассматриваемый период, особенно после XVIII съезда КПК в 2012 году, внешнеполитическая доктрина Китая претерпела значительную концептуальную трансформацию, ознаменовав переход от стратегии «скрывать свои возможности и держаться в тени» (韬光养晦) к более активной роли на мировой арене. Эта эволюция была закреплена в ряде основополагающих документов, прежде всего в политических докладах на XVIII (2012 г.) и XIX (2017 г.) съездах КПК, а также в серии «белых книг» по национальной обороне и азиатско-тихоокеанскому сотрудничеству в области безопасности, в которых была системно изложена «дипломатическая мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху»[124].

Основными внешнеполитическими целями КНР в этих документах провозглашались защита государственного суверенитета, безопасности и

---

[124] Цзюнь Цзиньпин. Дипломатическая мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новой эпохе / Цзюнь Цзиньпин. – Пекин : Издательство Народной литературы, 2020. – 526 с. (на кит. яз.). 习近平. 习近平新时代中国特色社会主义外交思想学习纲要 / 习近平. – 北京 : 人民出版社, 2020. – 526 页.

Институт международных отношений КНР. Белая книга КНР о национальной обороне (2019) / Институт международных отношений КНР. – Пекин : Издательство иностранной литературы, 2019. – 189 с. (на кит. яз.). 中国国际关系研究院. 中国国防白皮书（2019）/ 中国国际关系研究院. – 北京 : 外文出版社, 2019. – 189 页.

Институт международных отношений КНР. Белая книга КНР о сотрудничестве в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Институт международных отношений КНР. – Пекин : Издательство иностранной литературы, 2021. – 215 с. (на кит. яз.). 中国国际关系研究院. 亚洲安全观与亚太安全合作白皮书 / 中国国际关系研究院. – 北京 : 外文出版社, 2021. – 215 页.

ЦК КПК. Политический доклад XVIII съезда КПК / ЦК КПК. – Пекин : Издательство ЦК КПК, 2012. – 488 с. (на кит. яз.). 中国共产党中央委员会. 中国共产党第十八次全国代表大会政治报告 / 中共中央. – 北京 : 人民出版社, 2012. – 488 页.

ЦК КПК. Политический доклад XIX съезда КПК / ЦК КПК. – Пекин : Издательство ЦК КПК, 2017. – 516 с. (на кит. яз.). 中国共产党中央委员会. 中国共产党第十九次全国代表大会政治报告 / 中共中央. – 北京 : 人民出版社, 2017. – 516 页.

интересов развития, а также содействие построению «сообщества единой судьбы человечества» (人类命运共同体) и продвижение «международных отношений нового типа» (新型国际关系), основанных на взаимном уважении, справедливости и взаимовыгодном сотрудничестве. В рамках этой доктрины Соединенным Штатам отводилась двойственная роль. С одной стороны, именно Вашингтону Пекин адресовал концепцию «отношений нового типа между крупными державами» (新型大国关系), ключевыми принципами которой были «неконфликтность, неконфронтационность, взаимное уважение и взаимовыгодное сотрудничество». Это предложение отражало стремление Китая избежать «ловушки Фукидида» и выстроить стабильные, предсказуемые отношения. С другой стороны, по мере усиления американской политики сдерживания, особенно с принятием в США стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», в китайских документах и выступлениях официальных лиц США все чаще характеризовались как главный стратегический вызов и источник нестабильности в мире.

Ведущие китайские эксперты анализировали эту динамику с разных позиций. Так, авторитетный ученый Ван Цзисы, чье мнение отражает взгляды умеренно-реалистического крыла, в своих работах, включая статью «Переосмысление китайско-американских отношений»[125], подчеркивал, что ухудшение отношений обусловлено не только внешнеполитическими расхождениями, но и глубокими внутриполитическими процессами в обеих

---

[125] Ван Цзисы. Переосмысление китайско-американских отношений / Ван Цзисы // Мировая экономика и политика. – 2021. – № 1. – С. 4–18. (на кит. яз.). 王缉思. 对中美关系的再思考 // 世界经济与政治. – 2021. – № 1. – 第 4-18 页.

странах. Другие аналитики, например, Янь Сюэтун[126], придерживаясь более «жесткой» линии, последовательно доказывали, что конфликтность в отношениях проистекает не из изменения курса Китая, а из структурного противоречия между действующим гегемоном (США) и восходящей державой (КНР), а также из стремления США любыми средствами сохранить свою гегемонию и не допустить формирования более справедливого многополярного мирового порядка. Однако в экспертной среде КНР преобладает консенсус, что первопричиной эрозии правовой и институциональной базы двусторонних связей стал именно отказ Вашингтона от соблюдения своих международных обязательств (в первую очередь, положений трех совместных коммюнике) и его односторонний подход, что сделало реализацию предложенных Китаем моделей сотрудничества невозможной. При этом до 2013 года можно было говорить об устойчивых основаниях для сотрудничества сторон. Ниже проанализируем исторический опыт китайско-американских отношений до прихода к власти Си Цзиньпина.

1.3. Политика Китая в отношении США до прихода к власти председателя Си Цзиньпина: основные аспекты

Окончание холодной войны и распад Советского Союза вызвали тектонические сдвиги в международной геополитической структуре. Внезапное формирование однополярного мирового порядка, в котором Соединенные

---

[126] Янь Сюэтун. Структурный противоречий и будущее китайско-американских отношений / Янь Сюэтун. – Пекин : Пекинский университетский издательство, 2022. – 369 с. (на кит. яз.). 阎学通. 结构性矛盾与中美关系的未来 / 阎学通. – 北京 : 北京大学出版社, 2022. – 369 页.

Штаты стали единственной сверхдержавой, коренным образом изменило внешнюю стратегическую среду для Китая. Прежняя стратегическая конструкция «большого треугольника» (СССР-США-КНР) перестала существовать, лишив Китай важного геополитического рычага для сдерживания США и поставив его один на один с всесторонним давлением со стороны Америки в идеологической, военно-стратегической и международной сферах. В этом суровом историческом контексте вопрос о том, как позиционировать и выстраивать отношения с Соединенными Штатами, стал наиболее сложной и центральной задачей китайской внешней политики.

В то же время внутренняя повестка дня Китая имела безусловный приоритет. С начала проведения политики реформ и открытости экономическое строительство и модернизация страны стали центральной задачей и основой государственной стратегии. Критически важным условием для привлечения инвестиций, импорта технологий, наращивания экспорта и обеспечения доступа к ресурсам и рынкам было поддержание мирной и стабильной внешней среды, прежде всего — неконфронтационных отношений с США. Следовательно, китайская политика на американском направлении была не пассивной реакцией на внешние вызовы, а осознанным стратегическим выбором, подчиненным целям внутреннего развития. Это переплетение внутренних потребностей и внешнего давления сформировало фундаментальную отправную точку и внутреннее напряжение в политике Китая по отношению к США в данный период.

На этом фоне стратегический курс, сформулированный Дэн Сяопином в

конце 1980 – начале 1990 годов – «хладнокровно наблюдать; укреплять позиции; уверенно реагировать на изменения; скрывать свои возможности и держаться в тени; не привлекать к себе внимания; ни в коем случае не брать на себя роль лидера; но при этом в чём-то добиваться своего» (冷静观察、稳住阵脚、沉着应付、韬光养晦、善于守拙、决不当头、有所作为) – стал основополагающим руководством для политики в отношении США на протяжении последующих двадцати с лишним лет[127]. Его квинтэссенция, выраженная в формуле «скрывать свои возможности и держаться в тени, достичь успеха, добиться результатов» (韬光养晦、有所作为), глубоко отражала трезвое понимание Китаем собственной мощи и международного положения того времени: в условиях огромного разрыва в силе с США необходимо было избегать ненужной конфронтации и конфликтов, проявляя стратегическое терпение и крайний прагматизм, чтобы выиграть драгоценное время и пространство для внутреннего развития. Эта основополагающая установка определила ключевую особенность политики Китая в отношении США в периоды правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао: при отстаивании принципиальных позиций прилагать максимальные усилия для поиска сотрудничества, управления разногласиями и поддержания двусторонних отношений в состоянии динамичного равновесия, не доводя дело до разрыва[128].

---

[127] Дэн Сяопин. Международная обстановка и экономические вопросы / Дэн Сяопин // Избранные произведения Дэна Сяопина. Т. 3. – Пекин : Народное издательство, 1993. – С. 351–354. (на кит. яз.). 邓小平. 国际形势和经济问题 // 邓小平文选. 第三卷. – 北京 : 人民出版社, 1993. – 第 351-354 页.

[128] Ши Иньхун. Внешняя стратегия Китая: «Скрывать свои возможности и держаться в тени» и «Добиваться своего» / Ши Иньхун // Стратегия и управление. – 1995. – № 5. – С. 1–6. (на кит. яз.). 时殷弘. 中国外交战略: “韬光养晦”和“有所作为” // 战略与管理. – 1995. – № 5. – 第 1-6 页.

Период правления Цзян Цзэминя (1989–2002 гг.): реконструкция отношений через управление кризисами и стратегическое взаимодействие

Период правления Цзян Цзэминя стал ключевым этапом, когда Китай в чрезвычайно сложных внешних условиях раннего постбиполярного мира с трудом искал и в конечном счете успешно переформатировал свои отношения с США. Политика этого периода демонстрировала характерную двойственность: с одной стороны, она была обусловлена необходимостью реагирования на кризисы, с другой – стремлением к стратегическому строительству. Китаю приходилось постоянно справляться с различными кризисами, инициированными или спровоцированными американской стороной, отстаивая государственный суверенитет и достоинство и тем самым обозначая свои «красные линии». При этом Пекин активно искал пути для стратегического сближения с Вашингтоном, инициативно формируя двусторонние отношения с целью создания условий для интеграции в международную систему и ускорения внутреннего развития.

После политических событий на площади Тяньаньмэнь в конце 1980-х годов США и другие западные страны ввели против Китая жесткие санкции, в результате чего китайско-американские отношения опустились до самой низкой точки со времени их установления в 1979 году. Столкнувшись с беспрецедентной дипломатической изоляцией и стратегическим давлением, китайское руководство приняло подход, сочетающий принципиальную твердость с тактической гибкостью. На принципиальном уровне Пекин

решительно отвергал любое внешнее вмешательство, отстаивая суверенитет и право на собственную модель развития. На практике же посредством многоуровневых контактов предпринимались усилия по прорыву дипломатической изоляции и предотвращению разрыва отношений. Политика из 16 иероглифов, сформулированная Цзян Цзэминем («укреплять доверие, сокращать трения, развивать сотрудничество и не допускать конфронтации»), четко определяла главную цель тогдашнего курса КНР в отношении США: нивелировать идеологические разногласия через прагматичное сотрудничество и сдерживать конфронтационные порывы с помощью общих интересов[129].

Данная стратегия ярко проявилась при урегулировании острых инцидентов. Например, в случае с инцидентом с судном «Иньхэ» (1993) или решением США о продаже Тайваню истребителей F-16 (1992), Пекин немедленно заявлял решительный протест, но на практике действовал сдержанно, избегая эскалации[130]. Главным мотивом служила необходимость сохранить стабильность в отношениях с США для обеспечения внутреннего экономического роста. Показательным примером является ситуация с ежегодным пересмотром в США режима наибольшего благоприятствования (РНБ) для Китая. Пекин эффективно использовал стратегию «продвижения политики через экономику» (以经促政). Расширяя доступ на свой рынок, КНР привлекла американские деловые круги, которые начали лоббировать ее

---

[129] Цзян Цзэминь. Использовать благоприятные возможности, углублять реформы, расширять открытость, содействовать развитию, поддерживать стабильность / Цзян Цзэминь // Избранные произведения Цзян Цзэминя : в 3 т. Т. 1. – Пекин : Народное издательство, 2006. – С. 228–240. (на кит. яз.). 江泽民. 抓住机遇，深化改革，扩大开放，促进发展，保持稳定 // 江泽民文选. 第一卷. – 北京: 人民出版社, 2006. – 第 228-240 页.

[130] Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1949–2000) : в 3 т. Т. 3 / Тао Вэньчжао. – Шанхай : Шанхайское народное издательство, 2004. – С. 315-320. (на кит. яз.). 陶文钊. 中美关系史 (1949–2000). 下卷. 上海 : 上海人民出版社, 2004. 第 315-320 页.

интересы в Вашингтоне. В итоге в 1994 г. администрация Клинтона приняла важнейшее решение — отвязать РНБ от проблемы прав человека. Это стало не только крупной дипломатической победой Пекина, но и подтвердило, что экономические интересы могут выступать «стабилизирующим якорем» в двусторонних отношениях.

По мере постепенного потепления отношений Китай начал стремиться к их стратегическому переопределению на более высоком уровне, чтобы выйти из порочного круга «санкции-контрсанкции» и «сдерживание-противодействие». В 1997 году председатель КНР Цзян Цзэминь совершил успешный государственный визит в США, в ходе которого стороны совместно заявили о стремлении к построению «конструктивного стратегического партнерства, ориентированного на XXI век»[131]. Значимость этой формулировки, предложенной китайской стороной и принятой американской, заключалась в том, что она ознаменовала переход Китая от пассивного реагирования к активному формированию двусторонних отношений. Суть концепции сводилась к признанию наличия глубоких разногласий, но с акцентом на обширных и важных общих интересах в глобальных и региональных делах, что требовало сотрудничества, а не конфронтации. Яркой иллюстрацией духа этого партнерства стали действия Китая во время Азиатско-Тихоокеанского финансового кризиса 1997-1998 годов, когда Пекин, проявив ответственность, отказался от девальвации юаня и вместе с США сыграл ключевую роль в

---

[131] Китайско-американское совместное заявление [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – 1997. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200011/t20001117_933610.shtml (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.) 中美联合声明中华人民共和国外交部.

стабилизации региональной экономики.

Процесс выстраивания партнерских отношений, однако, не являлся гладким и был сопряжен с острыми конфликтами и кризисами. Так, тайваньский вопрос, оставаясь наиболее чувствительной и центральной проблемой в китайско-американских отношениях, спровоцировал кризис в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. Визит Ли Дэнхуэя в США был воспринят в Пекине как вызов принципу «одного Китая», что повлекло за собой жесткие ответные меры, в частности, масштабные военные учения и ракетные пуски. Несмотря на урегулирование кризиса посредством непубличных каналов, данный инцидент четко обозначил для Вашингтона стратегические «красные линии» КНР и оказал значительное воздействие на последующее взаимодействие вооруженных сил двух стран и становление механизмов кризисного управления[132].

Два последующих инцидента – бомбардировка американцами посольства КНР в Югославии в 1999 году и столкновение самолетов над Южно-Китайским морем в 2001 году – стали новым испытанием для способности китайского правительства управлять кризисами. Столкнувшись с бурным всплеском националистических настроений внутри страны, китайское правительство, с одной стороны, поддерживало законные протесты граждан и по дипломатическим каналам предъявляло США решительные представления и требования о компенсации; с другой – осмотрительно контролировало развитие ситуации, чтобы после защиты национального достоинства вернуть

[132] Ню Цзюнь. От Яньаня к миру: истоки и развитие внешней политики Коммунистической партии Китая / Ню Цзюнь. – Пекин : Издательство Китайского народного университета, 2013. – 491 с. (на кит. яз.). 牛军. 从延安走向世界: 中国共产党对外关系的起源. – 北京 : 中国人民大学出版社, 2013. 第 491 页.

двусторонние отношения в нормальное русло. Особенно в случае столкновения самолетов, китайская сторона, настаивая на принципиальной позиции о необходимости извинений со стороны США, в конечном итоге проявила гибкость и освободила американский экипаж, успешно разрешив кризис, который мог бы привести к долгосрочному регрессу в отношениях[133]. Эта практика кризисного управления в полной мере продемонстрировала крайний прагматизм китайской политики в отношении США: бескомпромиссность в вопросах коренных интересов, но наличие пространства для маневра в конкретных действиях, с конечной целью служения стратегическим интересам национального развития.

Наиболее дальновидным стратегическим решением периода правления Цзян Цзэминя, оказавшим огромное влияние на будущее развитие Китая, стало форсирование процесса вступления во Всемирную торговую организацию (ВТО). После пятнадцати лет трудных переговоров Китай в 2001 году официально стал членом ВТО. За этим решением стояли глубокие стратегические соображения в отношении США. Китайское руководство осознавало, что вступление в ВТО было не только необходимостью для продвижения внутренних рыночных реформ и глубокой интеграции в экономическую глобализацию, но и стратегическим шагом в духе «осуществления свершений» (有所作为). Суть его заключалась в том, чтобы через добровольное принятие правил международной торгово-экономической системы, в которой доминировали США, с одной стороны, воспользоваться

---

[133] Ibid.

огромными дивидендами глобализации, а с другой – использовать многосторонние правила для нормативного ограничения американского унилатерализма и торгового протекционизма[134]. В ходе переговоров с США по вопросу вступления в ВТО китайская сторона, отстаивая протекционистские меры в сельском хозяйстве и финансовом секторе, пошла на существенные уступки в вопросах доступа на свой рынок. Это позволило заручиться поддержкой со стороны администраций У. Клинтона и Дж. Буша-младшего. Данный подход демонстрирует высокий уровень стратегического планирования руководства КНР, позволивший трансформировать внешнее давление в стимул для внутренних преобразований и задействовать рамки существующей международной системы для расширения пространства национального развития.

Политика в отношении США в период Цзян Цзэминя, выстроенная на принципе Дэн Сяопина о «сокрытии возможностей», является примером «рестабилизации» и «нового развития» двусторонних отношений в неблагоприятных внешних условиях раннего постбиполярного периода. Ее характеризовал дуализм, который выражался в сочетании мер по «управлению кризисами» со «стратегическим сопряжением». В вопросах коренных интересов (Тайвань, права человека, суверенитет) Китай проявлял жесткость и готовность к отстаиванию своих позиций, обозначая для США неприкосновенность своих принципов. Одновременно в сферах экономики и глобального управления Пекин делал ставку на сотрудничество, используя общие интересы в качестве

[134] Лун Юнту. Пятнадцать лет переговоров о вступлении в ВТО: ретроспектива и размышления / Лун Юнту // Международная экономика и торговля. – 2002. – № 1. – С. 4–7. (на кит. яз.). 龙永图. 入世谈判十五年回顾与思考 // 国际贸易. – 2002. – № 1. – 第 4-7 页.

основы для взаимодействия[135]. Успешное вступление Китая в ВТО заложило критически важную внешнюю основу для его экономического взлета и роста национальной мощи в начале XXI века.

Период правления Ху Цзиньтао (2002–2012 гг.): углубление сотрудничества и стратегическое соперничество в рамках концепции «мирного развития».

Десятилетие правления Ху Цзиньтао стало периодом стремительного роста совокупной мощи Китая и значительного изменения баланса сил в отношениях с США. В этот период китайская политика в отношении США, унаследовав основной курс «сокрытия возможностей», значительно обогатила и углубила содержание и практику «осуществления свершений». Политика этого периода характеризовалась дуализмом: параллельно развивались как «глубинное сотрудничество», так и «проактивное соперничество». Хотя китайско-американское взаимодействие, особенно в контексте совместного преодоления глобальных кризисов, достигло беспрецедентной глубины, одновременно с этим по мере роста мощи КНР и усиления стратегического беспокойства США их соперничество приобретало все более отчетливые и структурные формы.

11 сентября 2001 года террористические атаки на территории США кардинально изменили глобальную стратегическую повестку Вашингтона.

[135] Ши Иньхун. Международная политика и стратегия Китая / Ши Иньхун. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2005. – 365 с. (на кит. яз.). 时殷弘. 中国的国际政治与战略. – 北京: 北京大学出版社, 2005. 第 365 页.

Борьба с терроризмом вытеснила соперничество великих держав, став главным приоритетом администрации Буша-младшего. Это объективно создало для Китая относительно благоприятную внешнюю среду, которую китайское руководство проницательно определило как «период важных стратегических возможностей». Установка на использование данного периода для ускорения собственного развития определила вектор всей внутренней и внешней политики Китая того времени[136]. В целях формирования благоприятной внешней среды и снижения сопротивления своему подъему китайским руководством был инициирован комплекс теоретических и дискурсивных инноваций. Центральное место среди них заняло официальное провозглашение пути «мирного развития». Данная концепция, ставшая развитием теории «мирного возвышения», была сформулирована в качестве системного ответа на распространенную в США теорию «китайской угрозы». Акцентируя мирный и взаимовыгодный характер своего развития и отказ от гонки вооружений, Пекин стремился продемонстрировать, что подъем КНР представляет собой не угрозу, а возможность в рамках существующей системы. Одновременно с этим Ху Цзиньтао была выдвинута идея «гармоничного мира», основанная на мультилатерализме и уважении к многообразию цивилизаций[137]. Эта идея не только давала новую интерпретацию традиционной китайской культуре «гармонии» (和), но и формировала альтернативу американскому унилатерализму, что закладывало основу для более активной роли КНР в

---

[136] Ху Цзиньтао. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в построении среднезажиточного общества : доклад на XVII Всекитайском съезде КПК 15 октября 2007 г. / Ху Цзиньтао. – Пекин : Народное издательство, 2007. – 67 с. (на кит. яз.). 胡锦涛. 高举中国特色社会主义伟大旗帜为夺取全面建设小康社会新胜利而奋斗. – 北京 : 人民出版社, 2007. 第 67 页.

[137] Ibid.

глобальном управлении.

Опираясь на концепции «мирного развития» и «гармоничного мира», Пекин добился заметных успехов в сотрудничестве с Вашингтоном. После 11 сентября 2001 г. активное включение КНР в антитеррористическое взаимодействие способствовало потеплению отношений, которое стали называть «медовым месяцем». Борьба с терроризмом стала опорой для стабилизации связей, временно снизив остроту соперничества.

Высшей точкой сотрудничества стал глобальный финансовый кризис 2008 г. В условиях, когда западная экономика переживала спад, Китай благодаря своей устойчивости и решительным мерам (включая план стимулирования на 4 трлн юаней) выступил локомотивом мирового восстановления. Ответственное поведение КНР заставило США увидеть в нем незаменимого партнера, что породило в американских кругах идею «Большой двойки» (G2) — совместного американо-китайского управления миром. Руководство КНР отнеслось к этому предложению весьма осмотрительно. Пекин отверг концепцию «G2», подчеркнув свой статус крупнейшей развивающейся страны, приверженной мультилатерализму и политике невступления в союзы[138]. Такая взвешенная реакция позволила Китаю избежать как ловушки «поддержки американской гегемонии», так и отчуждения от развивающегося мира, показав его стратегическую выдержку.

Другим важным признаком углубления сотрудничества в этот период стала высокая степень его институционализации. Эволюция диалоговых

[138] Юань Пэн. «Большая двойка» (G2): иллюзия и реальность / Юань Пэн // Современные международные отношения. – 2009. – № 5. – С. 1–7. (на кит. яз.). 袁鹏. “G2”: 幻象与现实 // 现代国际关系. – 2009. – № 5. – 第 1-7 页.

форматов между Китаем и США, от «Стратегического диалога» (Strategic Dialogue), учрежденного при администрации Буша-младшего, до его трансформации в «Стратегический и экономический диалог» (S&ED) при администрации Обамы, привела к формированию высокоуровневой платформы под руководством спецпредставителей глав государств. Ее мандат охватывал практически все сферы: от дипломатии и безопасности до экономики, финансов и гуманитарных обменов. Данный механизм выполнял функции центрального канала для укрепления взаимного доверия, расширения сотрудничества и урегулирования разногласий. Его создание знаменовало собой переход к новому, более детальному и институционализированному уровню управления китайско-американскими отношениями[139].

Параллельно с углублением сотрудничества происходило и обострение стратегического соперничества. С американской стороны, администрация Буша выдвинула теорию «ответственного участника международных отношений» (Responsible Stakeholder), а администрация Обамы запустила стратегию «поворота в Азию» (Pivot to Asia). Обе эти концепции составили ядро стратегического соперничества США с Китаем.

Теория «ответственного участника», сформулированная тогдашним заместителем госсекретаря Робертом Зелликом в 2005 году, по сути, требовала от Китая не просто интегрироваться в международную систему, но и активно поддерживать существующий мировой порядок, в котором доминируют США. Китайская сторона применила к этой теории тактику «избирательного

[139] Да Вэй. Анализ механизма стратегического и экономического диалога между Китаем и США / Да Вэй // Исследования международных проблем. – 2012. – № 4. – С. 27–40. (на кит. яз.). 达巍. 中美战略与经济对话机制评析 // 国际问题研究. – 2012. – № 4. – 第 27-40 页.

принятия» и «переопределения понятий». С одной стороны, Китай соглашался с тем, что должен нести больше международной ответственности, и выражал готовность вносить больший вклад в таких областях, как изменение климата, нераспространение и миротворчество. С другой стороны, Пекин подчеркивал, что ответственность и права должны быть соразмерны, и что Китай имеет право участвовать в разработке и реформировании международных правил, сохраняя за собой право критиковать несправедливые и нерациональные аспекты существующей системы[140].

Стратегия «поворота в Азию» администрации Обамы, в свою очередь, была воспринята в Китае как стратегическое перемещение американских ресурсов на Восток с целью противодействия подъему Китая, имеющее явные черты сдерживания. Эта стратегия, включавшая укрепление военных союзов с Японией и Южной Кореей, активное вмешательство в споры в Южно-Китайском море, а также продвижение Транстихоокеанского партнерства (ТТП) с исключением из него Китая, была нацелена на создание дуги окружения Китая в военной, дипломатической и экономической сферах. Реагируя на этот вызов, Китай применил многомерную стратегию. В дипломатии была реализована концепция добрососедства («близость, искренность, взаимная выгода и инклюзивность»), нацеленная на укрепление связей с АСЕАН и ослабление влияния США[141]. В экономике Пекин ускорил

---

[140] Мэнь Хунхуа. Китай как «ответственный участник»: анализ идентичности и поведения / Мэнь Хунхуа // Международный обзор. – 2006. – № 2. – С. 8–15. (на кит. яз.). 门洪华. 中国作为“负责任的相关者”：一种身份和行为的分析 // 国际观察. – 2006. – № 2. – 第 8-15 页.

[141] Чжан Тошэн. Дипломатия Китая в отношении соседних стран в новую эпоху: концепции, практика и перспективы / Чжан Тошэн // Исследования международных проблем. – 2011. – № 6. – С. 27–40. (на кит. яз.). 张沱生. 新时期中国的周边外交:理念、实践与展望 // 国际问题研究. – 2011. – № 6. – 第 27-40 页.

создание зон свободной торговли и углубил региональную интеграцию. В сфере безопасности, особенно в спорах в Южно-Китайском море, его позиция ужесточилась, хотя и с акцентом на необходимости диалога между непосредственными участниками и неприятии внешнего вмешательства.

Одновременно с этим традиционные раздражители (продажа оружия Тайваню, курс юаня, кибербезопасность, права человека) оставались постоянными источниками напряженности, создавая сложный фон для двусторонних отношений.

Период правления Ху Цзиньтао можно считать ключевым этапом перехода политики КНР от «сокрытия возможностей» к «достижению результатов». Для нее были характерны сосуществование «глубинного сотрудничества» и «проактивного соперничества». С одной стороны, совместное противодействие кризисам и институционализированный диалог вывели сотрудничество на исторически высокий уровень. С другой, быстрый рост мощи КНР и его влияние на интересы США делали конкуренцию все более явной. Китай в этот период успешно использовал стратегические возможности для скачка в развитии, но это же создало предпосылки для перехода к фазе всеобъемлющей конкуренции на следующем этапе.

Выводы

Анализируя более чем двадцатилетний период с конца холодной войны до 2013 года, можно констатировать, что политика Китая в отношении США демонстрирует мощную преемственность, четкую траекторию эволюции и

оставила глубокое историческое наследие.

Мощная преемственность политики проявляется в неизменности ее основной логики. Как в период Цзян Цзэминя, так и в период Ху Цзиньтао, служение высшему национальному интересу – модернизации страны – оставалось фундаментальным критерием при разработке политики в отношении США. Общая стратегическая установка («скрывать свои возможности и держаться в тени, достичь успеха, добиться результатов») и прагматичный подход, сочетавший готовность к «сотрудничеству» и «борьбе», оставались основой политики Пекина в оба периода.

Во-вторых, можно отметить четкую эволюцию в политической позиции и инструментарии. Роль Китая трансформировалась от пассивной адаптации к системе (с акцентом на антикризисное управление) к более уверенной роли «участника» и «со-архитектора», способного влиять на повестку дня. Расширился и набор инструментов: от двусторонних контактов и экономических рычагов к активному использованию многосторонних платформ, созданию региональных форматов и выдвижению глобальных концепций.

В-третьих, итогом этого периода стало наследие, включающее и достижения, и нерешенные проблемы. Главным достижением можно считать то, что Китай получил более двадцати лет «стратегических возможностей» для мирного развития. За это время страна совершила экономический рывок и нарастила совокупную мощь, избежав прямого столкновения с США. Однако именно этот успех породил глубокие структурные противоречия между Китаем и США. Рост китайской мощи неизбежно изменил глобальный баланс сил, в

результате чего чаша весов в китайско-американских отношениях, на которой лежат сотрудничество и соперничество, начала коренным образом смещаться. К концу 2012 года, хотя накопленный потенциал сотрудничества все еще был огромен, нарастающая динамика соперничества уже набирала грозную силу, предвещая наступление нового, крайне неопределенного периода в китайско-американских отношениях, в котором стратегическая конкуренция будет играть все более доминирующую роль.

Глава II. Области сотрудничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина: задачи и результаты (с 2013 г. до 2025 г.)

2.1. Стратегические основы внешней политики Китая в период председательства Си Цзиньпина в формировании китайско-американских отношений

Китайско-американские отношения с середины 2010-х годов вступили в сложный этап стратегического соперничества, которое приобрело многоплановый и долгосрочный характер. Сосредоточение внимания исключительно на двусторонних трениях и конфронтации не позволяет в полной мере понять логику и практические рамки политики Китая в отношении США. Фактически, наряду с конкурентной составляющей существует нарративный и практический подход к сотрудничеству, который Китай последовательно поддерживает и активно продвигает. Более того, эта ориентация на сотрудничество была систематически сформирована на теоретическом уровне. Руководство КНР осознает, что траектория развития китайско-американских отношений как двух мировых держав затрагивает не только благосостояние народов обеих стран, но и определяет перспективы глобального мира и развития. Исходя из этого и стремясь избежать «ловушки Фукидида», Пекин выдвинул ряд стратегических инициатив по выстраиванию сотрудничества с США. Эти инициативы формулируют идеологические и практические принципы для поддержания двустороннего взаимодействия. Суть данных предложений состоит в отказе от логики игры с нулевой суммой, в применении исторического подхода и принятии глобальной ответственности

для поиска новых путей мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества крупных держав. Вышеупомянутая стратегическая основа нашла свое воплощение в ключевых выступлениях высшего руководства Китая, официальных политических документах и инициативах, выдвинутых на крупных международных форумах, сформировав целостную и логически прогрессивную теоретическую основу для сотрудничества между Китаем и США.

Период 2013–2020 гг. ознаменовался коренным обновлением теоретических и стратегических основ внешней политики Китая. Именно в эти годы были сформулированы ключевые концепции, определяющие подход Пекина к США: «новый тип отношений великих держав» и «сообщество единой судьбы человечества». Данные инициативы стали ответом на изменение баланса сил и попытку Китая выстроить предсказуемые, неконфронтационные отношения с США на равноправной основе. Этот этап характеризовался активным концептуальным творчеством и стремлением избежать необратимой деградации двусторонних связей.

Во-первых, принимая «новый тип отношений великих держав» в качестве логической отправной точки, он устанавливает рамочную концепцию сотрудничества между Китаем и США на высшем уровне.

В 2012 году, накануне вступления в должность нового центрального руководящего коллектива, Китай проактивно предложил Соединенным Штатам инициативу по построению «нового типа отношений великих держав». В июне 2013 г. в поместье Анненберг состоялась встреча Председателя КНР Си

Цзиньпина и Президента США Б. Обамы, в ходе которой стороны согласовали курс на построение межгосударственных отношений нового типа[142]. Данная концепция стала стратегической инициативой КНР с целью выстраивания китайско-американских отношений на стратегическом уровне и предотвращения конфликтов между великими державами. Основные принципы «отношений нового типа» формулируются как «отсутствие конфликтов и конфронтации, взаимное уважение, взаимовыгодное сотрудничество»[143]. Эти три принципа взаимосвязаны и определяют рамки и цели китайско-американского взаимодействия.

Принцип «отсутствия конфликтов и конфронтации» является основополагающим. Он формирует ключевое условие для сотрудничества КНР и США: обе стороны должны урегулировать разногласия посредством диалога и коммуникации, не допуская эскалации споров до военного конфликта или полномасштабного противостояния. Данный принцип обусловлен как наличием у обеих стран ядерного оружия, что делает последствия потенциального конфликта катастрофическими, так и преемственностью традиционной китайской философской концепции «мир является наивысшей ценностью» (和为贵) в современной дипломатии. Он предполагает проявление сторонами максимальной сдержанности при наихудших сценариях, создавая тем самым необходимое для сотрудничества пространство безопасности.

---

[142] Си, Цзиньпин. Выступление на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – 2015. – URL: https://gadebate.un.org/en/70/china (дата обращения: 12.06.2024). (на кит. яз.) 习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话.

[143] Ibid.

Ключевым элементом выступает взаимное уважение. Его суть состоит в уважении Соединенными Штатами коренных интересов и ключевых озабоченностей Китая, в частности, избранных им социальной системы и пути развития. По мнению китайской стороны, многие противоречия в двусторонних отношениях обусловлены попытками США трансформировать КНР в соответствии с собственными ценностными установками. Поэтому «взаимное уважение» направлено на создание равной основы для двусторонних отношений, признание и учет различий друг друга. Оно ищет путь к сосуществованию в рамках «находиться в согласии, имея разные взгляды» (和而不同), тем самым обеспечивая политические гарантии устойчивого сотрудничества.

Принцип «взаимовыгодного сотрудничества» выступает в качестве целевого ориентира. Он предполагает преодоление менталитета «игры с нулевой суммой» и акцентирует наличие у Китая и США общих интересов в различных областях. Взаимодействие способно принести ощутимую выгоду обеим сторонам и мировому сообществу, будь то в решении глобальных проблем или в содействии экономическому развитию. Концепция «взаимовыгодного сотрудничества» призвана опровергнуть тезис о том, что выигрыш одной стороны означает проигрыш другой, и придать двусторонним отношениям позитивный импульс.

Следовательно, концепция «нового типа отношений великих держав» является не просто дипломатическим лозунгом, а программой действий, предложенной Пекином для выстраивания долгосрочного стабильного

взаимодействия. Она предлагает новый подход к вопросу сосуществования крупнейшей развивающейся и крупнейшей развитой стран мира.

Во-вторых, концепция «сообщества единой судьбы человечества» служит идейной основой для расширения глобального охвата и повышения авторитета китайско-американского сотрудничества. Впервые предложенная президентом председателем Си Цзиньпином в 2013 году, эта концепция была систематически доработана в ходе ряда важных мероприятий и постепенно стала главной целью дипломатии крупных стран с китайской спецификой в новую эпоху[144]. Соответствующие предложения были включены в многочисленные резолюции Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и других органов Организации Объединенных Наций, получив широкое международное признание[145].

Основной принцип «сообщества единой судьбы человечества» заключается в том, что все человечество сосуществует в одной глобальной деревне, коллективно противостоя нетрадиционным угрозам безопасности, таким как изменение климата, терроризм, кибербезопасность и серьезные инфекционные заболевания. Перед лицом таких глобальных вызовов ни одна страна не может остаться незатронутой; интересы всех стран неразрывно связаны, а их судьбы тесно переплетены. Данная концепция служит обоснованием как моральной легитимности, так и практической необходимости

---

[144] Си, Цзиньпин. Выступление в МГИМО [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Министерство иностранных дел КНР. – 2013. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/dozysgjlb/1706/1708/201304/t20130401_956483.html (дата обращения: 12.06.2024). (на кит. яз.). 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲.

[145] Resolution of the Security Council of the United Nations № 2344 (2017) : the vision of a community with a shared future for mankind was first included [Электронный ресурс] // United Nations. – 2017. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2344(2017). (дата обращения: 27.02.2026). (на кит. яз.). 联合国安理会第 2344 号决议（2017 年），首次载入“构建人类命运共同体”理念.

преодоления идеологических разногласий и налаживания прагматического взаимодействия между КНР и США. Ее основополагающие принципы раскрываются в двух измерениях.

С одной стороны, постулируется безальтернативность сотрудничества как подхода к решению глобальных проблем. В сфере климатических изменений, где Китай и США являются двумя крупнейшими эмитентами углерода, эффективность их взаимодействия напрямую определяет траекторию глобального климатического управления. Перед лицом мирового кризиса в области здравоохранения, обусловленного трансграничным характером вирусных угроз, возникает объективная необходимость в координации усилий по обмену информацией о пандемии, а также в сфере разработки и распространения вакцин. В подобных вопросах конкуренция представляется контрпродуктивной, а конфронтация чревата катастрофическими последствиями для всего международного сообщества.

С другой стороны, сотрудничество между Китаем и США рассматривается как имманентное требование к выполнению ими обязательств великих держав. В рамках концепции «сообщества единой судьбы человечества» акцентируется особая ответственность крупных государств за поддержание мира и содействие глобальному развитию. Такое взаимодействие трактуется не просто как обмен выгодами на двусторонней основе, но как обязанность двух «системно значимых стран» в глобальной архитектуре по предоставлению общественных благ. Подобный подход, сфокусированный на ответственности, формирует теоретический базис для поддержания двустороннего сотрудничества в

многосторонних форматах даже в условиях обострения двусторонних отношений.

В этой связи показательны слова высокопоставленных дипломатов КНР: «У нас только одна Земля, и человечество живет в одном общем доме. ...Будучи двумя крупнейшими экономиками мира и постоянными членами Совета Безопасности ООН, Китай и США имеют широкие общие интересы в защите мира и стабильности во всем мире, в содействии глобальному развитию и процветанию». Они несут особую и значительную ответственность»[146]. Эта теоретическая основа поднимает китайско-американское сотрудничество за пределы двусторонней сферы на уровень общей судьбы человечества, значительно расширяя повестку дня сотрудничества и наполняя ее мощной моральной силой.

В-третьих, опираясь на прагматичное «мышление в интересах конечного результата», и общее видение интересов, нужно укрепить устойчивость и жизнеспособность китайско-американского сотрудничества. Выражая грандиозную концепцию сотрудничества, стратегическая основа Китая также включает в себя реалистичную осторожность. Столкнувшись с усиливающейся конкуренцией со стороны США, китайское руководство делает акцент на «мышление в интересах конечного результата» – тщательной подготовке к наихудшему сценарию при одновременном стремлении к достижению наиболее благоприятного результата. Руководствуясь этим принципом, сотрудничество

---

[146] Ван, И. Возвращение китайско-американских отношений на правильный путь развития [Электронный ресурс] / Ван И // «Жэньминь жибао». – 2020. – URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/136572.html (дата обращения: 27.02.2026.) (на кит. яз.) 王毅. 在中美智库媒体视频论坛上的致辞.

позиционируется как стратегический «стабилизатор» и «предохранительный клапан», позволяющий управлять двусторонними отношениями и предотвращать их выхождение из-под контроля.

Это означает, что даже если США будут относиться к Китаю как к «стратегическому конкуренту», Пекин по-прежнему будет считать поиск и поддержание необходимого сотрудничества рациональным выбором, соответствующим его фундаментальным интересам. Эта логика проявляется в основном в двух аспектах.

Во-первых, сотрудничество является неотъемлемым условием для реализации национальных стратегий развития. Основная задача Китая заключается в осуществлении великого возрождения китайской нации, а достижение этой цели зависит от долгосрочной мирной и стабильной внешней обстановки. Всеобъемлющий конфликт между Китаем и США серьезно нарушил бы этот исторический процесс. По этой причине сотрудничество в необходимых областях позволяет эффективно урегулировать разногласия, снизить риск конфронтации и обеспечить ценные стратегические возможности для внутреннего развития.

Во-вторых, сотрудничество является прагматичным выбором, основанным на глубокой взаимозависимости. Китай четко осознает, что после десятилетий развития экономики Китая и США стали тесно взаимосвязаны, и каждая из них неразрывно встроена в другую. По словам китайских лидеров, «суть китайско-американских экономических и торговых отношений заключается во взаимной выгоде и сотрудничестве, приносящем пользу обеим сторонам», а

«разъединение» не имеет смысла ни для одной из сторон. Поэтому поддержание сотрудничества и обмена в экономической, финансовой, технологической и межчеловеческой сферах составляет практическую основу для укрепления устойчивости двусторонних отношений и предотвращения их резкого ухудшения.

На этапе 2020–2025 гг. прослеживается преемственность ключевых стратегических принципов, выработанных в 2013–2020 гг., при одновременной их адаптации к условиям обострившейся стратегической конкуренции. Так, КНР не отказывается от ранее выдвинутых концепций «нового типа отношений» и «сообщества единой судьбы человечества», однако внешнеполитический курс дополняется более жесткими прагматическими императивами, такими как защита национальных интересов, обеспечение технологического суверенитета и поддержание внутренней стабильности. Стратегический фундамент внешней политики КНР в указанный период приобретает двойственный характер: с одной стороны, сохраняется декларативная приверженность сотрудничеству в критически важных областях, с другой — акцентируется необходимость противодействия политике односторонних санкций и сдерживания. На практике это выражается в модели выборочного взаимодействия, сочетающей жесткое отстаивание суверенитета с сохранением каналов коммуникации, нацеленных на предотвращение неконтролируемой эскалации.

Следовательно, в китайской парадигме теоретический фундамент для выстраивания отношений с США, формирующийся с 2013 года, представляет

собой сложную, многоуровневую и системную конструкцию. Эта структура использует «новый тип отношений великих держав» в качестве своей общей концепции, определяя основные принципы и практические пути сотрудничества. А грандиозная концепция «сообщества единой судьбы человечества» наделяет сотрудничество глобальной ответственностью и моральным превосходством. Одновременно с этим прагматичные национальные интересы и «мышление в интересах конечного результата» обеспечивают практическую основу, гарантируя устойчивость и осуществимость стратегий сотрудничества. Этот стратегический дискурс базируется на истории и опыте Китая в отношениях с разными странами, включая США. Именно указанные выше стратегические положения лежат в основе устойчивого продвижения Китаем китайско-американского сотрудничества на фоне обострения стратегической конкуренции. Они же объясняют четкую позицию Китая по разным вызовам со стороны США. Китай придерживается стратегических основ во внешней политике и намерен их удерживать.

2.2. Сотрудничество между Китаем и США в области глобального управления кризисами

В условиях возрастающей взаимозависимости современного мира и усложнения структуры международных отношений концепция глобального управления (глобальное управление) приобретает особую актуальность. Под глобальным управлением в современной науке понимается не создание некоего

мирового правительства, а сложная, многоуровневая система, включающая в себя формальные и неформальные институты, механизмы, нормы и процессы, посредством которых государства и негосударственные акторы (международные организации, НПО, транснациональные корпорации) стремятся к коллективному решению проблем, выходящих за рамки национальных границ. Эта система нацелена на регулирование глобальных процессов в отсутствие единого центра власти[147].

Одной из наиболее критически важных и показательных сфер глобального управления является управление глобальными кризисами (глобальное управление кризисами). Данное понятие означает совокупность скоординированных международных усилий и механизмов, направленных на предотвращение, смягчение последствий и преодоление острых транснациональных угроз[148]. В рамках настоящего исследования основное внимание будет уделено таким кризисам, как пандемии (включая COVID-19), изменение климата, проблема нераспространения ядерного оружия[149]. Необходимость рассмотрения именно этих вызовов обусловлена их всеобъемлющим и трансграничным характером: они не признают государственных границ, угрожают стабильности всей международной системы и требуют безотлагательных совместных действий в масштабах всего

---

[147] Rosenau, J. N. Governance without Government: Order and Change in World Politics / J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. - Cambridge : Cambridge University Press, 1992. - 378 p.
Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy / R. O. Keohane. - Princeton : Princeton University Press, 1984. - 356 p.

[148] Weiss, T. G. Global Governance: Why? What? Whither? / T. G. Weiss. - Cambridge : Polity Press, 2019. - 214 p.
Hale T. Global Crisis Governance: Lessons from the COVID-19 Pandemic / T. Hale // International Affairs. - 2020. - Vol. 96, № 5. - P. 1137-1156.

[149] Ван Цзюнь. Глобальное управление нераспространением ядерного оружия: роль США и КНР / Ван Цзюнь // Современные международные отношения. – 2023. – № 5. – С. 78–93. (на кит. яз.). 王军. 全球核不扩散治理中的中美角色定位与互动 // 现代国际关系. – 2023. – № 5. – 第 78-93 页.

человечества. Ни одно государство, каким бы могущественным оно ни было, не способно справиться с ними в одиночку.

Анализ сотрудничества в этой области является ключевым для демонстрации и оценки современных китайско-американских отношений. Это объясняется тем, что Китай и США, будучи двумя ведущими мировыми державами и ключевыми акторами глобального управления, несут особую ответственность за поддержание международного порядка. Их взаимодействие (или его отсутствие) в управлении глобальными кризисами выступает в качестве своеобразного барометра, или индикатора, общего состояния двусторонних отношений. Оно позволяет судить о реальном уровне стратегического доверия, о готовности сторон отложить в сторону разногласия ради общих интересов и о преобладающей парадигме их взаимодействия: является ли она преимущественно конкурентной или кооперационной.

Более того, сфера управления кризисами представляет собой важнейшую площадку для двустороннего диалога. В условиях обострения политико-идеологических противоречий совместная деятельность по решению конкретных прагматических задач, таких как противодействие пандемиям или климатическим изменениям, приобретает функцию стабилизирующего механизма. Она позволяет не только сохранять каналы коммуникации и способствовать деэскалации напряженности, но и формировать предпосылки для последующего восстановления доверия. Таким образом, исследовательская ценность анализа данного сотрудничества для оценки китайско-американских отношений состоит в том, что он позволяет выйти за пределы анализа,

сфокусированного исключительно на военно-политическом и экономическом соперничестве. Подобный подход дает возможность сформировать более комплексное, многоаспектное представление о сложной и противоречивой природе их взаимодействия. Исход такого сотрудничества в сфере преодоления глобальных вызовов напрямую определяет не только благосостояние самих государств, но и устойчивость всей системы глобального управления, а также контуры будущего мироустройства.

Китайско-американское взаимодействие в сфере глобального климатического управления

Начиная с 2013 г. в китайско-американских отношениях наблюдается нарастание стратегического соперничества. Тем не менее, в сфере глобального управления обе страны смогли выстроить предметное взаимодействие, опираясь на общие интересы и ответственность великих держав. Это взаимодействие стало важным этапом в двусторонних отношениях и показало значимость сотрудничества КНР и США в решении мировых проблем. Наиболее заметным и перспективным направлением здесь стало совместное лидерство в вопросах управления глобальным климатом. Данный пример свидетельствует, что даже при ухудшении политического климата в отношениях Пекин и Вашингтон способны координировать действия по вопросам, затрагивающим все человечество. Глобальное управление климатом долгое время сдерживалось тупиком переговоров, проводившихся в

соответствии с принципом «общей, но дифференцированной ответственности», при этом развитые и развивающиеся страны имели глубоко расходящиеся взгляды на распределение обязательств по сокращению выбросов. Неудача Копенгагенской конференции по изменению климата 2009 года стала воплощением этого тупика. Выход из этой ситуации стал центральной задачей в процессе глобального управления климатом. На этом фоне Китай и США достигли решающего прорыва благодаря стратегическому общению на высоком уровне. 12 ноября 2014 года, воспользовавшись возможностью, предоставленной неформальной встречей лидеров стран АТЭС в Пекине, президент Китая Си Цзиньпин и тогдашний президент США Барак Обама совместно выступили с заявлением «Совместное заявление Китая и США по изменению климата»[150]. Принятие данного заявления имело значительный международный резонанс. Историческая важность документа состоит в том, что Китай и США — крупнейшая развивающаяся и крупнейшая развитая страны — впервые совместно зафиксировали количественные обязательства по сокращению выбросов на период после 2020 года[151]. Среди них США обязались к 2025 году сократить выбросы во всей экономике на 26–28 % по сравнению с уровнями 2005 года (стремясь к 28 %); Китай предложил, чтобы выбросы углекислого газа достигли пика около 2030 года и стремиться достичь этого пика как можно раньше, одновременно увеличивая долю неископаемой энергии в первичном потреблении энергии примерно до 20 % к 2030 году[152]. Обе

---

[150] Си, Цзиньпин. Совместное заявление Китая и США по изменению климата [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин, Б. Обама. – 2014. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-11/13/content_2777663.htm (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 习近平奥巴马中美气候变化联合声明.

[151] Ibid.

[152] Ibid.

стороны также взяли на себя четкое обязательство совместно продвигать достижение юридически обязывающего результата, применимого ко всем сторонам, на Парижской климатической конференции 2015 года, укрепляя при этом практическое сотрудничество в таких областях, как передовые технологии использования угля, атомная энергия и возобновляемые источники энергии[153]. Прорыв заключался в том, что Китай впервые установил четкие сроки достижения пика выбросов углекислого газа. Данный шаг не только придал импульс глобальному переговорному процессу по климату, но и сформировал основу для последующего заключения Парижского соглашения, подтвердив лидирующие позиции КНР и США в системе глобального климатического управления. Он ознаменовал отход от прежних подходов, основанных на показателях выбросов на душу населения и принципе исторической ответственности, и свидетельствовал о готовности крупной развивающейся страны принять на себя значительные обязательства. Со своей стороны, США анонсировали наиболее масштабные на тот период цели по сокращению эмиссий. Принципиальное значение имел тот факт, что заявления Китая и США были сделаны скоординированно, в формате последовательных деклараций, что позволило выйти из тупиковой ситуации взаимных претензий, характерной для многосторонних переговоров. Тем самым был создан значимый прецедент совместных действий «Группы двух», сигнализирующий международному сообществу о решимости двух крупнейших экономик и эмитентов взять на себя лидерскую ответственность. Это заявление способствовало снятию основных

---

153 Ibid.

политических барьеров на пути к принятию Парижского соглашения в 2015 году.

Совместное китайско-американское заявление по изменению климата 2014 г. сформировало фундамент для двустороннего взаимодействия в данной области, в то время как Парижское соглашение 2015 г. ознаменовало собой ключевой этап скоординированного участия двух государств в глобальном управлении климатом. Будучи двумя крупнейшими эмитентами парниковых газов, КНР и США посредством совместных лидерских усилий внесли решающий вклад в выход из переговорного тупика на Парижской конференции и способствовали достижению итогового соглашения. В последующий период данное направление сотрудничества утвердилось в качестве одного из центральных элементов конструктивной повестки в двусторонних отношениях. Определяющее значение в этом процессе имела дипломатия на высшем уровне. Так, в рамках визита Председателя КНР Си Цзиньпина в США в сентябре 2015 г. было обнародовано совместное заявление глав государств по климатической проблематике. В документе стороны не только подтвердили свои обязательства по сокращению выбросов, но и закрепили консенсус по вопросам финансирования климатических проектов и технологического сотрудничества, что послужило значимой политической основой для успешного проведения Парижской конференции. На критическом этапе переговоров делегации Китая и США сосредоточились на основных спорных вопросах, проведя скоординированные консультации с целью преодоления разногласий, что обеспечило решающую поддержку для окончательного заключения

Парижского соглашения.

Историческое значение Парижского соглашения в настоящее время признается международным сообществом, а решающая роль сотрудничества между Китаем и США в его достижении подтверждается цифрами: на момент заключения соглашения на долю Китая и США приходилось примерно 40% мировых выбросов парниковых газов. Без глубокой вовлеченности и совместного лидерства этих двух стран никакое существенное глобальное соглашение по климату не могло бы быть реализовано. Чтобы ускорить вступление Соглашения в силу (для чего требуется ратификация как минимум 55 Сторонами, на долю которых приходится более 55% глобальных выбросов парниковых газов), Китай и США вновь предприняли синхронные действия на уровне руководства. В сентябре 2016 года, во время саммита «Группы двадцати» в Ханчжоу, президент Си Цзиньпин и президент Обама совместно сдали на хранение тогдашнему генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну свои ратификационные грамоты по Парижскому соглашению[154]. Эта высокосимволическая согласованная акция создала образцовый прецедент во всем мире, значительно ускорив процесс ратификации соглашения. В конечном итоге Парижское соглашение вступило в силу 4 ноября 2016 года, установив рекорд по самой быстрой ратификации крупного международного договора.

Наличие фундаментальных причин и внутренней логики обеспечивает высокую степень устойчивости китайско-американского сотрудничества в

---

[154] Правительство Китайской Народной Республики. Китай и США совместно сдали на хранение документы о ратификации Парижского соглашения [Электронный ресурс] // – 2016. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-09/03/content_5105149.html (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 中华人民共和国政府. 中美元首共同交存巴黎协定批准文书.

области климата к колебаниям политической конъюнктуры в двусторонних отношениях. В 2017 году администрация Трампа объявила о выходе США из Парижского соглашения, нанеся значительный удар и внеся значительную неопределенность в процесс глобального управления климатом. На этом фоне Китай недвусмысленно подтвердил свою приверженность неуклонному выполнению своих климатических обязательств, поддержал авторитет и результаты реализации Парижского соглашения и проактивно взял на себя ведущую роль в глобальном управлении климатом. Эта позиция получила широкое признание и одобрение со стороны международного сообщества.

Примечательно, что, несмотря на регресс в климатической политике на федеральном уровне в США, китайско-американское сотрудничество в климатической сфере не полностью застопорилось. Показательным примером является штат Калифорния, занимающий в США лидирующие позиции в экономической сфере и в области охраны окружающей среды, который поддерживает прочные и многолетние связи с КНР. В рамках таких механизмов, как Совместная рабочая группа Китая и Калифорнии по чистой энергии и изменению климата, осуществляется активное взаимодействие по таким направлениям, как исследования и разработки в области чистых энергетических технологий и формирование углеродного рынка[155].

Наряду с этим на постоянной основе осуществляется технический обмен и кооперация между научными институтами, предприятиями и

---

[155] Китай продолжает содействовать глобальному управлению климатом и твердо выполняет обязательства по Парижскому соглашению / Министерство экологии и окружающей среды КНР [Электронный ресурс] // Министерство экологии и окружающей среды КНР. – 2017. – URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk2018/xxgk/xxgk01/201706/t20170603_411485.shtml (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 生态环境部中国坚持推动全球气候治理坚定履行巴黎协定承诺.

природоохранными организациями двух стран. Указанные процессы свидетельствуют, что в основе китайско-американского взаимодействия в климатической сфере лежат не столько факторы политической конъюнктуры, сколько объективные потребности обеих стран в экологической модернизации промышленности, разработке низкоуглеродных инноваций и освоении соответствующих рынков. Это составляет основную опору, на которой держится устойчивость их сотрудничества.

После вступления в должность администрации Байдена в 2021 году США официально вернулись в Парижское соглашение, что привело к быстрому возобновлению официального сотрудничества между Китаем и США в области климата. Во время 26-й Конференции Организации Объединенных Наций по изменению климата (COP26) в Глазго две страны совместно выпустили совместную декларацию об усилении действий по борьбе с изменением климата в 2020-х годах[156]. Эта линия была продолжена и подтверждена в ноябре 2023 года, когда в преддверии саммита АТЭС в Сан-Франциско состоялась встреча спецпосланников по климату Дж. Керри и Се Чжэньхуа в поместье Саннилендс (Калифорния). По её итогам было опубликовано «Солнечное заявление об укреплении сотрудничества в борьбе с климатическим кризисом» (Sunnylands Statement on Enhancing Cooperation to Address the Climate Crisis)[157]. В документе не только подтверждались

---

[156] U.S. Department of State. U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s [Электронный ресурс] / U.S. Department of State // U.S. Department of State : [official website]. – 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-china-joint-glasgow-declaration-on-enhancing-climate-action-in-the-2020s/ (дата обращения: 04.02.2026).

[157] Sunnylands Statement on Enhancing Cooperation to Address the Climate Crisis [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 2023. – URL:

обязательства, взятые в Глазго, но и намечались новые направления совместной работы, в частности, поддержка глобальной цели по утроению мощностей возобновляемой энергетики к 2030 году и распространение сотрудничества на все виды парниковых газов, а не только на CO^2.

Следовательно, принятие заявлений в Глазго и Саннилендсе на фоне общего ухудшения двусторонних отношений свидетельствует об особом статусе климатической повестки. Она продолжает выступать в качестве стабилизирующего фактора и относительно автономной сферы для диалога, сохраняя свою значимость даже в условиях обостряющейся стратегической конкуренции между двумя ведущими мировыми державами.

От потепления отношений в 2014 году и синергетических усилий, достигших пика в 2015 году, до их устойчивого продолжения после политических потрясений, сотрудничество Китая и США в области глобального климатического управления является чрезвычайно ценным положительным примером в отношениях между крупными державами в новую эпоху. Это сотрудничество не только принесло существенные результаты для глобального управления, но и позволило на практическом уровне изучить возможности и пути сотрудничества крупных держав в контексте стратегической конкуренции.

Сотрудничество КНР и США в сфере глобального общественного здравоохранения

---

https://www.state.gov/sunnylands-statement-on-enhancing-cooperation-to-address-the-climate-crisis/ (дата обращения: 26.02.2026).

Наряду со значительными результатами в области глобального управления климатом, взаимодействие Китая и США в сфере глобального здравоохранения является еще одним важным направлением, в рамках которого обе страны демонстрируют совместную ответственность. Начиная с 2013 г., на основе многолетнего опыта профессионального взаимодействия, КНР и США предприняли ряд совместных мер по реагированию на чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения и формированию глобальных систем профилактики эпидемий. Данные меры способствовали сохранению человеческих жизней и служат примером прагматического сотрудничества между ведущими державами в условиях стратегической конкуренции.

В 2014 г. страны Западной Африки (преимущественно Гвинея, Либерия, Сьерра-Леоне) столкнулись с крупнейшей в истории вспышкой лихорадки Эбола. Масштабы ее распространения, показатели смертности и социально-экономический ущерб для региона вызвали серьезную тревогу в мире относительно безопасности в сфере здравоохранения. Возникли опасения, что выход эпидемии из-под контроля может привести к гуманитарной катастрофе глобального масштаба. В этих критических условиях КНР и США, обладая уникальными логистическими возможностями, предприняли скоординированные действия, подтвердив свою ведущую роль в решении мировых проблем.

Соединенные Штаты инициировали гуманитарную операцию «Объединенная помощь» (United Assistance), в рамках которой Пентагон

направил в Либерию около 3000 военнослужащих. Их основной задачей было не оказание прямой медицинской помощи, а оперативное развертывание лечебных центров и полевых госпиталей с использованием военной инфраструктуры. Одновременно была создана логистическая сеть для транспортировки грузов. Параллельно Агентство США по международному развитию (USAID) выделило более 1,7 млрд долл., а Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC) направили в регион сотни экспертов для эпидемиологического надзора и обучения населения[158].

Китай также осуществил крупнейшую операцию по оказанию медицинской помощи за рубежом со времени основания Китайской Народной Республики. На сегодняшний день Китай направил в затронутые районы Западной Африки более 1200 человек из военных и гражданских медицинских бригад. Эти бригады не только принимали непосредственное участие в лечении пациентов, но и поделились бесценным опытом в области профилактики и борьбы с высоко заразными заболеваниями. В отличие от подхода США, который делает акцент на материально-технической поддержке, основная особенность помощи Китая заключается в предоставлении комплексных медицинских решений с помощью полностью боеспособных подразделений. Так, менее чем за месяц медицинский отряд Народно-освободительной армии Китая собственными силами развернул в столице Либерии, Монровии,

---

[158] The White House. Office of the Press Secretary. FACT SHEET: The U.S. Response to the Ebola Epidemic in West Africa [Электронный ресурс] / The White House, Office of the Press Secretary // Obama White House Archives : [official website]. – 2015. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/11/fact-sheet-us-response-ebola-epidemic-west-africa (дата обращения: 26.02.2026).

современный лечебный центр на 100 коек[159]. Кроме того, Китай предоставил пострадавшим регионам несколько мобильных лабораторий биобезопасности класса P3, что значительно повысило эффективность тестирования на вирус и подтверждения случаев заболевания на местном уровне. Общая стоимость помощи Китая превышает 750 миллионов юаней (около 120 миллионов долларов США) и включает в себя медицинские принадлежности, продукты питания, денежные пожертвования и другие виды помощи[160].

Хотя Китай и США не создали совместную медицинскую команду, их операции по оказанию помощи достигли высокоэффективного синергетического и взаимодополняющего эффекта. В штаб-квартире Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в Женеве делегации обеих стран поддерживали регулярную связь по вопросам стратегий оказания помощи, распределения средств и информации об эпидемии. Во время координационных совещаний в Монровии, столице Либерии, командиры на местах и представители органов здравоохранения Китая и США путем консультаций уточнили свои соответствующие зоны операций и приоритеты, что позволило эффективно предотвратить растрату ресурсов и операционную путаницу. Опытные клинические группы Китая и комплексная система логистической поддержки США совместно сформировали основные столпы международного сообщества в борьбе с Эболой, создав двухуровневую структуру сотрудничества. Эта параллельная модель лидерства эффективно

---

[159] China's anti-Ebola team in Liberia wins praise [Электронный ресурс] // Gov.cn. – 2014. – URL: https://www.gov.cn. (Дата обращения: 27.02.2026).

[160] Full text of China's policy paper on the US [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2021. – URL: https://www.xinhuanet.com/english/2021-01/20/c_139672965.htm. (Дата обращения: 27.02.2026).

стабилизировала ситуацию в затронутых районах, обеспечив время, необходимое для окончательного сдерживания вспышки. Данный случай получил международное признание как пример успешного сотрудничества великих держав в преодолении глобального кризиса здравоохранения. Эффективная координация действий КНР и США объяснялась не случайным стечением обстоятельств, а опиралась на длительный опыт взаимодействия двух стран в области общественного здравоохранения. Это сотрудничество было подкреплено более чем тридцатилетним тесным взаимодействием между китайским и американским Центрами по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Эти прочные и стабильные профессиональные связи стали основой сотрудничества между Китаем и США в сфере общественного здравоохранения.

С 1980-х годов Центры по контролю и профилактике заболеваний США (CDC) начали оказывать помощь в создании современной системы общественного здравоохранения в Китае, наиболее символичным инструментом сотрудничества в этом направлении стала «Американо-китайская программа обучения полевой эпидемиологии» (FETP). Благодаря технической поддержке экспертов CDC в рамках этой программы в Китае были подготовлены тысячи полевых эпидемиологов, которые приобрели навыки проведения полевых расследований вспышек заболеваний, анализа данных и принятия решений на основе фактических данных. Эти специалисты постепенно стали основной опорой системы контроля заболеваний в Китае[161].

---

[161] Feng, Z. The establishment and development of China Field Epidemiology Training Program / Z. Feng, et al. // Chinese School of Traditional Chinese Medicine. – 2010. – Vol. 31, № 9. – P. 969–972.

Офис CDC США в Пекине стал постоянным центром связи для сотрудничества в области общественного здравоохранения между двумя странами, обеспечивая институциональные гарантии для ежедневных консультаций и обмена данными между экспертами в области надзора за гриппом, профилактики и контроля ВИЧ/СПИДа, а также исследований новых инфекционных заболеваний. Это укрепило основу для двустороннего профессионального сотрудничества. Значимость институционального сотрудничества КНР и США в сфере здравоохранения проявилась в ходе реакции на вспышку птичьего гриппа H7N9 в 2013 г. Весной того года в восточных регионах Китая были зафиксированы первые случаи заражения человека этим вирусом. Опираясь на национальную сеть эпиднадзора, китайские ученые оперативно идентифицировали и секвенировали геном нового вируса. По каналам ВОЗ эти данные были переданы международным партнерам, включая американские Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC). Такая открытость позволила CDC в короткие сроки разработать диагностический набор для H7N9, который затем был направлен в лаборатории всех штатов, что способствовало укреплению системы раннего предупреждения в США[162]. Одновременно китайские и американские ученые вели совместные исследования путей передачи вируса, его патогенеза и разработки вакцин. Успешное взаимодействие в борьбе с H7N9 свидетельствует о способности профессиональных сообществ двух стран к сотрудничеству, основанному на

[162] Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний. Обзор сотрудничества между Китаем и США в рамках Программы подготовки специалистов в области полевой эпидемиологии (FETP) [Электронный ресурс] // Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний.–2024.– URL: https://www.chinacdc.cn/qqgw/hzhb/202407/t20240722_286038.html (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 中国疾病预防控制中心中美现场流行病学培训项目（FETP）合作概况.

приоритете науки и общих интересов здравоохранения, даже при наличии политических разногласий.

Важным направлением взаимодействия Китая и США является поддержка глобального режима нераспространения ядерного оружия.

На Китае и США как на постоянных членах СБ ООН и ключевых элементах глобальной архитектуры безопасности лежит особая ответственность за укрепление режима нераспространения. Несмотря на расхождения по ряду вопросов, обе стороны демонстрируют консенсус в отношении фундаментальной задачи — предотвращения распространения ядерного оружия и технологий. С 2013 г. это общее понимание стало находить отражение в координации политических шагов. В частности, при урегулировании иранской и северокорейской ядерных проблем взаимодействие Пекина и Вашингтона играло решающую роль. Сложность и неоднозначность результатов этого процесса, тем не менее, подтвердили как необходимость, так и возможность стратегической координации между державами.

Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по иранской ядерной программе считается одним из важнейших достижений многосторонней дипломатии XXI в. и показательным примером американо-китайского сотрудничества. В ходе переговоров в формате «P5+1» (Китай, США, Россия, Великобритания, Франция, Германия) Пекин и Вашингтон, тесно координируя позиции, смогли прийти к соглашению, которое способствовало деэскалации

кризиса. В то время продолжающееся развитие ядерной программы Ирана привело Ближний Восток на грань войны. США и их союзники оказали давление на Иран с помощью беспрецедентно жестких санкций, а Израиль неоднократно угрожал нанести «упреждающие» военные удары по иранским ядерным объектам. Мирное урегулирование этого кризиса дипломатическими средствами стало серьезным вызовом для международного сообщества. На протяжении всего процесса переговоров по иранской ядерной программе Китай и США играли разные, но одинаково важные роли.

Администрация Обамы уделила приоритетное внимание мирному урегулированию иранской ядерной проблемы в качестве основной дипломатической задачи, выделив на эти цели значительные политические ресурсы. Глобальная сеть санкций, которую она возглавила, послужила основным катализатором, заставившим Иран вернуться за стол переговоров и серьезно заняться консультациями. Одновременно, посредством тайных двусторонних контактов с Ираном, таких как многократные раунды секретных переговоров, прошедших в Омане, США устранили многочисленные препятствия в многосторонних переговорах, продемонстрировав свою политическую решимость продвигать урегулирование[163].

Опираясь на свое давнее и прочное экономическое и торговое сотрудничество с Ираном (Китай является крупнейшим импортером нефти и торговым партнером Ирана) и используя свои тесные каналы связи с западным миром, Китай взял на себя незаменимую роль коммуникационного центра и

[163] Burns, W. J. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal [Электронный ресурс] / W. J. Burns // New York: Random House. – 2019. – URL: https://www.randomhousebooks.com/books/596485/the-back-channel-by-w-j-burns/ (Дата обращения: 27.02.2026).

посредника в укреплении доверия между США и Ираном. Посредством челночной дипломатии Китай транслировал Ирану озабоченность мирового сообщества, одновременно доводя до сведения США законные требования иранской стороны. Он последовательно отстаивал позицию «содействия диалогу и примирению» для продвижения политического урегулирования кризиса. Еще более важно то, что Китай сыграл конструктивную роль в устранении основных технических препятствий на пути переговоров. Одним из центральных камней преткновения в переговорах по иранской ядерной программе был вопрос об утилизации иранского реактора на тяжелой воде в Араке, отработанное топливо которого могло быть использовано для извлечения плутония оружейного качества. Запад изначально предложил план полного демонтажа, которому Иран решительно противостоял, что привело к тупику в переговорах. На этом фоне Китай предложил инновационное техническое решение: совместную китайско-американскую инициативу, согласованную с другими членами «шестерки», по модернизации реактора в Араке. Замена его активной зоны на топливо с низким содержанием урана позволила бы существенно сократить производство плутония и сделать его непригодным для военных целей[164]. Это «китайское предложение», которое учитывало основные опасения всех сторон, в конечном итоге было включено в приложение к соглашению и стало ключевым прорывом, позволившим выйти из тупика в переговорах.

14 июля 2015 г. в Вене по итогам продолжительных переговоров Иран и

[164] Joint Comprehensive Plan of Action. Annex I - Nuclear-related commitments Renewal [Электронный ресурс] // The European Union. – 2015. – URL: https://undocs.org/en/docs/securitycouncil/reports/2015/sc_7217.htm. (Дата обращения: 27.02.2026).

группа «шестерки» международных посредников (пять постоянных членов СБ ООН и Германия) достигли соглашения по Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД). Соглашение основано на основном принципе «ограничения в обмен на облегчение»: Обязательства Ирана включали введение долгосрочных ограничений ядерной программы (сокращение числа центрифуг, снижение уровня обогащения урана) и согласие на беспрецедентно строгий режим инспекций МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии). В ответ на это международное сообщество снимает с Ирана экономические и финансовые санкции. Заключение этого соглашения было широко воспринято международным сообществом как значительная победа многостороннего подхода. Модель сотрудничества, продемонстрированная Китаем и США, при которой первый взял на себя роль посредника и координатора, предоставив важные технические решения, а второй возглавил процесс оказания давления и ведения переговоров, стала важной опорой для реализации соглашения.

По сравнению с высокой степенью координации и достижениями в области сотрудничества по иранской ядерной проблеме, модель взаимодействия между Китаем и США по северокорейской ядерной проблеме является более сложной и демонстрирует нормализованную характеристику «сосуществования сотрудничества и конкуренции, переплетения консенсуса и разногласий». Тем не менее, обе страны поддерживают необходимую стратегическую коммуникацию и координацию политики на основе общей цели обеспечения денуклеаризации Корейского полуострова и предотвращения полной утраты контроля над ситуацией. Сотрудничество в рамках Совета

Безопасности Организации Объединенных Наций является важным «предохранительным клапаном» для управления кризисами на полуострове.

И Китай, и США являются участниками шестисторонних переговоров и публично заявили о своей приверженности достижению цели полной, поддающейся проверке и необратимой денуклеаризации Корейского полуострова. Ни одна из стран не согласна с тем, чтобы Северная Корея стала де-факто ядерной державой. Основной платформой для координации действий двух стран по ядерной проблеме КНДР выступает Совет Безопасности ООН.

С 2013 года в ответ на постоянные ядерные испытания Северной Кореи (проведенные в 2013 году, дважды в 2016 году и снова в 2017 году) и запуски ракет Китай и США сотрудничают в рамках Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, чтобы продвинуть серию резолюций о санкциях против Северной Кореи, которые называются «самыми жесткими за всю историю». Это является явным сигналом двустороннего сотрудничества. Например, После четвертого ядерного испытания Северной Кореи в январе 2016 года Китай и США провели почти два месяца интенсивных консультаций, прежде чем в марте того же года совместно проголосовали за резолюцию 2270 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Эта резолюция впервые ввела квоты на экспорт северокорейских минералов, включая уголь и железную руду, а также обязала все государства-члены проводить обязательные инспекции всех грузов, ввозимых в Северную Корею или вывозимых из нее[165]. После шестого и самого мощного ядерного испытания Северной Кореи в

[165] United Nations Security Council. Resolution 2270 (2016) [Электронный ресурс] // United Nations Security Council. – New York: United Nations. – 2016. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2270(2016). (Дата обращения: 27.02.2026).

сентябре 2017 года Китай и США вновь продемонстрировали свою способность координировать действия в критические моменты, совместно содействуя быстрому принятию резолюции 2375 Совета Безопасности ООН. Эта резолюция наложила беспрецедентно строгие ограничения на импорт нефти в Северную Корею и полностью запретила экспорт текстильной продукции из этой страны с целью перекрыть основные каналы финансирования ядерной и ракетной программ Пхеньяна[166].

Принятие данной резолюции свидетельствует, что, вопреки стратегическим разногласиям, Китай и США сохраняют способность согласовывать санкционные меры в ответ на действия Пхеньяна, транслируя ему единую позицию. В отношении ключевого вопроса безопасности, связанного с поддержанием глобального режима нераспространения ядерного оружия, с 2013 года масштабы и глубина сотрудничества между Китаем и США вышли на новый уровень. В отношении иранской ядерной проблемы две страны продемонстрировали образцовое совместное лидерство, успешно разрядив региональный ядерный кризис благодаря взаимодополняющим ролям. Что касается более сложного вопроса о ядерной программе Северной Кореи, то, несмотря на значительные расхождения в своих стратегических подходах, обе страны поддерживают базовое сотрудничество в рамках Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Это сотрудничество позволило оказать совместное давление на ядерные и ракетные авантюры Пхеньяна, эффективно предотвратив полную утрату контроля над ситуацией. Эти два важных примера

[166] United Nations Security Council. Resolution 2375 (2017) [Электронный ресурс] // United Nations Security Council. – New York: United Nations. – 2017. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2375(2017). (Дата обращения: 27.02.2026).

демонстрируют, что в сфере глобального управления безопасностью сотрудничество между Китаем и США является не просто одним из вариантов, а важнейшей опорой для поддержания стратегической стабильности во всем мире.

2.3. Сотрудничество между Китаем и США в экономической, торговой и финансовой сферах

Экономическое, торговое и финансовое сотрудничество на этом этапе не было основано на идеалистическом сотрудничестве, основанном на общих ценностях, а скорее коренилось в прагматичной необходимости «разделять радости и печали» после глобального финансового кризиса 2008 года. Оно представляло собой осторожную координацию политики, осуществляемую обеими странами в рамках глубокой взаимозависимости, направленную на обеспечение глобальной экономической стабильности и продвижение своих национальных интересов. Благодаря регулярному функционированию механизмов диалога на высоком уровне и стратегическим компромиссам по ключевым вопросам Китай и США совместно придали важнейшие стабилизирующие силы мировой экономике после финансового кризиса, характеризующейся повышенной неопределенностью.

Институционализированные каналы коммуникации: от саммита G20 до стратегического и экономического диалога (S&ED)

На данном этапе координация макроэкономической политики между Китаем и США основывается на эффективном функционировании ряда институционализированных платформ для общения. Среди них саммит «Группы двадцати» является многосторонним координационным форумом самого высокого уровня, а китайско-американский стратегический и экономический диалог (S&ED) стал наиболее значимым двусторонним механизмом экономического управления в мире.

Являясь основной платформой для глобального экономического управления, G20 постепенно сместила акцент своей деятельности с «реагирования на кризис» на «долгосрочное управление» в посткризисный период. В этих рамках координация политики между Китаем и США – двумя крупнейшими экономиками мира – имеет решающее значение для определения повестки дня глобального экономического управления. Используя такие механизмы, как встречи министров финансов и управляющих центральными банками стран «Группы двадцати» и саммиты лидеров, две страны ведут политический диалог по ключевым вопросам, включая предотвращение глобальных экономических рисков, противодействие торговому протекционизму и продвижение структурных реформ. В 2016 году Китай председательствовал в G20 и принимал саммит в Ханчжоу, установив тему «Построение инновационной, динамичной, взаимосвязанной и инклюзивной мировой экономики». Это поставило такие темы, как «инновационные модели роста» и «структурные реформы», в центр глобальной повестки дня. Достижение этого результата было неотделимо от тесной

координации политики между Китаем и США[167]. Обе страны совместно призвали всех членов G20 взять на себя обязательство «использовать все политические инструменты, включая денежно-кредитные, фискальные и структурные реформы», для решения проблемы замедления роста мировой экономики, что позволило эффективно укрепить доверие рынка.

По сравнению с механизмом «Группы двадцати», китайско-американский стратегический и экономический диалог (S&ED) функционирует на более глубоком уровне координации и затрагивает более конкретные вопросы. Возникнув на основе китайско-американского стратегического экономического диалога, установленного во время администрации Джорджа Буша-младшего, S&ED расширился при администрации Обамы до комплексной диалоговой платформы, охватывающей как стратегические, так и экономические вопросы. С 2009 по 2016 год этот механизм диалога ежегодно чередовался между двумя столицами, достигнув беспрецедентного масштаба участия, широты вовлеченных ведомств и глубины охвата повестки дня. Сопредседателями экономического направления были вице-премьер Китая и министр финансов США, в нем участвовали представители десятков ведомств, включая министерства финансов, центральные банки, финансовые регуляторы, министерства торговли и энергетики[168].

Основная ценность S&ED заключается не только в достигнутых ощутимых

---

[167] G20 Leaders' Communiqué Hangzhou Summit [Электронный ресурс] // G20. – 2016. – URL: https://g20.org/en/press-releases/g20-leaders-communiqué-hangzhou-summit-2016/. (Дата обращения: 27.02.2026).

[168] Средне-американский стратегический и экономический диалог [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2016. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/usa_655763/zyhd_655765/ (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中美战略与经济对话.

результатах сотрудничества, но, что более важно, в институционализированной эффективности самого процесса диалога. Этот механизм способствует ежегодному согласованию и координации политики между обширными бюрократическими системами двух стран, позволяя проводить углубленные дискуссии по ряду сложных и деликатных вопросов. К ним относятся экономическая трансформация Китая и «новая норма», нормализация денежно-кредитной политики США, механизмы формирования обменного курса, переговоры по двустороннему инвестиционному договору (BIT), либерализация финансового рынка и кибербезопасность[169]. Такие высокочастотные институционализированные обмены играют три важнейшие роли.

Во-первых, это укрепляет доверие и развеивает сомнения. Китай смог систематически объяснить США свой подход к экономическим реформам и стоящие перед ним вызовы, а США, в свою очередь, смогли разъяснить Китаю глобальные экономические соображения, лежащие в основе корректировок своей денежно-кредитной политики. Это эффективно снизило риск стратегических просчетов, возникающих в результате информационной асимметрии.

Во-вторых, урегулирование разногласий. Этот механизм служит «клапаном сброса давления» для урегулирования торговых трений, позволяя обсуждать и вести переговоры по таким деликатным вопросам, как права интеллектуальной собственности и избыточные производственные мощности,

---

[169] Ibid.

на техническом уровне, тем самым предотвращая их быструю эскалацию в политическую конфронтацию.

В-третьих, содействие сотрудничеству. В рамках СЭС было инициировано и продвинуто множество конкретных совместных проектов.

Среди многочисленных результатов китайско-американского экономического диалога самым символичным и значимым, несомненно, стало окончательное одобрение США включения юаня в валютную корзину специальных прав заимствования (SDR) Международного валютного фонда (IMF)[170].

В течение значительного периода времени продвижение интернационализации юаня и повышение его статуса в глобальной финансовой системе являлось важной стратегической целью Китая. Включение юаня в корзину специальных прав заимствования (SDR) рассматривается как официальное признание его статуса резервной валюты. Для продвижения этой инициативы необходимо заручиться поддержкой США, крупнейшего акционера МВФ[171]. Первоначально США заняли сдержанную позицию по этому вопросу, установив довольно строгие критерии оценки. Помимо того, что страна-эмитент должна была занимать значительное положение в международной торговле, требовалось также, чтобы валюта обладала свойством «свободного использования», то есть широко применялась и использовалась в международных финансовых сделках при достаточно

---

[170] Народный банк Китая. Ответы на вопросы журналистов о включении юаня в корзину специальных прав заимствования (СДР) [Электронный ресурс] // Народный банк Китая. – 2015. – URL: http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/3175637/index.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中国人民银行关于人民币纳入特别提款权（SDR）货币篮子的答记者问.

[171] Ibid.

открытых финансовых рынках.

Чтобы соответствовать вышеупомянутым критериям, в 2014–2015 годах Китай ускорил темпы реформ и открытости в финансовом секторе. Соответствующие реформы в значительной степени учитывали озабоченность, высказанную США в рамках таких каналов, как Стратегический и экономический диалог[172]. Среди мероприятий этой сферы отметим следующие:

Реформа механизма формирования обменного курса: 11 августа 2015 года Народный банк Китая инициировал реформу механизма котировки центрального паритетного курса юаня, усилив его рыночную ориентацию и статус эталона[173].

Либерализация финансового рынка: Китай постепенно открыл свои межбанковские рынки облигаций и валюты для зарубежных центральных банков, суверенных фондов благосостояния и других учреждений, одобрив вход на китайский рынок множества иностранных организаций.

Повышение прозрачности данных: Китай принял Специальный стандарт распространения данных (SDDS) МВФ, обязавшись публиковать более подробные макроэкономические данные в соответствии с международными нормами.

Столкнувшись с существенными реформами Китая, администрация Обамы в конечном итоге заняла прагматичную позицию сотрудничества. США признали, что отказ от включения юаня в SDR может подтолкнуть Китай к ускорению создания параллельной финансовой системы, независимой от

---

[172] Ibid.
[173] Ibid.

существующей. И наоборот, принятие юаня позволит более глубоко интегрировать Китай в Бреттон-Вудскую систему, возглавляемую США, что даст возможность продолжать стимулировать последующие финансовые реформы в Китае.

30 ноября 2015 года Исполнительный совет IMF официально одобрил включение юаня в корзину валют SDR с 1 октября 2016 года с весом 10,92%. Это делает его третьей по величине валютой в корзине после доллара США и евро и превосходит японскую иену и фунт стерлингов[174]. Это решение является как формальным признанием экономического масштаба Китая и достижений в области интернационализации юаня, так и типичным примером стратегического взаимодействия и прагматичного компромисса между Китаем и США в сфере глобального финансового управления. Это означает признание США растущего влияния Китая в глобальной финансовой сфере, а также демонстрирует готовность Китая взять на себя более значимую роль в рамках существующих международных правил.

Таким образом, с 2013 года до прихода к власти администрации Трампа координация и сотрудничество между Китаем и США в экономической, торговой и финансовой сферах демонстрировали как подлинность, так и эффективность. В основе этого лежала логика, заключавшаяся в том, что две экономики развивали глубоко взаимозависимые отношения, характеризующиеся взаимным процветанием и взаимным ущербом.

---

[174] International Monetary Fund. Press Release No 15/540: IMF Executive Board Completes Review of SDR Basket, Includes Chinese Renminbi [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. – 2015. – URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/11/30/PR15540-IMF-Executive-Board-Completes-Review-of-SDR-Basket-Includes-Chinese-Renminbi (Дата обращения: 27.02.2026).

Китаю необходимы стабильная внешняя среда и открытые мировые рынки для продвижения своей экономической трансформации, в то время как Соединенные Штаты нуждаются в том, чтобы Китай продолжал выступать в качестве глобального двигателя экономического роста, и полагаются на значительные запасы китайских казначейских облигаций для поддержания финансовой стабильности. Сотрудничество в таких областях, как механизмы диалога, например Стратегический и экономический диалог (S&ED), и включение юаня в корзину специальных прав заимствования (SDR), являются наглядными проявлениями этой внутренней логики.

Урегулирование китайско-американских торговых противоречий

При анализе практического аспекта китайско-американского сотрудничества с 2013 года подписание Первого этапа экономического и торгового соглашения между Китаем и США (далее именуемого «Соглашение») представляет собой типичный пример, который является одновременно парадоксальным и значимым. Соглашение было заключено на фоне самых масштабных и далеко идущих торговых трений со времени установления дипломатических отношений между двумя странами, и его само по себе заключение стало прямым результатом экономической и торговой конфронтации. Однако с точки зрения управления конфликтами и поддержания отношений, переговоры и реализация Соглашения представляют собой именно ту важнейшую практику сотрудничества, с помощью которой крупные державы

в эпоху конкуренции устанавливают «границы ограничения убытков» и создают «якоря стабильности» для двусторонних экономических и торговых отношений, которые рискуют выйти из-под контроля. Этот случай ясно показывает, что даже на фоне низкого уровня стратегического взаимного доверия реальность глубокой экономической взаимозависимости между двумя странами все же может подтолкнуть обе стороны к возвращению за стол переговоров. Там можно будет искать компромиссные решения, которые, хотя и не идеальные, позволят избежать самых крайних последствий.

Чтобы понять кооперативный характер соглашения, необходимо сначала осознать суровые реалии, которые предшествовали его заключению. Начиная с 2018 года, администрация Трампа, действуя на основании результатов расследования по статье 301, ввела беспрецедентные тарифные санкции на китайские товары, экспортируемые в США. Менее чем за два года США ввели пошлины в размере от 7,5% до 25% на китайские товары, экспортируемые в Америку, на сумму около 370 миллиардов долларов США. Китай ответил взаимными контрмерами, введя пошлины на американские товары на сумму около 110 миллиардов долларов США[175]. Этот обостряющийся торговый спор имеет последствия, выходящие далеко за рамки тарифов. Нарушая глобальные цепочки поставок, подрывая доверие участников рынка и потребителей и усиливая политическую неопределенность, он оказал значительное негативное влияние как на китайскую и американскую экономику, так и на мировую экономику в целом.

---

[175] Bown, C P. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide / C. P. Bown, M Kolb. – Washington: Peterson Institute for International Economics, 2021.

Что касается США, то хотя первоначальной целью было сокращение торгового дефицита с Китаем и стимулирование возвращения производств, многочисленные исследования показывают, что расходы, связанные с введением пошлин, в основном легли на американских импортеров и потребителей. Сельскохозяйственные штаты США серьезно пострадали от ответных мер Китая, в результате чего экспорт таких сельскохозяйственных продуктов, как соя и свинина, резко сократился. Это вынудило правительство США ввести политику субсидирования сельского хозяйства на сумму в сотни миллиардов долларов, чтобы облегчить положение фермеров.

Для Китая, являющегося мировым центром производства, торговые трения нанесли прямой удар по его экспортно-ориентированной экономике. В таких отраслях, как электроника, машиностроение и текстильная промышленность, которые особенно зависимы от экспорта в США, многие предприятия столкнулись с сокращением заказов, снижением прибыли и операционными трудностями, что оказало значительное давление на внутренний рынок труда.

Именно на фоне «взаимно гарантированных экономических потерь» (Mutually Assured Economic Pain) лица, принимающие решения, с обеих сторон признают, что неограниченная конфронтация неизбежно приведет к результату, при котором все стороны окажутся в проигрыше. Администрации Трампа, стремившейся к переизбранию, требовалось представить избирателям, особенно в сельскохозяйственных штатах, ощутимые «достижения». Китайскому правительству, столкнувшемуся с экономическими трудностями, необходимо было стабилизировать основы внешней торговли, чтобы

обеспечить время и пространство для реструктуризации внутренней экономики. Эта общая необходимость предотвратить наихудший сценарий является наиболее фундаментальным и мощным внутренним стимулом для обеих сторон, чтобы отложить в сторону свои разногласия и вернуться за стол переговоров. Проведение более десяти раундов высокоуровневых экономических и торговых консультаций представляет собой интенсивные совместные усилия, направленные на то, чтобы затормозить экономические отношения, которые вышли из-под контроля.

15 января 2020 года в Вашингтоне было официально подписано первое соглашение о торговле и экономике между Китаем и США. Это соглашение, состоящее из 96 страниц, по сути, представляет собой типичный реалистичный обмен интересами и компромисс. Он не затрагивал наиболее фундаментальные структурные противоречия между двумя странами (такие как промышленные субсидии и роль государственных предприятий), а вместо этого предпочел «срывать низко висящие плоды». Установив четкие, поддающиеся количественной оценке цели, он определил важную «точку остановки потерь» для быстро ухудшающихся двусторонних экономических и торговых отношений.

Кооперативный характер Соглашения наиболее ярко отражен в его основных положениях.

1. Количественные обязательства по закупкам. Основные количественные показатели соглашения предусматривают, что Китай обязуется закупить дополнительные американские товары и услуги на общую сумму не менее 200

млрд долларов США в течение двухлетнего периода с 2020 по 2021 год, исходя из базового уровня 2017 года. Эта сумма включает 77,7 млрд долларов США на промышленные товары, 32 млрд долларов США на сельскохозяйственную продукцию, 52,4 млрд долларов США на энергетическую продукцию и 37,9 млрд долларов США на услуги[176]. Эта договоренность точно отвечает требованиям американской стороны, в частности, требованиям основной электоральной базы администрации Трампа, и служит прямым ответным шагом на согласие Вашингтона приостановить и частично отменить существующие тарифы. С точки зрения сотрудничества, она представляет собой стратегический компромисс, заключающийся в «обмене доступа к рынку на время и закупок на стабильность». Благодаря существенным обязательствам по закупкам Китай обеспечил «перемирие» в торговой войне, создав тем самым возможность для стабилизации макроэкономической ситуации в целом. Однако последующая реализация данного пункта столкнулась с фундаментальными вызовами, главным из которых стал экзогенный шок пандемии COVID-19. Глобальные сбои в цепочках поставок, логистические коллапсы и резкое падение спроса, вызванные пандемией, сделали выполнение столь амбициозных закупочных планов в установленные сроки объективно невозможным. Как следствие, по истечении двухлетнего периода фактические объемы закупок Китаем американских товаров и услуг существенно отстали от целевых показателей, что стало предметом критики с американской стороны и

---

[176] Economic and Trade Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Government of the United States of America, Government of the People's Republic of China. – 2020. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения: 12.06.2024).

продемонстрировало уязвимость подобных транзакционных договоренностей перед лицом системных глобальных кризисов.

2. Предварительные обязательства по структурным реформам. Помимо обязательств в области закупок, Соглашение включает в себя обещания Китая по структурным реформам в таких областях, как права интеллектуальной собственности, передача технологий, доступ к рынку финансовых услуг и сельскохозяйственный карантин. Например, в отношении интеллектуальной собственности Китай обязуется усилить защиту патентов, товарных знаков и авторских прав, одновременно борясь с контрафактными и некачественными товарами на платформах электронной коммерции. В сфере финансовых услуг он обещает дальнейшее открытие рынка для американских банковских, страховых, ценных бумаг и платежных учреждений. Хотя такие обязательства в значительной степени соответствуют установленному Китаем курсу на реформы и открытость, их формализация посредством юридических соглашений дает США основу для мониторинга и проверки, что составляет существенные элементы сотрудничества.

3. Договоренность о «перемирии» в отношении тарифов. В ответ США обязались отменить новый раунд тарифов, который первоначально должен был вступить в силу в декабре 2019 года, и снизить тарифную ставку на китайские товары на сумму около 120 млрд долларов с 15% до 7,5%[177]. Хотя большинство существующих тарифов остаются в силе, этот шаг разрывает порочный круг, когда тарифы только повышаются и никогда не снижаются. Это первый случай

---

[177] Ibid.

«деэскалации» тарифных мер со стороны США с начала торговой войны, что является важным сигналом о «сокращении убытков»[178].

Наиболее недооцененным, но с точки зрения сотрудничества наиболее далекоидущим положением Соглашения является институциональная основа для «двусторонней оценки и урегулирования споров», изложенная в главе VII. В этой главе устанавливается многоуровневый оперативный механизм коммуникации и урегулирования споров, призванный направлять будущие трения в управляемое русло, тем самым служа «стабилизирующим якорем» для экономических и торговых отношений.

Основная конструкция этого механизма в первую очередь включает в себя следующие аспекты.

Во-первых, упорядоченные каналы коммуникации. Соглашение прямо предусматривает, что обе стороны будут проводить периодические консультации по макроэкономическим и торговым вопросам под руководством назначенных высокопоставленных должностных лиц (первоначально – торгового представителя США и вице-премьера Государственного совета Китая). Данная договоренность, по сути, заменяет собой прекращенный Стратегический и экономический диалог (S&ED), сохраняя канал связи между экономическими ведомствами двух стран даже в условиях политического обострения.

Во-вторых, соглашение предусматривает многоуровневый процесс разрешения споров. При возникновении разногласий сторона может

---

178 Ibid.

инициировать консультации на рабочем уровне. В случае их неудачи вопрос передается на более высокий уровень — вплоть до высших должностных лиц. Процедура имеет строгие временные рамки, что препятствует затягиванию споров.

В-третьих, подход к урегулированию, основанный на консультациях. В отличие от модели судебного разбирательства Всемирной торговой организации (ВТО), этот механизм делает акцент на урегулировании споров посредством «двусторонних консультаций» в качестве основного принципа. Конечной целью является не наложение штрафных санкций, а «достижение взаимоприемлемого решения». Только в случае, если все консультации оказались безрезультатными, сторона, подавшая жалобу, может принять соразмерные односторонние меры по исправлению ситуации (такие как восстановление дополнительных тарифов), при этом сторона, против которой подана жалоба, обязуется не принимать ответных мер в ответ на такие меры[179].

Изобретательность этого механизма заключается в признании того факта, что политическое доверие между Китаем и США остается недостаточным для решения глубоко укоренившихся структурных противоречий. Он отказывается от традиционной модели нейтрального арбитража третьей стороной и вместо этого устанавливает высоко политизированный консультативный механизм, основанный на реалиях власти. Его основная логика заключается в «управлении различиями, а не их устранении». Для обеих сторон был создан «клапан сброса давления» и консультационная платформа, позволяющие

---

[179] Ibid.

устранять потенциальные конфликты из сферы публичных дискуссий и тарифных противостояний и переносить их в закрытую, профессиональную и основанную на правилах переговорную плоскость. Хотя функционирование этого механизма было нарушено пандемией COVID-19 и продолжающимся ухудшением двусторонних отношений, само его существование является институциональным сдерживающим фактором для идеи полного «разъединения».

Хотя функционирование этого механизма в его первоначальном виде было серьезно нарушено пандемией COVID-19 и последующей деградацией двусторонних политических отношений, само его существование как институционального прецедента заложило основу для будущих взаимодействий. Его концептуальное наследие можно отчетливо проследить в возобновлении каналов диалога на высоком уровне в 2023-2024 годах. Пришедшая к власти администрация Байдена, сохранив тарифную структуру, сместила акцент с прямого торгового противостояния на управление долгосрочной стратегической конкуренцией. В этом новом контексте созданные в 2023 году экономические и финансовые рабочие группы под руководством министра финансов США Дж. Йеллен и вице-премьера Госсовета КНР Хэ Лифэна, по сути, выполняют аналогичную функцию «стабилизирующего якоря»[180]. Они

---

[180] Правительства США и КНР. Экономическое и торговое соглашение между правительством Соединенных Штатов Америки и правительством Китайской Народной Республики от 15 января 2020 г. [Электронный ресурс] // Правительства США и КНР. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения: 23.05.2024).
(на кит. яз.) 中华人民共和国政府和美利坚合众国政府经济贸易协议.
Министерство финансов КНР. Китай и США договорились о создании рабочей группы по экономическим вопросам от 22 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство финансов КНР. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0923/c31516-20077051.html (дата обращения: 23.05.2024).(на кит. яз.) 中美双方商定成立经济领域工作组.

служат платформой для регулярного, профессионального обсуждения разногласий и управления рисками, что является прямым продолжением логики, заложенной в VII главе Соглашения: предотвращение неконтролируемой эскалации через институционализированный диалог[181].

Первая фаза экономического и торгового соглашения между Китаем и США не является образцовой моделью сотрудничества. Рожденное экономическим и торговым конфликтом, оно носит ярко выраженный транзакционный характер, а его фактическая реализация не оправдала ожиданий (по оценкам Института международной экономики Петерсона и других учреждений, фактический объем закупок Китая значительно отстает от установленных целевых показателей[182]). Однако для оценки его исторической значимости необходимо рассматривать его в более широком контексте стремительного ухудшения китайско-американских отношений в тот период. С этой точки зрения, заключение Соглашения представляет собой важнейший, но хрупкий, хотя и незаменимый шаг в направлении прагматичного сотрудничества.

Анализ реализацию Соглашения по состоянию на 2025 год, можно утверждать, что ценность Соглашения заключается не столько в его конкретных, ныне истекших, статьях о закупках, сколько в его долгосрочном

Информационное агентство «Синьхуа». Вице-премьер Госсовета КНР Хэ Лифэн провел многораундовые переговоры с министром финансов США Дж. Йеллен от 10 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа». – 2023. – URL: http://russian.news.cn/20231110/f0bca7b12d7c493c834a719921443422/c.html (дата обращения: 23.05.2024).(на кит. яз.) 国务院副总理何立峰同美国财政部长耶伦举行多轮会谈.

[181] Ibid.

[182] Bown, C. P. US-China Phase One Tracker: China's Purchases of US Goods [Электронный ресурс] / C. P. Bown // Peterson Institute for International Economics. – 2022. – URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods. (Дата обращения: 27.02.2026).

влиянии как прецедента по управлению конфликтами. Во-первых, оно продемонстрировало, что даже в условиях острейшего соперничества существует порог «взаимно гарантированных экономических потерь», который вынуждает обе стороны искать пути для деэскалации. Данный опыт сохраняет свою актуальность на современном этапе, для которого характерны технологическая конкуренция и политика «снижения рисков» (de-risking). Кроме того, институциональные элементы Соглашения, в частности механизм урегулирования споров, послужили моделью для новых каналов коммуникации, созданных в 2023–2024 гг. с целью поддержания стабильности в двусторонних отношениях.

Следовательно, Соглашение 2020 г. следует рассматривать не как конечный результат, а как первую в новую эпоху конкуренции попытку определить нижнюю границу в отношениях и создать стабилизирующие механизмы («guardrails»). Оно ознаменовало переход от парадигмы всеобъемлющего сотрудничества к более прагматичной задаче совместного управления рисками. В этом отношении, несмотря на имеющиеся недостатки, Соглашение демонстрирует, как в условиях непреодолимых структурных противоречий прагматичное сотрудничество, основанное на логике минимизации ущерба и управления рисками, может обеспечивать устойчивость китайско-американских отношений. Данный подход, как представляется, будет и в дальнейшем оказывать влияние на экономическое взаимодействие КНР и США в период до 2025 г. и в последующие годы.

2.4. Сотрудничество Китая и США в области управления рисками в сфере военной безопасности: создание и практика «двух механизмов взаимного доверия»

В отношениях между крупными державами военные связи традиционно являются наиболее чувствительной сферой. С 2013 г. военное взаимодействие КНР и США осуществлялось в условиях регулярных «тесных контактов». Ускоренная модернизация ВМС и ВВС НОАК и расширение радиуса их действия вступили в противоречие с практикой США по обеспечению свободы судоходства и ведению разведывательных операций вблизи китайских границ. Это обусловило частые инциденты с участием военных кораблей и самолетов обеих стран в таких регионах, как Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря. Вследствие этого создание институциональных механизмов по предотвращению кризисов стало необходимым условием для поддержания региональной стабильности.

5 декабря 2013 г. в Южно-Китайском море произошло опасное сближение ракетного крейсера ВМС США «Коупенс» (USS Cowpens) и китайского десантного корабля, сопровождавшего авианосную группу «Ляонин». Дистанция между кораблями сократилась до 500 метров, что вынудило американский крейсер совершить экстренный маневр во избежание столкновения[183]. Данный инцидент рассматривается как характерный пример рисков военного противостояния КНР и США. Он актуализирует проблему,

---

[183] Martin D. U.S., Chinese warships have close call in South China Sea [Электронный ресурс] / D. Martin // CBS News. – 2013. – URL: https://www.cbsnews.com/news/us-chinese-warships-have-close-call-in-south-china-sea-12-13-2013/. (Дата обращения: 27.03.2025).

заключающуюся в том, что при отсутствии общепринятых правил поведения и эффективных каналов связи решения, принимаемые командирами на местах, сопряжены с риском ошибочных оценок, способных спровоцировать вооруженный конфликт. Частое повторение подобных инцидентов заставило как Китай, так и США признать, что полагаться исключительно на неписаные конвенции о морском судоходстве больше недостаточно для решения проблем, возникающих в связи с меняющейся динамикой столкновений на море и в воздухе. Существует острая необходимость в принятии более четких мер по укреплению доверия на более высоком уровне.

После нескольких раундов сложных переговоров и консультаций в 2014 году Китай и США достигли значительного прорыва в создании механизмов укрепления доверия в военной сфере. В ноябре того же года, во время визита президента Обамы в Китай и его участия в неформальной встрече лидеров стран АТЭС в Пекине, министерства обороны двух стран официально подписали Меморандум о взаимопонимании по созданию механизма взаимного уведомления и мер укрепления доверия в отношении крупных военных операций (Memorandum of Understanding on the Notification of Major Military Activities Confidence-Building Measures Mechanism) и Меморандум о взаимопонимании по вопросам безопасности при встречах в воздушном и морском пространстве (Memorandum of Understanding on the Rules of Behavior for Safety of Air and Maritime Encounters)[184]. Создание этих «двух механизмов взаимного доверия» представляет собой наиболее значительное

[184] China, U.S. sign key military-to-military MOUs [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2014. – URL: https://www.xinhuanet.com/english/2014-11/12/c_133841310.htm. (Дата обращения: 27.02.2025).

институциональное достижение в истории двусторонних военных отношений со времени установления дипломатических связей между Китаем и США, имеющее глубокие и далеко идущие последствия.

1. Меморандум о взаимопонимании по уведомлению о крупных военных мероприятиях Механизм мер укрепления доверия.

Данный меморандум направлен на повышение транспарентности военной деятельности обеих стран на стратегическом уровне с целью снижения напряженности и минимизации риска ошибочных оценок при крупномасштабном развертывании вооруженных сил. В соответствии с его условиями, стороны осуществляют взаимное уведомление о ключевых военных операциях, включая масштабные учения и запуски баллистических ракет. Являясь классической мерой укрепления доверия (CBM), он преследует цель предотвращения неверной интерпретации плановых военных действий как враждебных. Например, предварительное уведомление по данному каналу о проведении Китаем межрегиональных учений или о маневрах ударной группы ВМС США с участием нескольких авианосцев в районе Гуама позволяет снизить обеспокоенность другой стороны в сфере безопасности.

2. Меморандум о правилах поведения для безопасности воздушных и морских встреч.

В отличие от механизма уведомлений, ориентированного на стратегический уровень, данный кодекс сфокусирован на тактическом взаимодействии, что определяет его непосредственную практическую значимость. Меморандум устанавливает для передовых подразделений ВМС и

ВВС обеих стран регламент безопасного и профессионального взаимодействия в международном водном и воздушном пространстве. Он затрагивает такие аспекты, как соблюдение безопасной дистанции, использование стандартной радиокоммуникационной терминологии и предотвращение провокационных маневров, например, наведение радиолокационных систем управления огнем или имитация атак.

Особую значимость имеет возможность адаптации и дополнения данных правил. Так, в 2015 году стороны добавили к меморандуму приложение «О безопасности воздушных встреч», установив детализированные протоколы для сценариев сближения военной авиации[185]. Данное дополнение стало ответом на практическую потребность, обусловленную частыми контактами между разведывательной авиацией США и китайскими самолетами-перехватчиками над акваторией Южно-Китайского моря. Таким образом, этот свод правил устанавливает базовые рамки поведения в условиях стратегического соперничества, призванные предотвратить его эскалацию в прямую конфронтацию.

Функциональное значение «двух механизмов взаимного доверия» находит свое выражение в работе прямой телефонной линии между оборонными ведомствами (DDTL). Данная линия связи, учрежденная в 2008 году, после 2013 года выступает ключевым инструментом для имплементации указанных механизмов и осуществления кризисных коммуникаций. При возникновении

---

[185] Garamone, J. U.S., China Agree to Rules for Air-to-Air Encounters [Электронный ресурс] / J. Garamone // U.S. Department of Defense : [official website]. – 2015. – URL: https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/617843/us-china-agree-to-rules-for-air-to-air-encounters/ (дата обращения: 12.06.2024).

опасных инцидентов с участием военных кораблей и самолетов или при резком обострении региональной напряженности главы оборонных ведомств могут использовать данный канал для прояснения намерений и деэскалации.

Вместе с тем, функционирование указанных механизмов сопряжено с внутренними противоречиями. Американская сторона трактует их как «технические, неполитические» инструменты, призванные гарантировать открытость каналов связи для предотвращения перерастания тактических инцидентов в стратегический конфликт. Китайская же сторона рассматривает военные коммуникации как элемент более широкого контекста политических отношений. В ситуациях, когда действия США по вопросам Тайваня или Южно-Китайского моря воспринимаются Пекином как провокационные, он может прибегать к приостановке диалога в качестве политического сигнала для демонстрации своего несогласия[186].

Несмотря на указанные концептуальные расхождения, до 2020 года стороны в целом сохраняли функционирование каналов связи. Однако в последующий период система подверглась серьезным испытаниям. Поворотным моментом, который привел к их разрыву, стал визит спикера Палаты представителей США Н. Пелоси на Тайвань в августе 2022 года, в ответ на который Пекин приостановил действие ряда ключевых механизмов военного диалога, включая консультации по оборонной политике и координацию на уровне военных округов[187].

---

[186] Cordesman, A. H. Chinese Crisis Management and U.S.-China Relations / A. H. Cordesman, J. Kendall. – Center for Strategic and International Studies, 2016.

[187] Foreign Ministry Spokesperson Announces Countermeasures in Response to U.S. House Speaker Pelosi's Visit to Taiwan [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/202208/t20220805_10735433.html (дата

Тем не менее, осознание рисков неконтролируемой эскалации способствовало возобновлению диалога. По итогам встречи лидеров двух стран, Дж. Байдена и Си Цзиньпина, в ноябре 2023 года штат Калифорния достиг соглашения о восстановлении коммуникационных каналов между высшим военным руководством[188]. Конкретное воплощение этого решения проявилось в ходе переговоров, состоявшиеся в декабре 2023 года переговоры по видеосвязи между председателем Объединенного комитета начальников штабов США генералом Ч. Брауном и его китайским коллегой Лю Чжэньли[189], а также возобновление в январе 2024 года американо-китайских консультаций по координации оборонной политики (DPCT) после двухлетнего перерыва[190].

Даже в периоды обострения двусторонних отношений, например, после арбитражного решения по Южно-Китайскому морю и на протяжении всей торговой войны, высокопоставленные военные чиновники продолжали взаимодействовать посредством видеоконференций, консультаций по вопросам обороны и других форматов. Период почти полного замораживания контактов в 2022–2023 гг. и их последующее восстановление лишь подтверждают общее понимание высшего руководства: в ядерную эпоху разрыв всех каналов для прояснения намерений и управления кризисами на фоне интенсивного

обращения: 26.02.2026).

[188] Readout of President Joe Biden’s Meeting with President Xi Jinping of the People’s Republic of China [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/15/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china-2/ (дата обращения: 26.02.2026).

[189] Readout of Chairman of the Joint Chiefs of Staff Gen. CQ Brown, Jr.'s Video Teleconference With PLA Chief of the Joint Staff Department Gen. Liu Zhenli [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3625034/readout-of-chairman-of-the-joint-chiefs-of-staff-gen-cq-brown-jrs-video-telec/ (дата обращения: 26.02.2026).

[190] Readout of the 17th U.S.-PRC Defense Policy Coordination Talks [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2024. – URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3641212/readout-of-the-17th-us-prc-defense-policy-coordination-talks/ (дата обращения:26.02.2026).

противостояния великих держав представляет собой наиболее опасный сценарий.

Создание и внедрение «двух механизмов взаимного доверия» представляют собой весьма прагматичный и ключевой компонент китайско-американского сотрудничества с 2013 года. Их основная цель заключается не в устранении конкуренции или укреплении взаимного доверия, а в управлении конкуренцией и предотвращении крайних последствий, возникающих из-за отсутствия взаимного доверия. Данный формат сотрудничества в сфере безопасности, предполагающий достижение базовых договоренностей, выступает ключевым стабилизирующим фактором, позволяющим поддерживать стабильность и не допускать полного разрыва отношений между ведущими державами в условиях конкуренции.

2.5. Сотрудничество КНР и США в гуманитарной сфере

В ноябре 2014 г. в ходе саммита АТЭС в Пекине КНР и США объявили о достижении договоренности по упрощению визового режима. Соглашение предусматривало возможность выдачи многократных деловых и туристических виз сроком до десяти лет, а также студенческих виз сроком до пяти лет[191]. Хотя эта политика может показаться лишь технической корректировкой, ее далеко идущие последствия нельзя переоценить, поскольку она существенно повышает удобство и предсказуемость межличностных контактов между двумя странами.

---

[191] Fact Sheet: U.S.-China Visa Validity Arrangement [Электронный ресурс] // The White House. Office of the Press Secretary. –2014. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/10/fact-sheet-us-china-visa-validity-arrangement. (Дата обращения: 21.04.2024).

Прежний порядок получения виз для граждан КНР, планирующих поездки в США, характеризовался усложненной процедурой: разрешения на въезд, как правило, имели годичный срок действия. Необходимость их частого продления создавала фактор неопределенности и выступала сдерживающим фактором для деловых, частных и туристических поездок. Введение десятилетних многократных виз существенно упростило данный процесс, что привело к быстрой и заметной интенсификации двусторонних обменов.

Во-первых, это способствовало росту деловой активности. Для предпринимателей, инженеров и инвесторов устранение визовых ограничений обеспечило возможность более гибкого планирования командировок для проведения переговоров, участия в выставках или управления проектами, что привело к повышению интенсивности и эффективности коммерческих связей.

Во-вторых, наблюдался значительный рост в сфере туризма и частных визитов. Данная политика стимулировала увеличение туристических потоков, сделав поездки в США более доступными для миллионов представителей китайского среднего класса и способствуя развитию индивидуального туризма. Семьи, чьи дети учатся или работают в Америке, теперь могут посещать их в любое время, что укрепляет семейные узы как никогда раньше.

В-третьих, двусторонние потоки персонала продолжают процветать. Это взаимное соглашение также облегчило поездки в Китай для американских граждан. Статистика показывает, что после введения этой политики двусторонние кадровые обмены резко возросли: с примерно 4,3 миллиона посещений в 2013 году (до введения этой политики) этот показатель достиг

пика в более чем 5 миллионов в 2016 году во время «Года туризма Китай-США»[192]. Этот масштабный и частый обмен людьми является самым прямым каналом для взаимопонимания и эмоциональной связи, который не может быть заменен официальной пропагандой.

Реализация и эффективность десятилетней визовой политики были бы невозможны без мощного импульса, данного на высшем уровне. В течение этого периода китайско-американские консультации высокого уровня по вопросам межчеловеческих и культурных обменов (CPE) сыграли ключевую роль в качестве «главного инкубатора». Этот механизм, сопредседателями которого являются вице-премьер Государственного совета Китая и государственный секретарь США, является одной из трех основных платформ для диалога между Китаем и США. В его рамках обсуждаются семь ключевых областей: образование, наука и технологии, культура, спорт, женщины и молодежь. В этой структуре две страны подписали сотни соглашений о сотрудничестве, что способствовало реализации тысяч конкретных совместных проектов. Эти инициативы принимают различные формы, в том числе китайско-американский конкурс молодых изобретателей, программа Фулбрайта, а также взаимные визиты и выступления различных художественных коллективов[193].

---

[192] Отчет о результатах Китайско-американского года туризма 2016: число взаимных поездок превысило 5 миллионов [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. – 2016. – URL: http://www.mct.gov.cn/zyhb/2016zyhb/201603/t20160318_736522.htm (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 2016 中美旅游年成果报告中美人员往来突破 500 万人次.

[193] Сборник официальных результатов и соглашений о сотрудничестве в рамках Китайско-американской консультации на высоком уровне по гуманитарным обменам (CPE) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/usa_655763/ryjl_655769/ (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中美人文交流高层磋商（CPE）官方成果与合作协议汇编.

2016 год, объявленный Годом туризма Китай - США, стал ярким примером процветающих культурных обменов в этот период. Две страны совместно организовали более ста мероприятий по продвижению туризма и культурному обмену. Крупные китайские города последовательно запускали рекламные ролики о туризме на таких американских достопримечательностях, как Таймс-сквер в Нью-Йорке, а Национальная администрация туризма США впервые запустила свой официальный веб-сайт на китайском языке. В том году число китайских туристов, посетивших США, приблизилось к 3 миллионам, что принесло стране более 33 миллиардов долларов США экономической выгоды[194], благодаря чему Китай стал одним из важнейших зарубежных туристических рынков для США. Эти путешественники были не только ключевыми потребителями, но и мобильными культурными послами, лично знакомясь с аутентичными аспектами американского общества и культуры и передавая многогранный и многосторонний образ Китая американской публике, с которой они сталкивались.

Образовательный обмен

Среди различных форм культурного обмена образовательный обмен, в частности обучение китайских студентов в США, является наиболее устойчивой и глубоко влиятельной основой взаимоотношений. С 2013 года Китай неизменно занимает первое место по количеству иностранных студентов

[194] International Visitation to the United States Report [Электронный ресурс] // International Trade Administration : [official website]. – 2017. – URL: https://www.trade.gov/data-visualization/2017-visitation-data (дата обращения: 12.06.2024).

в США. Согласно отчету «Открытые двери» Института международного образования (IIE), в 2019/2020 учебном году почти 373 000 китайских студентов были зачислены в высшие учебные заведения США, что составляет более трети от общего числа иностранных студентов в США[195].

Эта значительная волна обучения за рубежом имела множество глубоких последствий.

Китайские студенты ежегодно приносят американской экономике более 15 миллиардов долларов США (включая плату за обучение, расходы на проживание и т. д.), обеспечивая жизненно важную финансовую поддержку системе высшего образования США и создавая значительные возможности для трудоустройства на местном уровне[196]. Большое количество выдающихся китайских студентов (особенно в области STEM) привнесло богатые интеллектуальные ресурсы в американские исследовательские институты и высокотехнологичные отрасли, став важной силой для инноваций и развития[197].

Еще более важно то, что сотни тысяч китайских молодых людей, получивших образование в США, представляют собой группу, которая в будущем, скорее всего, будет лучше всего понимать Америку и эффективно общаться с американским обществом. Они являются как потенциальными строителями и стабилизаторами китайско-американских отношений, так и самой глубокой эмоциональной и когнитивной связью между двумя

---

[195] Open Doors Report on International Educational Exchange [Электронный ресурс] // Institute of International Education Open Doors : [official website]. – 2020. – URL: https://opendoorsdata.org/annual-release/2020-fast-facts/ (дата обращения: 12.06.2024).

[196] Zhang, L. Chinese STEM Graduates in the U.S. High-Tech Sector: Labor Market and Innovation Outcomes / L. Zhang, M. Li // International Migration Review. - 2022. - Vol. 56, N 2. - C. 412-440.

[197] Ibid.

обществами.

Помимо вышеупомянутых рамок обмена в сфере образования, Институты Конфуция (ИК) представляют собой гораздо более обширную и спорную форму сотрудничества. Являясь флагманской инициативой Китая по продвижению китайского языка и культуры во всем мире, создание Институтов Конфуция в Соединенных Штатах достигло своего пика после 2013 года[198]. Их модель сотрудничества обычно предполагает, что штаб-квартира Института Конфуция (孔子学院), подведомственная Министерству образования Китая, предоставляет финансирование, учебные материалы и персонал для создания совместных программ с американскими университетами. На пике своего развития в США было открыто наибольшее количество институтов Конфуция в мире: более 100 высших учебных заведений создали такие институты, а около 500 начальных и средних школ открыли классы Конфуция[199].

С точки зрения сотрудничества, создание институтов Конфуция соответствует растущему спросу на изучение китайского языка в американском обществе с начала XXI века. Эти институты предоставляют американским студентам доступные и недорогие возможности для изучения китайского языка, а также организуют различные культурные мероприятия, такие как ярмарки в честь Весеннего фестиваля и конкурсы каллиграфии. В определенной степени они служат мостами для культурного обмена.

Сеть сотрудничества между высшими учебными заведениями и

---

198 Ibid.
199 Ibid.

аналитическими центрами

Выходя за рамки преподавания языка и культурных мероприятий, китайско-американское сотрудничество в интеллектуальной сфере достигло беспрецедентной глубины. Главным образом оно находило отражение во взаимодействии между ведущими университетами и влиятельными аналитическими центрами.

В этот период, при активном участии и содействии с китайской стороны, ведущие университеты двух стран совместно учредили множество исследовательских центров и образовательных программ высокого уровня. Например, Университет Цинхуа в сотрудничестве с Вашингтонским университетом и корпорацией Microsoft создал в Сиэтле Глобальный институт инноваций (GIX), специализирующийся на технологических инновациях и подготовке междисциплинарных кадров. Совместный институт Шанхайского университета транспорта и Мичиганского университета (UM-SJTU Joint Institute) стал образцом сотрудничества в области инженерного образования[200].

Более знаковыми стали элитные стипендиальные программы, учрежденные в ведущих университетах Китая на средства американских филантропов, которые получили полную поддержку и предполагали глубокую вовлеченность китайских учебных заведений. Запущенная в 2013 году программа «Стипендиаты Шварцмана» (Schwarzman Scholars) в Университете Цинхуа, основанная на крупное пожертвование председателя Черстоун Групп

[200] Schwarzman Scholars Launched at Tsinghua University / Tsinghua University // Tsinghua News. – 2013. – URL: https://www.tsinghua.edu.cn/en/info/1175/3925.htm (дата обращения: 12.06.2024).

(Blackstone Group) Стивена Шварцмана (Stephen A. Schwarzman), была создана по образцу стипендии Родса. Её цель – ежегодный отбор выдающихся молодых людей со всего мира для годичного обучения в магистратуре Университета Цинхуа с целью подготовки будущих мировых лидеров, понимающих Китай[201]. Аналогичным проектом является Яньцзинская академия (Yenching Academy) при Пекинском университете. Эти проекты в значительной степени способствовали глубокому познанию Китая будущей мировой элитой.

В то время как официальный диалог по «первому треку» часто прерывался из-за политических разногласий, «дипломатия второго трека», ведомая аналитическими центрами обеих стран, играла незаменимую роль в поддержании коммуникации и выработке рекомендаций. В этих диалогах, как правило, участвовали бывшие высокопоставленные чиновники и опытные ученые, что создавало более откровенную атмосферу для обсуждения перспективных вопросов. Например, китайские организации, такие как Китайский (Хайнаньский) институт реформ и развития (CIRD) и Китайский центр международных экономических обменов (CCIEE), активно выстраивали и поддерживали долгосрочные диалоговые механизмы с Брукингским институтом в Вашингтоне, публикуя совместные исследовательские доклады по вопросам глобального экономического управления и китайско-американских торгово-экономических отношений. В то же время китайское экспертное сообщество также действовало инициативно: такие структуры, как Китайский фонд международных и стратегических исследований (CIISS), наладили

---

[201] Ibid.

регулярные обмены мнениями по вопросам безопасности с американскими партнерами, в частности с Центром стратегических и международных исследований (CSIS). Основные функции этих диалогов по «второму треку» заключались в предоставлении новых идей и альтернативных вариантов для официальной политики, разъяснении стратегических намерений в неофициальной обстановке для снижения риска неверной оценки и поддержании непрерывной связи в кругу ключевых экспертов при нарушении официальных каналов. Они формировали в китайско-американских отношениях своего рода интеллектуально гибкий «амортизирующий слой».

Однако после 2020 года эта сфера сотрудничества столкнулась с системными вызовами, обусловленными как пандемией COVID-19, так и резкой эскалацией геополитической напряженности. Новых крупномасштабных совместных программ в академической сфере и на уровне аналитических центров практически не создавалось; более того, под угрозой оказалось функционирование уже существующих проектов.

Во-первых, политика «академического размежевания» (academic decoupling), проводимая в США, привела к усилению контроля над совместными исследовательскими проектами и создала атмосферу подозрительности в отношении ученых китайского происхождения, что негативно сказалось на научном обмене[202]. Одним из наиболее показательных примеров стало напряженное обсуждение вопроса о продлении

[202] Zhang, T. U.S.-China Scholarly Decoupling: The View from China / T. Zhang [Электронный ресурс] // The Wilson Quarterly. – 2023. – URL: https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/the-china-challenge/u-s-china-scholarly-decoupling-the-view-from-china (дата обращения: 27.02.2026).

американо-китайского Соглашения о научно-техническом сотрудничестве (Science and Technology Agreement, STA) в 2023 году. Вместо стандартного пятилетнего продления оно было продлено лишь на короткий срок, что отражает глубокий кризис доверия в данной области[203].

Во-вторых, функционирование элитных образовательных программ, таких как «Стипендиаты Шварцмана» (Schwarzman Scholars) и «Яньцзинская академия» (Yenching Academy), хотя и сохранило относительную стабильность за счет значительного финансирования и организационной поддержки, претерпело существенные коррективы. В постпандемийный период, несмотря на возврат к очному формату, процесс набора американских студентов осложнился вследствие политической напряженности и сокращения числа американцев, изучающих китайский язык.

Наконец, трансформировалась и повестка диалогов по «второму треку». Если до 2020 г. их основной целью являлась выработка рекомендаций по углублению сотрудничества, то в последующий период на первый план вышли задачи по управлению рисками и предотвращению неконтролируемой эскалации, прежде всего в контексте тайваньской проблемы. Таким образом, «интеллектуальный амортизирующий слой» в китайско-американских отношениях не только прекратил расширяться, но и подвергся истончению и эрозии, что привело к функциональному смещению его акцента с повестки развития на антикризисное управление.

---

[203] Mallapaty, S. US and China quietly extend science pact, leaving researchers in limbo [Электронный ресурс] / S. Mallapaty // Nature. – 2024. – Vol. 627. – P. 251. – URL: https://www.nature.com/articles/d41586-024-00562-y (дата обращения: 27.02.2026).

Аспекты регионального сотрудничества

В периоды обострения политических противоречий на федеральном уровне взаимодействие между провинциями КНР и штатами США сохраняет устойчивость, выступая стабилизирующим фактором в двусторонних отношениях. Примером может служить Китайско-американский форум губернаторов — механизм, предоставляющий региональным лидерам платформу для концентрации на прагматическом сотрудничестве вне зависимости от разногласий на высшем уровне.

Характерным примером является Калифорния, ведущий по экономическим показателям штат США, который поддерживает интенсивное взаимодействие с Китаем в сферах торговли, чистой энергетики и климата. Вопреки решению администрации Д. Трампа о выходе из Парижского соглашения, губернатор Калифорнии Дж. Браун инициировал активизацию сотрудничества с КНР в климатической области. Так, в ходе визитов в Китай им был подписан Меморандум о взаимопонимании по вопросам изменения климата и чистой энергии с Министерством науки и технологий КНР[204].

Штатом также установлены партнерские отношения в сфере экологии с рядом провинций и муниципалитетов Китая, нацеленные на совместную разработку и внедрение технологий в области электротранспорта и возобновляемых источников энергии[205]. Эта форма субнациональной

---

[204] Governor Brown Signs New Agreements with China’s President, Top Climate Officials and Provincial Leaders to Expand Clean Technology [Электронный ресурс] // Office of Governor Edmund G. Brown Jr. – 2017. – URL: https://www.gov.ca.gov/2017/06/07/news20004/ (дата обращения: 21.05.2024).

[205] Ibid.

дипломатии на местном уровне эффективно уравновешивает враждебную политику на федеральном уровне, поддерживая устойчивость сотрудничества в критически важных секторах.

Выводы

Анализ китайско-американского взаимодействия в период с 2013 по 2024 г. свидетельствует о фундаментальной трансформации парадигмы двусторонних отношений на фоне снижения уровня политического доверия и институционализации стратегического соперничества. Если в начале рассматриваемого периода (2013–2017 гг.) сотрудничество выступало в качестве конструктивного элемента, способного уравновесить конкуренцию, то к 2024 г. оно приобрело фрагментарный и тактический характер, будучи подчиненным логике управления рисками, а не построения партнерства.

При рассмотрении в более широкой хронологической перспективе становится очевидно, что примеры успешного взаимодействия, особенно после 2020 г., имели все менее устойчивый характер. Это было обусловлено политическими процессами в обеих странах. В частности, политика США эволюционировала от торговой войны, инициированной администрацией Д. Трампа, к парадигме «инвестировать, объединяться, конкурировать» (invest, align, compete) администрации Дж. Байдена. Законодательные акты, такие как «Закон о чипах и науке» (CHIPS and Science Act, 2022)[206] и «Закон о снижении

[206] CHIPS and Science Act of 2022, Pub. L. 117-167 [Электронный ресурс] // U.S. Congress. – 2022. – URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (дата обращения: : 23.05.2024).

инфляции» (Inflation Reduction Act, 2022)[207], были направлены не просто на тарифное давление, а на долгосрочное ограничение технологического развития Китая и перестройку глобальных цепочек поставок в критически важных отраслях. Это фундаментально изменило условия для экономического сотрудничества, сместив акцент с взаимной выгоды на обеспечение национальной безопасности.

В свою очередь, в Китае была принята ответная стратегия, направленная на укрепление экономической и технологической устойчивости. В 14-м пятилетнем плане (2021–2025 гг.) была подчеркнута значимость концепции «двойной циркуляции» (双循环) и достижения технологической самодостаточности[208]. Принятие «Закона КНР о противодействии иностранным санкциям» (2021 г.)[209] сформировало правовую базу для ответных мер, институционализировав таким образом конфронтационную логику. В результате обе стороны создали внутренние нормативные и стратегические рамки, которые объективно сужали пространство для сотрудничества и повышали издержки взаимодействия.

Тем не менее, необходимость предотвращения прямого конфликта и управления рисками глобального масштаба обусловила поддержание диалога

---

[207] Inflation Reduction Act of 2022, Pub. L. 117-169 [Электронный ресурс] // U.S. Congress. –2022. – URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text (дата обращения: : 23.05.2024).

[208] Информационное агентство «Синьхуа». Основные положения 14-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития и перспективных целей на 2035 год Китайской Народной Республики от 13 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа». – 2021. – URL: http://russian.news.cn/2021-03/13/c_139806935.htm (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要.

[209] Всекитайское собрание народных представителей. Закон Китайской Народной Республики о противодействии иностранным санкциям от 10 июня 2021 г. [Электронный ресурс] // Всекитайское собрание народных представителей. – 2021. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/202106/10/content_2272223.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 中华人民共和国反外国制裁法.

между сторонами. Взаимодействие после 2022 г., включая встречи лидеров на саммитах G20 на Бали (2022 г.)[210] и в Сан-Франциско (2023 г.)[211], а также возобновление работы экономических и финансовых групп, демонстрирует изменение функции сотрудничества. Оно трансформировалось из инструмента сближения в механизм деэскалации и установления «страховочных барьеров» (guardrails). Задача контактов заключалась не в достижении субстантивных договоренностей, а в определении минимального уровня стабильности («дна») в отношениях и обеспечении предсказуемости в условиях обостряющейся конкуренции.

Таким образом, опыт китайско-американских отношений в период 2013–2025 гг. представляет собой прецедент для анализа новой модели взаимодействия крупных держав, которая характеризуется доминированием долгосрочной конкуренции при сохранении селективного сотрудничества. В соответствии с китайской внешнеполитической логикой, находящей частичное подтверждение в действиях обеих сторон, рациональный путь заключается не столько в поиске и расширении сфер общих интересов, сколько в совместном управлении разногласиями и предотвращении эскалации посредством институциональных каналов. Сотрудничество из цели превратилось в инструмент управления рисками в условиях, когда логика игры с нулевой суммой в стратегических областях уже стала доминирующей, но ее

---

[210] Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с президентом США Джо Байденом на Бали от 14 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202211/t20221114_10974737.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 国家主席习近平同美国总统拜登在巴厘岛举行会晤.

[211] Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу на высшем уровне с президентом США Джо Байденом в Сан-Франциско от 16 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202311/t20231116_11181283.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 国家主席习近平在美国旧金山同美国总统拜登举行中美元首会晤.

распространение на все сферы двусторонних отношений грозит катастрофическими последствиями для обеих держав и мира в целом.

Глава III. Области соперничества Китая и США в период председательства Си Цзиньпина (с 2013 г. до 2025 г.)

3.1. Доктринальные основы исследования китайско-американского соперничества: китайский подход

Китайско-американские отношения, будучи наиболее важными и сложными двусторонними отношениями в современном мире, своей эволюцией оказывают глубокое влияние на траекторию развития глобального стратегического ландшафта. После вступления во второе десятилетие XXI века в доминирующем нарративе китайско-американских отношений произошел фундаментальный сдвиг: от модели, основанной на вовлечении и сотрудничестве, к модели, ядром которой стала стратегическая конкуренция. Движущая сила этого сдвига, с точки зрения стратегического видения Китая, была обусловлена не стремлением Пекина к конфронтации, а стала неизбежной реакцией на системный и наступательный поворот в политике США по отношению к КНР. Стратегия «возвращения в Азию» (Pivot to Asia) администрации Обамы уже содержала в себе признаки сдерживания Китая[212], однако приход к власти администрации Трампа ознаменовал резкий поворотный момент. Политический истеблишмент в Вашингтоне начал систематически пересматривать проводившуюся десятилетиями «политику вовлечения», квалифицируя ее как «провальную», и вместо этого четко определил Китай как главного «стратегического конкурента» и

[212] President Obama to the Australian Parliament [Электронный ресурс] // The White House Archives. – 2011. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament (дата обращения: 19.10.2023).

«ревизионистскую державу»[213]. Столкнувшись со столь серьезным изменением внешней среды, Китай был вынужден выработать новую доктринальную основу для осмысления природы конкуренции, определения своих коренных интересов и руководства своими стратегическими действиями в неблагоприятных условиях.

Ключевые доктринальные принципы китайской политики в отношении китайско-американского соперничества:

1. Принцип исторической оценки эпохи: признание «глубочайших перемен, невиданных за столетие» как объективного фона соперничества, обусловленного перераспределением сил в мире.

2. Принцип комплексной национальной безопасности: приоритет политической безопасности, защита суверенитета, социального строя и «красных линий» национальных интересов.

3. Принцип активной борьбы: сочетание смелости противостоять давлению и стратегического умения вести взаимодействие с США, отказ от безоговорочных уступок.

4. Принцип защиты права на развитие: приоритет сохранения возможностей экономического, технологического и социального прогресса как ядра соперничества.

5. Принцип борьбы за дискурсивную власть: продвижение альтернативной западной модели глобального управления и суверенного выбора пути развития.

6. Принцип оборонительной стратегии: отсутствие инициативной

---

[213] National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // The White House. – 2017 – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

конфронтации, реакция на сдерживающую политику США с целью сохранения многополярного мирового порядка.

Данная доктринальная основа не является единым документом, а находит свое отражение в серии важных выступлений высшего руководителя Китая Си Цзиньпина, ключевых резолюциях Коммунистической партии Китая и официальных «белых книгах», опубликованных государством. Среди них стратегическая оценка эпохи как «глубочайших перемен, невиданных за столетие», системное построение «концепции комплексной национальной безопасности», стратегическое продвижение «духа борьбы» и «мышление с позиции «красных линий»», ориентированное на защиту коренных интересов, совместно формируют теоретический фундамент для ответа Китая на китайско-американскую конкуренцию в новую эпоху.

Во-первых, это фундаментальная оценка особенностей эпохи – «мир переживает глубочайшие перемены, невиданные за столетие». Ключевое содержание этого тезиса заключается в тенденции к перераспределению сил по формуле «Восток поднимается, Запад приходит в упадок», а также в вызываемой этим стратегической тревоге и давлении со стороны державы-гегемона по отношению к восходящей державе. Согласно этой оценке, глобальный финансовый кризис 2008 года стал катализатором этих «перемен», обнажив внутренние пороки западной неолиберальной модели, в то время как Китай и другие страны с формирующимся рынком продемонстрировали большую устойчивость и динамизм развития. На этом фоне относительная мощь и влияние Соединенных Штатов как доминирующей силы в глобальной

системе начали снижаться, в то время как влияние Китая в таких областях, как объем экономики, технологические инновации и глобальное управление, стремительно росло.

С этой точки зрения, изменение политики США в отношении Китая – от торговых войн и технологической блокады до идеологических атак – перестает быть чередой изолированных и случайных событий, а предстает как системные действия по сдерживанию, предпринимаемые гегемоном для сохранения своего доминирующего положения и замедления процесса перераспределения сил. Определение Китая США как «стратегического конкурента номер один» по своей сути проистекает из «тревоги гегемона» (Hegemonic Anxiety). Таким образом, конкуренция между Китаем и США является не результатом инициативного вызова Китаем существующего порядка, а стратегической игрой, навязанной Китаю Соединенными Штатами в их стремлении сохранить свою однополярную гегемонию и нежелании принять тенденцию к многополярности мира[214]. Эта макрооценка заложила фундаментальную когнитивную основу для признания Китаем долгосрочного, сложного и неизбежного характера стратегической конкуренции с США.

Во-вторых, это системная перестройка концепции национальной безопасности – выдвижение и реализация «концепции комплексной национальной безопасности». Столкнувшись с всесторонним и межотраслевым стратегическим давлением со стороны США, Китай осознал, что традиционного взгляда на безопасность, в центре которого находилась военная

[214] Ван, Ц. Заговор против Китая? Как Пекин видит новую стратегию Вашингтона / Ван Цзисы // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 4. (на кит. яз.) 王缉思. 针对中国的阴谋？北京如何看待华盛顿的新战略 // 外交事务.

безопасность, уже недостаточно для ответа на вызовы новой эпохи. В апреле 2014 года Председатель Си Цзиньпин впервые выдвинул «концепцию комплексной национальной безопасности»[215]. Революционный характер данной концепции заключается в том, что она формирует «большую систему безопасности», охватывающую более десяти областей, включая политическую безопасность, территориальную безопасность, военную, экономическую, культурную, социальную, технологическую, кибербезопасность и другие.

В этой системе политической безопасности отводится первостепенное и фундаментальное значение. Суть политической безопасности заключается в защите руководящей роли Коммунистической партии Китая и социалистического строя с китайской спецификой. Это является прямым ответом на идеологическое наступление США, определяющее китайско-американское соперничество как борьбу между «демократией и авторитаризмом». Когда США придают конкуренции характер «борьбы систем», любые внешние попытки, направленные на подрыв политического строя Китая, рассматриваются как прямая угроза его важнейшим национальным интересам. Поэтому нападки американской стороны по вопросам, связанным с Гонконгом, Синьцзяном, Тайванем и правами человека, с точки зрения Китая, являются не просто политическими разногласиями, а стратегическими провокациями, затрагивающими «красную черту» политической безопасности. Это объясняет, почему реакция Китая на эти

---

[215] Си Цзиньпин: Придерживаться общей концепции национальной безопасности и идти по пути национальной безопасности с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального народного правительства КНР. – 2014. – URL: http://www.gov.cn/ldhd/2014-04/15/content_2656885.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平坚持总体国家安全观走中国特色国家安全道路.

вопросы гораздо более жесткая и бескомпромиссная, чем в случае торгово-экономических трений. «Концепция комплексной национальной безопасности» предоставила Китаю теоретическую призму для выявления многообразных и межотраслевых угроз со стороны США и утвердила принцип «политическая безопасность превыше всего» в качестве основного ориентира для реагирования.

В-третьих, это четкое продвижение определенного образа действий – «развивать дух борьбы и укреплять умение вести борьбу». Перед лицом политики максимального давления со стороны США китайское руководство трезво осознало, что одними лишь уступками и компромиссами невозможно заслужить уважение, и тем более сдержать наступательную позицию оппонента. В связи с этим «борьба» была поднята на беспрецедентный стратегический уровень и стала ключевой методологией, направляющей практику отношений с США. Председатель Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал: «Мы должны развивать дух борьбы и укреплять умение вести борьбу»[216].

Понятие «борьба» здесь подразумевает не инициацию военных конфликтов или всеобъемлющей конфронтации, а активную, принципиальную и инициативную позицию в стратегическом взаимодействии. Его содержание включает в себя:

Смелость вести борьбу: по ключевым вопросам, затрагивающим государственный суверенитет, безопасность и интересы развития, не уступать,

---

[216] Си Цзиньпин. Выступление на церемонии открытия учебного курса для молодых кадров и кадров среднего возраста в Центральной партийной школе (Национальной академии управления) осенью 2019 года [Электронный ресурс] // Журнал «Цюши». – 2019. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-10/31/c_1125172906.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平在 2019 年秋季学期中央党校（国家行政学院）中青年干部培训班开班式上的讲话.

смело «обнажать меч» и применять зеркальные контрмеры. Например, в ответ на торговую войну, развязанную США, Китай принял ответные тарифные меры аналогичного масштаба и интенсивности; в ответ на санкции США против высокотехнологичных компаний, таких как Хуавей (Huawei), Китай ввел в действие правовые инструменты, такие как «Список ненадежных юридических лиц» и «Закон об экспортном контроле».

Умение вести борьбу: борьба – это не безрассудные действия, а искусство, требующее стратегии. Это означает действовать «на основе веских причин, в своих интересах и с чувством меры»; объединять большинство и изолировать меньшинство; стремиться к сотрудничеству в процессе борьбы и добиваться единства через борьбу. Например, в ходе торговых переговоров Китай всегда поддерживал открытыми каналы диалога, одновременно решительно противодействуя давлению и стремясь к заключению поэтапных соглашений, чтобы избежать полного разрыва отношений.

Приверженность «мышлению с позиции «красных линий»»: Прогнозировать наихудший сценарий и готовиться к нему соответствующим образом. В экономике это означает продвижение новой модели развития «двойной циркуляции», в которой основной опорой является внутренний рынок, с целью снижения зависимости от внешних рынков; в сфере технологий это подчеркивает необходимость «опоры на собственные силы» и концентрации усилий для преодоления зависимости в технологиях, создающих «узкие места».

Пропаганда «духа борьбы» ознаменовала собой коренной сдвиг в стратегическом менталитете Китая – переход от относительно пассивной,

преимущественно оборонительной позиции, выраженной в последние десятилетия принципом «скрывать свои возможности и ждать своего часа» (韬光养晦), к оборонительно-наступательной позиции в контексте новой эпохи, предполагающей активные и инициативные действия по формированию ситуации.

В-четвертых, это глубокое определение сущности конкуренции – борьба за право на развитие и дискурсивную власть. В китайских стратегических кругах преобладает мнение, что в основе китайско-американской конкуренции лежит борьба за право на развитие. Основная цель сдерживания Китая со стороны США – лишить его права на продвижение вверх по цепочке создания стоимости за счет технологического прогресса и промышленной модернизации и, в конечном итоге, на осуществление великого возрождения китайской нации. Резкая реакция США на программу «Сделано в Китае 2025» и целенаправленные удары по китайским высокотехнологичным компаниям служат тому подтверждением[217]. Поэтому защита и реализация собственного права на развитие стали ключевым требованием и высшей целью Китая в конкуренции с США.

Борьбу за право на развитие сопровождает соперничество за дискурсивную власть. США стремятся использовать свое доминирующее положение в глобальном информационном пространстве, чтобы представить Китай как «авторитарного экспансиониста», «разрушителя порядка» и «нарушителя прав

---

[217] Made in China 2025: Global Ambitions, Built on Local Protections [Электронный ресурс] // The U.S. Chamber of Commerce. – 2017. – URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/final_madeinchina2025_report_full.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

человека», тем самым формируя международный единый фронт для изоляции Китая. В ответ на это стратегия Китая заключается в построении нарративной системы, отличной от западной, но обладающей не меньшей привлекательностью. Это включает в себя: выдвижение концепции «сообщества единой судьбы человечества» и продвижение принципов глобального управления, основанных на совместном обсуждении, совместном строительстве и совместном использовании, чтобы противостоять американскому унилатерализму и политике «малых кругов»; в вопросах прав человека – акцентирование внимания на праве на существование и праве на развитие как на первостепенных и основных правах человека, а также демонстрацию на примере успешной практики «китайской модели модернизации» права каждой страны на самостоятельный выбор пути развития[218].

Столкнувшись с кардинальным изменением политики США после 2013 года, китайская сторона сформировала целостную и логически последовательную доктринальную основу для реагирования на новые вызовы. В период с 2020 по 2025 год эта система получила дальнейшее развитие и конкретизацию, что нашло отражение в ключевых политических документах и официальной риторике высшего руководства.

В основе китайского подхода лежит осмысление текущей эпохи как периода «глубочайших перемен, невиданных за столетие», а первопричиной обострения двусторонних отношений признается «гегемонистская тревога»

[218] The Communist Party of China and Human Rights Protection – A 100-Year Quest [Электронный ресурс] // Press Office of the State Council of the People's Republic of China. – 2021 – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1707577/1707577.htm (дата обращения: 19.10.2023).

США, не желающих мириться с изменением глобального баланса сил. В качестве оборонительного руководства выступает «концепция комплексной национальной безопасности», в рамках которой абсолютным приоритетом и непреложной «красной чертой» провозглашается политическая безопасность[219].

В китайской доктрине стратегическая конкуренция с США трактуется как долгосрочное и структурное явление. При этом Пекин последовательно подчеркивает, что она не должна перерастать в конфронтацию, а должна быть управляемой и носить справедливый, основанный на нормах международного права характер[220]. Для этого был сформулирован принцип «взаимного уважения, мирного сосуществования и взаимовыгодного сотрудничества», который стал ключевым ориентиром в двусторонних контактах и отражает стремление предотвратить неконтролируемую эскалацию[221].

Методологической основой для отстаивания национальных интересов служит «дух борьбы» (敢于斗争、善于斗争), предполагающий занятие активной позиции, основанной на решимости и тактическом искусстве[222]. Центральными направлениями этого противоборства стали защита «права на развитие»,

---

[219] Концептуальный документ Инициативы в области глобальной безопасности от 21 февраля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202302/t20230221_11028333.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 全球安全倡议概念文件.

[220] Ван И. Выступление члена Политбюро ЦК КПК, министра иностранных дел КНР Ван И на Мюнхенской конференции по безопасности от 17 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] / Ван И. // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202402/t20240218_11245645.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 王毅. 坚定做动荡世界中的稳定力量－－在第 60 届慕尼黑安全会议“中国专场”上的主旨讲话.

[221] Ibid.

[222] Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. // Информационное агентство Синьхуа. – 2022. – URL: http://russian.news.cn/20221025/119641a4313a434199c4cf45e9826354/c.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 习近平. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗－－在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告.

прежде всего в технологической сфере, и борьба за «дискурсивную власть» на международной арене[223]. В ответ на санкционное давление США в 14-м пятилетнем плане была закреплена необходимость достижения «самостоятельности и самодостаточности в ключевых технологиях»[224].

В качестве альтернативы американскому гегемонизму и «блоковой логике» Китай активно продвигает концепцию «сообщества единой судьбы человечества». Эта модель глобального управления, основанная на принципах подлинной многополярности и уважения суверенитета, составляет долгосрочное стратегическое видение Пекина[225]. Таким образом, китайская доктринальная система представляет собой целостную и взаимосвязанную совокупность принципов, определяющих стратегию КНР в отношениях с США на среднесрочную перспективу.

3.2. Экономическое противостояние Китая и США: формы и риски

Торговая война

Торговая война против Китая, развязанная администрацией Трампа в 2018 году, бесспорно, стала знаковым событием, ознаменовавшим вступление китайско-американских отношений в эпоху всеобъемлющей стратегической конкуренции. Она полностью обнажила скрытые противоречия и структурные

---

[223] Ibid.
[224] Ibid.
[225] Белая книга «Сообщество единой судьбы человечества: предложения и действия Китая» от 26 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2025. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0926/c31516-20078021.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动白皮书.

конфликты в экономической сфере между двумя странами. Это был не просто торговый спор вокруг дефицита торгового баланса, а стратегический акт, представляющий собой попытку США использовать свою экономическую гегемонию для сдерживания экономического и технологического подъема Китая и переформатирования международных торгово-экономических правил в свою пользу. Эволюция этого противостояния, ответные стратегии Китая и в конечном итоге сложившаяся патовая ситуация глубоко раскрывают антагонистическую природу китайско-американских экономических отношений в новую эпоху.

Развязывание торговой войны и эскалация ее интенсивности стали концентрированным проявлением одностороннего подхода и политики максимального давления со стороны США. Прологом послужило введение в марте 2018 года администрацией США пошлин на стальную и алюминиевую продукцию из многих стран, включая Китай, под предлогом защиты национальной безопасности в соответствии со статьей 232 Закона о расширении торговли 1962 года. Однако это было лишь прелюдией. Основной удар был нанесен в рамках расследования, инициированного Торговым представительством США (USTR) против Китая в соответствии со статьей 301 Закона о торговле 1974 года. В докладе по итогам этого расследования политика и практики Китая в области передачи технологий, интеллектуальной собственности и инноваций были субъективно охарактеризованы как «несправедливые и неразумные», что послужило предлогом для запуска серии

беспрецедентных по масштабу тарифных мер[226].

Эскалация наступательных действий развивалась по четкой и безапелляционной траектории.

Первый этап (июль-август 2018 г.): американская сторона в два этапа ввела 25%-ные пошлины в отношении китайской высокотехнологичной продукции стоимостью около 50 миллиардов долларов (в основном затрагивающей сферы, связанные с программой «Сделано в Китае 2025»).

Второй этап (сентябрь 2018 г.): США значительно расширили масштабы торговой войны, объявив о введении 10%-ных пошлин на китайские товары стоимостью около 200 миллиардов долларов и пригрозив повысить их до 25% с 1 января следующего года.

Третий этап (май-сентябрь 2019 г.): после провала нескольких раундов переговоров американская сторона официально повысила пошлины на товары стоимостью 200 миллиардов долларов до 25% и далее объявила о намерении ввести пошлины на все оставшиеся товары из Китая стоимостью около 300 миллиардов долларов.

К этому моменту США обложили карательными пошлинами практически весь китайский импорт в попытке посредством такого максимального давления принудить Китай к фундаментальным уступкам по ключевым вопросам, таким как экономическая структура, промышленная политика и доступ на рынок.

В ответ на агрессивное наступление американской стороны Китай

---

[226] Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation Under Section 301 of the Trade Act of 1974 [Электронный ресурс] // Office of the United States trade representative executive office of the president. – 2018. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

оперативно сформулировал и решительно придерживался общей стратегии «войной остановить войну», ядром которой стали «ответные пошлины, эквивалентные по масштабу, интенсивности и силе»[227]. Эта стратегия была не просто торговой контрмерой, а декларацией стратегической воли: Китай ни при каких обстоятельствах не пожертвует своими коренными интересами развития под внешним давлением. Контрудар Китая отличался точностью и стратегической продуманностью и состоял из нескольких эклементов.

Зеркальные ответные пошлины: на каждый раунд тарифных мер со стороны США Китай незамедлительно публиковал зеркальные ответные списки. Например, в ответ на первый американский список товаров на 50 миллиардов долларов Китай немедленно ввел пошлины на американские товары аналогичной стоимости. Особого внимания заслуживает тот факт, что китайские ответные списки были точно нацелены на отрасли и избирательные округа, имеющие важное политическое значение для администрации Трампа, такие как соевые бобы, автомобили, свинина и виски. На примере соевых бобов, являвшихся крупнейшей статьей сельскохозяйственного экспорта США в Китай, можно увидеть, что после введения китайских пошлин объем их экспорта в КНР в 2018 году рухнул почти на 75%[228], что оказало огромное экономическое и политическое давление на аграрные штаты Среднего Запада США.

---

[227] Белая книга «Факты о китайско-американских торгово-экономических трениях и позиция Китая» [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2018. – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1640032/1640032.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 中华人民共和国国务院新闻办公室.关于中美经贸摩擦的事实与中方立场白皮书.

[228] USA Trade Online : U.S. Merchandise Trade Data [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – 2026. – URL: https://usatradeonline.census.gov/ (дата обращения: 19.01.2026).

Применение нетарифных барьеров: поскольку объем импорта Китая из США был значительно ниже объема экспорта в США (в 2017 г. экспорт Китая в США составил около 505 млрд долл., а импорт из США – около 130 млрд долл.), Китай столкнулся с проблемой «нехватки боеприпасов» для тарифных ответных мер. В связи с этим Китай искусно применял качественные, нетарифные барьеры, включая ужесточение таможенного и фитосанитарного контроля, задержки с выдачей лицензий на ведение бизнеса американским компаниям в Китае, а также формирование общественного мнения через официальные СМИ. Кроме того, Китай объявил о создании системы «списка ненадежных юридических лиц». Хотя в него не было немедленно внесено большое количество американских компаний, само его существование оказывало мощное сдерживающее воздействие на те предприятия, которые сотрудничали с правительством США в политике давления на Китай.

Запуск внутренних мер для хеджирования рисков: более глубокий ответ заключался в серьезной корректировке внутренней экономической стратегии. Столкнувшись с резким ухудшением внешней обстановки, китайское руководство осознало необходимость снижения чрезмерной зависимости от внешних рынков и технологий. С этой целью была официально выдвинута новая модель развития «двойной циркуляции», в которой «внутренняя циркуляция является основной, а внутренняя и международная циркуляции взаимно дополняют друг друга»[229]. Это ознаменовало фундаментальный

[229] Си Цзиньпин провел восьмое заседание Центральной комиссии по финансовым и экономическим вопросам [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 2020. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-09/09/c_1126472348.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平主持召开中央财经委员会第八次会议.

поворот в стратегии экономического развития Китая – от прежней экспортно-ориентированной модели к модели, в большей степени опирающейся на внутреннее потребление, инвестиции и технологические инновации для стимулирования экономического роста. Суть этой стратегической корректировки заключается в создании экономической «подушки безопасности» и «резервуара» для противостояния долгосрочной стратегической конкуренции с США.

После почти двух лет ожесточенного противостояния торговая война не достигла ни одной из ключевых стратегических целей, поставленных американской стороной. Экономика Китая не рухнула, как предсказывали некоторые западные наблюдатели, а ее структурные реформы не были проведены по американскому «рецепту». Напротив, торговая война в конечном итоге зашла в дорогостоящую патовою ситуацию. Согласно исследованиям Бюджетного управления Конгресса США (CBO) и других учреждений, основная тяжесть тарифных издержек легла на американских импортеров и потребителей, что привело к росту внутренних цен и, по прогнозам, должно было сократить реальный ВВП США примерно на 0,3% к 2020 году[230].

Это противостояние привело к временному «перемирию» в виде подписанного в январе 2020 года «Первого этапа торгово-экономического соглашения между Китаем и США». Хотя соглашение обязывало Китай в течение следующих двух лет дополнительно закупить американских товаров и услуг на 200 миллиардов долларов и взять на себя обязательства в таких

---

[230] The Budget and Economic Outlook: 2020 to 2030 [Электронный ресурс] // – 2020. – URL: https://www.cbo.gov/system/files/2020-01/56020-CBO-Outlook.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

областях, как интеллектуальная собственность и финансовая открытость, американская сторона не отменила большинство введенных ранее пошлин. Что еще более важно, соглашение полностью обошло стороной ключевые структурные вопросы китайской экономической модели, такие как промышленные субсидии и роль государственных предприятий. Таким образом, торговая война не разрешила фундаментальных экономических противоречий между КНР и США, а лишь способствовала трансформации открытого конфликта в управляемое, но антагонистическое соперничество.

С приходом администрации Дж. Байдена после 2021 г. произошел переход от масштабной тарифной политики к стратегии «точечной технологической блокады». Сохранение основной тарифной структуры, введенной предыдущей администрацией, свидетельствовало о наличии двухпартийного консенсуса в США относительно необходимости проведения жесткой линии в отношении Китая, однако основной акцент противостояния сместился в сферу высоких технологий.

Центральным элементом данной стратегии стали меры экспортного контроля, введенные в октябре 2022 г. с целью ограничить доступ КНР к передовым полупроводниковым технологиям и оборудованию для их производства. Данная политика, охарактеризованная как «небольшой двор с высоким забором» (small yard, high fence), была направлена на замедление развития Китая в таких ключевых областях, как искусственный интеллект и суперкомпьютеры[231]. Вовлечение в реализацию этих мер союзников, в

[231] Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing to the People’s Republic of China (PRC) : Press Release, Oct. 7, 2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of

частности Японии и Нидерландов, придало противостоянию многосторонний характер[232].

Ответные действия КНР включали как интенсификацию политики «двойной циркуляции» и инвестиций в НИОКР для достижения технологической самодостаточности, так и применение асимметричных контрмер. Примером последних стало введение в 2023 г. экспортного контроля над галлием и германием — редкоземельными металлами, критически важными для глобальной полупроводниковой промышленности[233]. Данная мера продемонстрировала способность Пекина использовать свои позиции в глобальных цепочках поставок для оказания ответного давления.

Следовательно, к 2025 г. экономическое противостояние перешло в новую фазу. Конфликт сместился из сферы торговли в технологическую область, что отражает осознание сторонами ключевой роли технологического превосходства в долгосрочной конкуренции. Экономическое соперничество окончательно трансформировалось из торгового спора в системную борьбу за лидерство в рамках Четвертой промышленной революции. В этой игре Китай, благодаря решительным зеркальным контрмерам, стратегическому использованию нетарифных инструментов и глубокой корректировке внутренней стратегии,

---

Commerce. – 2022. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158-2022-10-07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-rule/file (дата обращения: 23.05.2024).
Sullivan J. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan at the Special Competitive Studies Project (SCSP) [Электронный ресурс] / J. Sullivan. // Global Emerging Technologies Summit : Speech. – 2022 – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/16/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-at-the-special-competitive-studies-project-scsp-global-emerging-technologies-summit/ (дата обращения: 23.05.2024).

[232] Ibid.

[233] Объявление о введении экспортного контроля над галлием и германием от 3 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0704/c31516-20041214.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 商务部海关总署关于对镓、锗相关物项实施出口管制的公告.

успешно выдержал максимальное давление со стороны США, отстояв свой экономический суверенитет и право на выбор пути развития. Конечным итогом торговой войны стала не победа какой-либо из сторон, а стратегическая патовая ситуация, достигнутая высокой ценой. Она окончательно разрушила иллюзии об экономическом симбиозе и взаимовыгодности отношений между Китаем и США, открыв «новую норму» долгосрочной, сложной и высокоинтенсивной конкуренции в экономической и технологической сферах.

Технологическое «разъединение» и противостояние в сфере создания «узких мест»

После 2013 года, и в особенности в период правления администрации Трампа, технологическая стратегия США в отношении Китая претерпела качественную трансформацию, сместившись от политики «ограничения» к стратегии «удушения». Эта стратегия была нацелена на систематическое блокирование процесса технологической модернизации Китая посредством точечного технологического «разъединения» (Decoupling) и создания «узких мест» (Choking) в цепочках поставок. Данное противостояние за технологическое лидерство, эпицентром которого стали инциденты с компаниями Хуавей (Huawei) и Чжунсин (ZTE), по своей интенсивности и далеко идущим последствиям значительно превзошло торговую сферу.

Ключевыми инструментами стратегии технологического «удушения» Китая со стороны США стали механизмы «составления списка организаций,

против которых вводились рестрикции» и «экстерриториальная юрисдикция». Американские политические круги ясно осознавали, что в эпоху глобализации Китай, интегрировавшись в глобальные производственные цепочки, добился огромных успехов в области прикладных технологий и инноваций бизнес-моделей. Однако в сфере базовых ключевых технологий, таких как полупроводники и высокотехнологичное программное обеспечение, он по-прежнему серьезно зависел от глобальной системы поставок, где доминируют США. Это предоставило США стратегический рычаг для нанесения точечных ударов.

Прологом послужил «инцидент с Чжунсин (ZTE)» в 2018 году. Министерство торговли США, ссылаясь на нарушение компанией Чжунсин (ZTE) экспортных санкций США против Ирана, активировало «приказ об отказе в экспортных привилегиях» (Denial Order), запретив американским компаниям продавать комплектующие, товары, программное обеспечение и технологии компании Чжунсин (ZTE) сроком на семь лет. Данный приказ привел к приостановке основной деятельности компании ZTE, поскольку ее производственные процессы зависели от поставок американских полупроводниковых компонентов и операционных систем[234]. Несмотря на последующее урегулирование инцидента, включавшее уплату штрафа и согласие на внешний надзор со стороны США, он продемонстрировал китайскому руководству и промышленным кругам высокую степень уязвимости, связанную с зависимостью от импорта ключевых технологий в

[234] ZTE says main business operations have ceased after U.S. ban [Электронный ресурс] // Reuters. – 2018. – URL: https://www.reuters.com/article/us-zte-usa/zte-says-main-business-operations-have-ceased-after-u-s-ban-idUSKBN1I92FA (дата обращения: 19.10.2023).

области микроэлектроники и программного обеспечения.

Следующим этапом противостояния стали действия, направленные против компании Huawei, одного из лидеров в области технологий 5G. Давление на Huawei носило комплексный характер. В декабре 2018 г., применив принцип экстерриториальной юрисдикции, власти США инициировали арест финансового директора компании Мэн Ваньчжоу в Канаде с последующим запросом на ее экстрадицию. Целью данного шага являлось оказание давления на руководство компании и нарушение ее глобальных операционных процессов.

В мае 2019 г. Министерство торговли США включило Huawei и 68 ее дочерних структур в «Список организаций» (Entity List), что подразумевало запрет на продажу им американских технологий и продукции без получения специальной лицензии. Эта мера ограничила для Huawei возможность закупки компонентов у таких компаний, как Qualcomm и Intel, а также доступ к программному обеспечению, включая Google Mobile Services для ОС Android.

Поскольку Huawei смогла частично адаптироваться к ограничениям за счет внутренних разработок и сотрудничества с неамериканскими поставщиками, в мае 2020 г. США ввели дополнительный, более строгий инструмент давления — новую редакцию «Правила о прямом иностранном продукте» (Foreign-Direct Product Rule, FDPR). Суть правила заключалась в требовании получения американской лицензии для любой иностранной компании, использующей технологии или оборудование из США при производстве полупроводниковой

продукции для Huawei[235]. Острие этого правила было направлено непосредственно против крупнейшего в мире производителя микросхем на заказ – тайваньской компании ТСМК (TSMC)[236], что позволило полностью перекрыть для Хуавей (Huawei) доступ к услугам по производству высокотехнологичных чипов. Результат оказался разрушительным: разработанные самой Хуавей (Huawei) высокопроизводительные чипы для смартфонов серии Кирин (Kirin) после сентября 2020 года стали «лебединой песней», а ее доля на мировом рынке смартфонов, достигавшая во втором квартале 2020 года пика в 20%, в течение года рухнула всего до 4%[237].

С приходом администрации Дж. Байдена стратегия технологического давления США не ослабла, а перешла в новую, более системную и многостороннюю фазу. Вместо ударов по отдельным компаниям был взят курс на блокирование целых секторов китайской высокотехнологичной промышленности. Кульминацией стратегии «малый двор с высоким забором» (small yard, high fence) стало введение Министерством торговли США в октябре 2022 года масштабных мер экспортного контроля. Новые правила были призваны лишить Китай доступа к передовым полупроводникам, а также к оборудованию и ПО для их производства, используя для этого

---

[235] Commerce Addresses Huawei's Efforts to Undermine Entity List, Restricts Products of U.S. Technology [Электронный ресурс] // пресс-релиз. – 2020. – URL: https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2020/05/commerce-addresses-huaweis-efforts-undermine-entity-list-restricts.html (дата обращения: 19.10.2023).

[236] TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) – тайваньская компания, занимающаяся изучением и производством полупроводниковых изделий.

[237] Global Smartphone AP-SoC Market Share : ежеквартальные отчеты [Электронный ресурс] // Hong Kong : Counterpoint Research. – 2021. – URL: https://counterpointresearch.com/en/insights/global-smartphone-apsoc-market-share-quarterly (дата обращения: 10.06.2026).

экстерриториальные рычаги[238].

Параллельно с этим Госдепартамент США инициировал программу «Чистая сеть» (Clean Network), призывая союзников отказаться от использования оборудования Хуавей (Huawei) при создании сетей 5G с целью вытеснения компании с рынков. Столкнувшись с технологическим давлением со стороны США, близким к «удушению», в китайском обществе сформировался беспрецедентный консенсус относительно того, что «ключевые технологии – это важнейший государственный инструмент, который нельзя выпросить, купить или получить в дар». Китай оперативно скорректировал национальную стратегию, возведя научно-техническую самодостаточность и независимость в ранг ключевого приоритета национального развития, и задействовал «новую всекитайскую систему» для организации этой труднейшей борьбы против блокады. Руководство КНР определило преодоление проблемы «узких мест» в технологической сфере в качестве приоритетной задачи обеспечения национальной безопасности. В «14-м пятилетнем плане» (2021–2025 гг.) достижение «научно-технологической самодостаточности» было выделено в качестве ключевого направления, которому посвящен значительный по объему раздел документа[239]. Ключевую роль в поддержке полупроводниковой промышленности сыграл

---

[238] Bureau of Industry and Security. Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing to the People's Republic of China (PRC) [Электронный ресурс] // U.S. Department of Commerce. – 2022. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158-2022-10-07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-rule/file (дата обращения: 23.05.2024).

[239] Основные положения 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей до 2035 года Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Канцелярия Госсовета. – 2021. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要.

Государственный инвестиционный фонд развития интегрированных схем (широко известный как «Большой фонд»). После первого этапа, в рамках которого было привлечено около 138,7 млрд юаней, в 2019 году был запущен второй этап с объемом привлеченных средств более 200 млрд юаней, направленных преимущественно на поддержку наиболее уязвимых звеньев производственной цепочки, таких как оборудование и материалы для производства полупроводников[240].

Находясь под жестким давлением, компания Хуавей (Huawei) продемонстрировала высокую устойчивость. Ее основатель Жэнь Чжэнфэй провозгласил выживание главным приоритетом и нарастил инвестиции в НИОКР до рекордных значений. В 2021 году, несмотря на колоссальное давление, расходы Хуавей (Huawei) на НИОКР достигли 142,7 млрд юаней, что составило 22,4% от годового дохода компании[241]. Компания всемерно ускорила перевод в основной состав разработок, вевшихся в рамках «плана-дублёра», и выпустила собственные операционные системы – ХармониОС (HarmonyOS) и ЭйлерОС (EulerOS) – в попытке избавиться от зависимости от США на уровне операционных систем. Одновременно Хуавей (Huawei), используя накопленный технологический потенциал, начала активную диверсификацию в области, не затронутые или в меньшей степени затронутые санкциями США, включая решения для интеллектуальных автомобилей, облачные вычисления и цифровую энергетику, что рассматривается в качестве новых драйверов

---

[240] Ibid.

[241] Huawei Investment & Holding Co., Ltd. Годовой отчет 2021 [Электронный ресурс] // Huawei Investment & Holding Co., Ltd. – 2022. – URL: https://www.huawei.com/cn/annual-report/2021 (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 华为投资控股有限公司 2021 年年度报告.

экономического роста.

Китай глубоко осознает, что единичные технологические прорывы недостаточны для формирования конкурентоспособности; необходимо построить полноценную технологическую экосистему. Правительство и предприятия совместно содействуют развитию сообществ с открытым исходным кодом (таких как Оупен Хармони (OpenHarmony), Оупен Эйлер (OpenEuler)), привлекая разработчиков и партнеров в попытке создать «третий полюс», независимый от Андроид (Android) и айОС (iOS). В новых областях, таких как 5G, искусственный интеллект и Интернет вещей, китайские компании активно участвуют в разработке и даже лидируют в определении международных стандартов, стремясь обеспечить себе большее право голоса на будущих технологических треках.

Результаты данной стратегии проявились в 2023-2024 гг. Ключевым событием стал выпуск в августе 2023 г. смартфона Хуавей Мейт 60 Про (Huawei Mate 60 Pro) с 7-нм процессором Кирин (Kirin) 9000S производства китайской компании СМИК (SMIC)[242]. Этот технологический прорыв, достигнутый в условиях жесточайших санкций, стал символическим и практическим доказательством того, что стратегия «удушения» не смогла полностью остановить технологическое развитие Китая, а, напротив, катализировала его усилия по созданию полной отечественной цепочки производства полупроводников. Хотя произведенные в Китае чипы все еще уступают самым передовым мировым аналогам по эффективности и

[242] Технологический сюрприз Huawei: оценка нового смартфона Китая от 13 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // CSIS. – 2023. – URL: https://www.csis.org/analysis/huaweis-tech-surprise-assessing-chinas-new-smartphone (дата обращения: 23.02.2026).

себестоимости, сам факт их появления продемонстрировал пределы эффективности американской блокады.

В ответ на действия США КНР также задействовала собственные механизмы технологического сдерживания, используя доминирующее положение в других критически важных звеньях глобальных цепочек поставок. Так, в 2023 г. были введены меры экспортного контроля в отношении галлия и германия – материалов, имеющих ключевое значение для производства полупроводников и оптоэлектроники[243]. Одновременно в 2024 г. было объявлено о формировании третьего этапа Национального инвестиционного фонда индустрии интегральных схем («Большой фонд») с капиталом свыше 40 млрд долл. США. Это свидетельствует о долгосрочной государственной политике, направленной на достижение полной технологической независимости в критических отраслях к 2025 г. и в последующий период[244].

Итогом технологического противостояния КНР и США стало не просто ускорение разделения единой технологической экосистемы, а ее фактическое раздвоение (бифуркация) в ключевых сегментах. Эта борьба затронула не только две страны, но и поставила всех участников глобальной технологической производственной цепочки перед дилеммой «выбора стороны». К 2025 году стало очевидно, что формируются две параллельные, во

---

[243] Совместное объявление № 23 от 2023 года о введении экспортного контроля над галлием и германием и сопутствующими товарами от 3 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. – 2023. – URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/zcfb/c/202307/20230703421235.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 商务部海关总署公告 2023 年第 23 号 关于对镓、锗相关物项实施出口管制的公告.

[244] Информация о регистрации Акционерной компании «Национальный инвестиционный фонд индустрии интегральных схем, III этап» [Электронный ресурс] // Национальная система публичной информации о кредитоспособности предприятий КНР. – 2024. – URL: https://www.qcc.com/firm/3f400c43666d9c669222c6f14e2d3e1d.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.) 国家集成电路产业投资基金三期股份有限公司.

многом несовместимые технологические сферы, каждая со своими стандартами, цепочками поставок и экосистемами. Противостояние перешло из фазы асимметричных ударов в фазу долгосрочного системного соревнования за определение технологического ландшафта XXI века.

Битва за глобальное экономическое управление: инициатива «Один пояс, один путь» и хеджирование против Бреттон-Вудской системы

В рамках китайско-американского стратегического соперничества экономическое противостояние выходит далеко за рамки прямых мер, таких как тарифные барьеры и санкционные списки в отношении юридических лиц. В его основе лежит более глубокая борьба за право определять глобальные экономические правила и доминирование институциональных структур. Бреттон-Вудская система, созданная после Второй мировой войны, с долларом США в качестве основного столпа и Международным валютным фондом (МВФ) и Всемирным банком в качестве двух основных опор, стала краеугольным камнем, на котором Соединенные Штаты поддерживали свою глобальную экономическую гегемонию. Китай прекрасно понимает, что для продвижения национального возрождения и защиты своих основных интересов в области развития ему необходимо создать совершенно новое стратегическое пространство для развития за пределами глобальной экономической системы, в которой доминирует США. Это предполагает создание сетей экономического сотрудничества и институциональных механизмов, которые будут

функционировать параллельно существующей структуре или, по крайней мере, служить дополнительной альтернативой. На этом фоне появление инициативы «Один пояс, один путь» (BRI) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB) представляет собой гораздо больше, чем просто двусторонние или многосторонние проекты экономического сотрудничества. Скорее, их следует определять как стратегическую кампанию, развернутую Китаем с использованием своей растущей экономической мощи для перестройки глобальной системы управления экономикой – кампанию, имеющую глубокое историческое значение.

В 2013 году президент Китая Си Цзиньпин официально представил грандиозную стратегическую концепцию «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Стратегические последствия этой инициативы выходят далеко за рамки ее поверхностного позиционирования как «развития инфраструктуры». По сути, она представляет собой проект высшего уровня: путем развития как физической связи (включая железные дороги, порты, автомагистрали, трубопроводы и другую инфраструктуру), так и цифровой связи (включая оптоволоконные кабели, центры обработки данных, сети 5G и другую цифровую инфраструктуру), она стремится создать трансконтинентальный экономический и развивающийся коридор. Этот коридор будет иметь в качестве своего основного внутреннего рынка евразийский материк и будет распространяться на такие регионы, как Африка и Латинская Америка, при этом Китай будет служить ключевым центром.

Традиционная система мировой торговли в значительной степени зависит от морских узловых точек, таких как Малаккский пролив и Суэцкий канал, которые находятся в сфере влияния или доминирования ВМС США, образуя «морскую артерию» мировой торговли. На этом фоне Китай создал сухопутный маршрут из Синьцзяна до порта Гвадар на Индийском океане через Китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC), одновременно используя железнодорожный экспресс Китай-Европа для соединения своих внутренних регионов с европейскими рынками. Основная цель заключается в создании более устойчивых, диверсифицированных торговых маршрутов, которые менее подвержены блокировке со стороны какой-либо одной морской державы. К концу 2020 года более 138 стран и более 30 международных организаций подписали с Китаем документы о сотрудничестве в рамках инициативы «Один пояс, один путь», постепенно формируя обширную сеть экономического сотрудничества с широким охватом и первоначальной структурой[245].

Когда кенийская железная дорога Момбаса-Найроби перешла на китайскую ширину колеи, технические спецификации и модели управления; когда греческий порт Пирей внедрил передовые системы автоматизации портов от китайских предприятий; и когда страны, расположенные вдоль «Цифрового шелкового пути», установили оборудование 5G от Хуавей (Huawei), эти страны постепенно стали зависимыми от китайских технологий и стандартов в процессе последующей модернизации инфраструктуры, текущего технического

[245] China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. – 2023. – URL: https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative (дата обращения: 19.10.2023).

обслуживания и системной интеграции. Суть этого явления заключается в том, что Китай выделяет эксклюзивную область применения для своих «китайских стандартов» за пределами глобальной системы технологических стандартов, где доминируют США, тем самым обеспечивая себе важнейшее стратегическое преимущество в будущих процессах формирования глобальных технологических правил.

Основная цель предлагаемой США Индо-Тихоокеанской стратегии заключается в формировании дугообразного морского окружения, направленного против Китая, путем объединения таких стран, как Индия, Япония и Австралия, с тем чтобы сдержать расширение геополитического влияния Китая. Напротив, инициатива «Один пояс, один путь» (особенно ее компонент, касающийся сотрудничества на суше) напоминает стратегию противодействия окружению, распространяющуюся из центра Евразийского континента. Укрепляя наземные связи Китая с Центральной Азией, Ближним Востоком и даже Европой, она фактически снижает потенциальную эффективность стратегии морской блокады США, создавая значительную стратегическую защиту на геоэкономическом уровне.

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций: бросая вызов финансовым практикам Бреттон-Вудской системы.

Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) стало прямым следствием глубокого разочарования и недовольства Китая существующим международным финансовым порядком. На протяжении долгого времени доля голосов Китая в МВФ и Всемирном банке находилась в

серьезном несоответствии с его статусом второй по величине экономики мира. Так, например, принятый МВФ в 2010 году пакет реформ, направленный на увеличение квот развивающихся экономик, на многие годы зашел в тупик, поскольку его ратификация задерживалась Конгрессом США[246]. Это событие позволило Китаю ясно осознать, что путь к завоеванию права голоса в существующих рамках чрезвычайно труден.

Поэтому Китай сделал выбор в пользу «создания собственной площадки», возглавив учреждение нового многостороннего банка развития, в котором он бы играл доминирующую роль. Само создание АБИИ стало ярким примером искусной международной политической игры:

На начальном этапе подготовки к созданию АБИИ администрация Обамы активно убеждала своих союзников не присоединяться к банку, пытаясь представить его как «китайский клуб», не соответствующий международным стандартам и нацеленный на подрыв существующего порядка. Однако в марте 2015 года Великобритания первой объявила о своем намерении присоединиться к АБИИ в качестве страны-основателя, что вызвало эффект домино. Вслед за ней о своем присоединении объявили и ключевые союзники США, такие как Германия, Франция, Италия, Австралия и Южная Корея. Это было воспринято как серьезное дипломатическое поражение США и стало убедительным доказательством как всеобщего признания международным сообществом огромного дефицита финансирования инфраструктуры в Азии, так и признания

---

[246] IMF 2010 Quota and Governance Reforms [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. – 2016. – URL: https://www.imf.org/en/About/Factsheets/Sheets/2016/08/01/16/11/2010-quota-and-governance-reform (дата обращения: 19.10.2023).

способности Китая предоставлять глобальные общественные блага[247].

Штаб-квартира АБИИ расположена в Пекине, первым президентом банка стал представитель Китая, и, согласно уставу, Китай обладает долей голосов в размере около 26,5%, что де-факто дает ему право вето[248]. Это разительно контрастирует со структурой власти в МВФ и Всемирном банке, где долгое время доминировали США, Европа и Япония. Хотя АБИИ в своей деятельности делает упор на высокие стандарты «оптимизации, неподкупности и экологичности», его оперативная эффективность и ориентированность на реальные потребности развивающихся стран призваны продемонстрировать более действенную «восточную модель управления», отличную от бюрократизма и политических условий, свойственных институтам Бреттон-Вудской системы. Он предоставил странам Глобального Юга важную новую альтернативу для финансирования, помимо Всемирного банка и Азиатского банка развития (в котором доминирует Япония).

Институциональные инновации, представленные инициативой «Один пояс, один путь» и АБИИ, являются частью глубокой и дальновидной партии, разыгрываемой Китаем в контексте китайско-американского стратегического соперничества новой эпохи с целью переформатирования глобального экономического управления. Это не просто расширение геополитического влияния через экономическое сотрудничество, а позиционная война,

---

[247] U.S. Allies Join China-Led Bank, Validating an Economic Challenge [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2015. – URL: https://www.nytimes.com/2015/03/18/business/international/chinas-plan-for-regional-development-bank-draws-allies-of-us.html (дата обращения: 19.10.2023).

[248] Азиатский банк инвестиций и инфраструктуры. Устав АБИИ / Азиатский банк инвестиций и инфраструктуры. - Пекин: АБИИ, 2015. - 186 с. (на кит. яз.)亚洲基础设施投资银行章程.

направленная на ослабление структурной власти США: через создание параллельных систем физических и цифровых сетей, через борьбу за право устанавливать правила посредством экспорта стандартов и через вызов существующим институциональным механизмам с помощью финансовых инноваций. Эта «тихая война», по своему воздействию, будет более продолжительной и глубокой, чем дым от торговых баталий.

3.3. Противостояние Китая и США в сфере военной безопасности: угрозы и перспективы урегулирования

В данном параграфе анализируется противостояние Китая и США в сфере военной безопасности, его основные угрозы и перспективы урегулирования. Рассматриваются следующие аспекты: военно-безопасная ситуация в западной части Тихого океана, военно-техническое соперничество и гонка вооружений, географические измерения борьбы за глобальное военное лидерство, а также эволюция китайско-американского стратегического противостояния по Тайваню в 2013–2025 годах.

Противостояние Китая и США в регионе западной части Тихого океана

Со времён окончания холодной войны в западно-тихоокеанском регионе долгое время доминировало абсолютное военное превосходство США, ключевым проявлением которого являлись непревзойдённая мобильная ударная мощь авианосных ударных групп (АУГ) ВМС США и прочный контроль над

так называемыми первой и второй цепями островов. Столкнувшись с таким структурным военным отставанием, китайское руководство трезво осознало, что в краткосрочной перспективе вступление в «симметричную» глобальную гонку вооружений с США по принципу «авианосец против авианосца» является нереалистичным и неоптимальным выбором. Вследствие этого Китай сосредоточил ресурсы на обеспечении своих ключевых интересов «у своего порога», разработав высокоэффективную и прорывную асимметричную стратегию сдерживания, а именно, систему боевых действий, определённую Министерством обороны США как «ограничение доступа/блокирование зоны» (Anti-Access/Area Denial, A2/AD). Фундаментальная цель данной стратегии заключается не в том, чтобы нанести поражение ВМС США в Мировом океане, а в создании в прибрежных морях Китая (в особенности в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море) зоны повышенного риска, в которой ключевые активы потенциального противника, обеспечивающие проецирование силы (в частности, авианосцы и передовые военные базы), столкнутся с беспрецедентной и, возможно, неприемлемой угрозой своему существованию.

1. Качественный скачок в потенциале сдерживания: система дальнего высокоточного удара, ядром которой являются средства поражения надводных кораблей класса авианосцев.

Центральным элементом этого качественного скачка в потенциале стратегического сдерживания стала разработка, принятие на вооружение и боевое развертывание высокотехнологичных асимметричных сил и средств, в особенности противокорабельных баллистических ракет (ПКБР). В этом

контексте появление ракет «Дунфэн-21Д» (DF-21D) и «Дунфэн-26» (DF-26) рассматривается как ключевой фактор, меняющий правила игры.

Ракета DF-21D, с момента её первого публичного показа на военном параде 3 сентября 2015 года, посвящённом 70-летию победы в войне сопротивления китайского народа японским захватчикам, получила в зарубежных СМИ прозвище «убийца авианосцев». Она представляет собой не баллистическую ракету в традиционном понимании, а революционную систему вооружений. Предполагается, что её дальность полёта превышает 1500 км[249], что достаточно для покрытия ключевых акваторий в пределах первой цепи островов, включая весь Тайваньский пролив и часть Южно-Китайского моря. Её прорывной характер заключается в сочетании гиперзвуковой скорости полёта, свойственной баллистическим ракетам, с возможностью точного наведения на конечном участке траектории. Предположительно, боевая часть ракеты представляет собой маневрирующий гиперзвуковой блок (MaRV), способный к изменению траектории, что существенно затрудняет ее перехват системами ПРО, основанными на прогнозировании баллистических траекторий (например, SM-3)[250]. Эшелонированная система обороны авианосной ударной группы (АУГ), рассчитанная на отражение атак крылатых ракет, имеет ограниченную эффективность против целей, пикирующих со скоростью свыше

---

[249] Ли Цземин, Ван Юньфэй. Сдерживающий эффект противокорабельных баллистических ракет на авианосные ударные группы и тактические контрмеры [Электронный ресурс] / Ли Цземин, Ван Юньфэй // Военная глобальная газета. – 2023. – URL: https://mil.huanqiu.com/article/1081602 (дата доступа: 18 февраля 2026 г.). (на кит. яз.) 反舰弹道导弹对航母战斗群的威慑效应与战术应对.

[250] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020 [Электронный ресурс] // Annual Report to Congress – 2020. – URL: https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

10 Махов[251]. Это обусловлено малым временем для реагирования и сложностью отражения массированного удара такого типа. Наличие комплексов DF-21D вынуждает АУГ США действовать на большем удалении от побережья КНР, что выводит ключевые районы, включая Тайваньский пролив, из радиуса эффективного действия палубной авиации (F/A-18 E/F) и снижает действенность потенциальных интервенционных операций.

Развертывание DF-21D расширило зону A2/AD до первой цепи островов, в то время как принятие на вооружение ракеты DF-26 с дальностью до 4000 км позволило распространить ее на вторую цепь. В результате стратегические объекты США на о. Гуам (авиабаза Андерсен, ВМБ Апра-Харбор) оказались в зоне досягаемости конвенциональных средств поражения. Официально заявлена возможность оснащения DF-26 как ядерной, так и обычной боевой частью, а также ее способность поражать крупные надводные цели[252]. Таким образом, даже при отводе сил ко второй цепи островов, американские АУГ остаются под угрозой. Проведенные в августе 2020 г. испытательные пуски ракеты DF-26B по движущимся морским целям в Южно-Китайском море продемонстрировали практическую реализуемость данной концепции[253].

Указанные ракетные комплексы, в сочетании с противокорабельными

---

[251] Институт военных наук Академии военных наук. Доклад о мировом военном развитии (2023) / Институт военных наук Академии военных наук. – Пекин: Военно-научное издательство, 2023. – 452 с. (на кит. яз.). 军事科学院战争研究院.世界军事发展报告（2023） / 军事科学院战争研究院. – 北京：军事科学出版社，2023. – 452 页.

[252] «Ракетный дивизион, Дунфэн-26“: новая модель ракеты впервые представлена, имеет двойное, ядерное и обычное, назначение» [Электронный ресурс] // Новости CCTV. – 2015. – URL: http://news.cctv.com/2015/09/03/ARTIxU1Uu9t6h6mJb8pLSz3S150903.shtml (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). “东风-26 导弹方队：新型号导弹首次曝光核常兼备”.

[253] China test-fires "carrier killer" missiles in South China Sea in "warning to US" [Электронный ресурс] // South China Morning Post. – 2020. – URL: https://www.scmp.com/news/china/military/article/3098930/chinas-military-launches-two-missiles-south-china-sea-warning (дата обращения: 19.10.2023).

крылатыми ракетами (YJ-12, YJ-18) и многокомпонентной системой разведки и целеуказания (спутники, загоризонтные РЛС, БПЛА, подводные лодки), формируют эшелонированную систему A2/AD. Наличие такой системы существенно изменяет для США расчет рисков при планировании военного вмешательства.

В период после 2020 г. развитие потенциала A2/AD КНР характеризуется переходом от первоначального развертывания к повышению плотности, устойчивости и расширению номенклатуры систем вооружений. Ключевым направлением стало доведение гиперзвуковых вооружений до стадии оперативной готовности. Если DF-21D и DF-26 представляли собой первый прорыв, то принятие на вооружение и интеграция в войска ракетных комплексов DF-17 с гиперзвуковым планирующим боевым блоком (HGV) создали угрозу принципиально нового порядка[254]. В отличие от маневрирующей боеголовки (MaRV), HGV совершает длительный управляемый полет в атмосфере по непредсказуемой траектории, что делает его перехват существующими и даже перспективными системами ПРО практически невозможным[255]. Развертывание DF-17 в бригадах Ракетных войск НОАК, расположенных в прибрежных провинциях, еще больше сократило время реакции для американских сил в регионе и поставило под угрозу не только авианосцы, но и стационарные объекты на первой и второй цепях

---

[254] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2023 : annual report to Congress [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF (дата обращения: 23.05.2024).

[255] Ibid.

островов[256].

Более того, угроза A2/AD перестала быть исключительно сухопутной. Наблюдался значительный прогресс в создании морской компоненты системы. Одним из наиболее значимых событий стало появление, предположительно в 2022-2023 годах, противокорабельной баллистической ракеты воздушного базирования (носитель – модернизированный бомбардировщик H-6N) и, что еще важнее, корабельного базирования, известной как YJ-21[257]. Демонстрация пуска этой ракеты с борта эсминца типа 055 в апреле 2022 года ознаменовала собой фундаментальный сдвиг. Это трансформирует статичную, привязанную к суше систему A2/AD в динамичную и мобильную морскую угрозу, позволяя ВМС НОАК создавать мобильные «запретные зоны» далеко за пределами первой цепи островов[258]. Таким образом, к 2025 году китайская система A2/AD приобрела характеристики многосферной, эшелонированной и более устойчивой оборонительной системы. Ее функционал расширился от сдерживания прямого вмешательства до оспаривания свободы действий ВС США в западной части Тихого океана.

Для КНР развертывание системы A2/AD, ядром которой являются высокоточные противокорабельные баллистические ракеты, выступает инструментом обеспечения суверенитета в прилегающих акваториях и стратегического сдерживания. Данная система направлена на защиту морских

---

256 Ibid.

257 Центральное телевидение Китая. Видеоматериал, посвященный 73-й годовщине ВМС НОАК, с демонстрацией пуска ракеты с эсминца Тип 055 от 22 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // CCTV. – 2022. – URL: https://tv.cctv.com/2022/04/22/VIDEIjZ1wL2G5C0N7k4XjrR3220422.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 人民海军，生日快乐！万吨大驱最新训练画面公开.

258 Ibid.

коммуникаций и противодействие внешнему военному вмешательству, в том числе в контексте тайваньского вопроса и ситуации в Южно-Китайском море. Наличие систем дальнего высокоточного удара изменяет военный баланс сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе и способствует укреплению стратегических позиций КНР в качестве ведущей морской державы. Она создает условия для стабильного экономического и социального развития, исключая угрозу прямого военного давления со стороны внешних сил. Кроме того, наличие достоверного потенциала сдерживания повышает роль Китая в региональной безопасности и способствует формированию более справедливого многополярного мирового порядка, основанного на равноправии и взаимном уважении суверенитета всех государств. Таким образом, указанные вооружения и системы не являются инструментом агрессии, а выступают как гарант мирного развития, обороны национальных интересов и поддержания стратегической стабильности в АТР.

2. Укрепление позиций Китая в Южно-Китайском море посредством строительства баз на островах и рифах.

Наряду с «технологическим» направлением, предполагающим разработку передовых систем вооружений, Китай в Южно-Китайском море применил более прямой и обладающий большим геополитическим резонансом «физический» подход, а именно, беспрецедентную по своим масштабам деятельность по строительству на островах и рифах. С конца 2013 г. Китай начал масштабные работы по созданию искусственных островов на контролируемых им рифах архипелага Наньша (Спратли), что получило у

западных наблюдателей название «Великая песчаная стена»[259]. В течение всего нескольких лет три основных рифа – Юншу (Fiery Cross Reef), Чжуби (Subi Reef) и Мэйцзи (Mischief Reef) – были расширены до искусственных островов площадью в несколько квадратных километров каждый.

Стратегический успех этих преобразований воплощён в создании на них постоянных объектов двойного (военного и гражданского) назначения. На каждом из островов были построены взлетно-посадочные полосы (ВПП) длиной 3000 м, позволяющие принимать все основные типы самолетов ВВС НОАК, в том числе стратегические бомбардировщики H-6K, тяжелые транспортные самолеты Y-20 и истребители различных типов. Кроме того, были созданы и развернуты сопутствующие военные объекты, в частности, глубоководные порты, крупные радиолокационные комплексы, станции связи, а также позиции для зенитно-ракетных комплексов (в частности, HQ-9), противокорабельных крылатых ракет и десятки укрепленных ангаров для авиационной техники. Завершение строительства этих объектов превратило данные искусственные острова в подлинные «непотопляемые авианосцы»[260].

---

[259] Asia Maritime Transparency Initiative: Programs and Projects [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. – 2026. – URL: https://www.csis.org/programs/asia-maritime-transparency-initiative (Дата обращения: 12.06.2026).

[260] Министерство обороны отвечает на развертывание ракет на островах и рифах Южно-Китайского моря: оружие было развернуто много лет назад [Электронный ресурс] // CNR.cn. – 2016. – URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20160218/t20160218_521408502.shtml (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 央广网. 国防部回应南海岛礁部署导弹:多年前就部署武器.

Остров Юншу в Южно-Китайском море: восхождение военного гегемона! Плотное размещение ракет и радаров создает несокрушимую линию обороны! [Электронный ресурс] // China.com. – 2025. – URL: https://m.toutiao.com/group/7570727858826396203/?upstream_biz=doubao (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 南海永暑岛:军事霸主崛起!密集导弹与雷达构筑坚不可摧的防线!

США внезапно осознали: «живые мишени» Китая в Южно-Китайском море на самом деле являются первоклассной ловушкой для изматывания американской армии [Электронный ресурс] // China.com. – 2026. – URL: https://mkan.china.com/article/6492561.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 美国猛然惊醒:中国在南海的“活靶子”，竟是耗死美军的顶级陷阱.

Острова и рифы Наньша превратились из необитаемых островов в стратегически важные объекты: за 30 лет было намыто 1317 квадратных километров [Электронный ресурс] // China.com. – 2026. – URL: http://www.shtAvailable from.cc/16dfa64737e0c0553da40565795a5a47 (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.).

Геостратегическое значение этих действий носит прорывной характер. Во-первых, это позволило Народно-освободительной армии Китая (НОАК) впервые получить в центральной части Южно-Китайского моря, на удалении более чем в 1000 км от материковой части страны, стратегические опорные пункты для развертывания на постоянной основе военно-морских и военно-воздушных сил[261]. Это коренным образом изменило прежнюю затруднительную ситуацию, когда ВМС и ВВС НОАК из-за ограниченного радиуса действия не могли поддерживать постоянное военное присутствие в южной части Южно-Китайского моря, и многократно повысило возможности КНР в области мониторинга обстановки, сбора разведывательных данных и оперативного реагирования в морском и воздушном пространстве региона. Во-вторых, это создало необратимый свершившийся факт (fait accompli). Несмотря на то что ВМС США, ссылаясь на международное право, могут регулярно направлять военные корабли для проведения «операций по обеспечению свободы судоходства» (Freedom of Navigation Operations, FONOPs), заходя в 12-мильную зону вокруг этих островов с целью оспорить территориальные претензии Китая, такие символические действия уже не в силах изменить физическую реальность существования островов, и тем более не могут помешать функционированию размещённых на них военных объектов. Наконец, эти военные аванпосты, подобно стратегическим клиньям, глубоко

中华网. 南沙岛礁从荒岛变战略要地，耗时 30 年，填海 1317 平方公里.

Почему Южно-Китайское море стало главным полем битвы в противостоянии Китая и США: строительство островов и рифов изменило стратегический расклад [Электронный ресурс] // China.com. – 2025. – URL: https://3g.china.com/act/military/13004177/20250730/48671503.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 南海为何成中美博弈的主战场 岛礁建设改变战略格局.

[261] Ibid.

вонзились в сердце Южно-Китайского моря, существенно сжав пространство для военной деятельности других стран-претендентов и внерегиональных держав. Они создали технические и физические предпосылки для возможного объявления Китаем в будущем «опознавательной зоны ПВО в Южно-Китайском море» (ADIZ) и заложили прочную геополитическую основу для обеспечения безопасности жизненно важных для Китая морских коммуникаций (около 80% импортируемой Китаем нефти транспортируется через Южно-Китайское море)[262]. Посредством этой широкомасштабной строительной деятельности Китай не просто декларировал свой суверенитет, но и, используя инженерную мощь, фактически перекроил сложившуюся в регионе на протяжении многих лет стратегическую карту.

Военно-техническое соперничество КНР и США: анализ эволюции потенциалов и гонки вооружений в ключевых областях

В период после холодной войны военно-техническое превосходство США достигло пика. Технологии «стелс» (F-22, B-2) позволяли преодолевать современные системы ПВО. Эсминцы типа «Арли Бёрк» с системой «Иджис» создавали эшелонированную морскую противовоздушную оборону. Данные преимущества, объединенные в систему C4ISR, обеспечивали реализацию принципа «обнаружил – уничтожил». Это технологическое превосходство лежало в основе американского военного присутствия в АТР и определяло

---

[262] Ibid.

уверенность Вашингтона в возможности вмешательства в региональные процессы.

Для Китая в середине 1991 годов это технологическое отставание трансформировалось в болезненное стратегическое осознание. В ходе кризиса в Тайваньском проливе руководство НОАК пришло к пониманию, что основные на тот момент образцы вооружений, такие как истребители J-8II и эсминцы типа «Люйда», практически не имели шансов на выживание перед лицом системного превосходства ВС США. Это чувство технологической беспомощности послужило толчком к глубокому стратегическому переосмыслению, результатом которого стало утверждение двух параллельных путей военного строительства. Первое направление — развитие асимметричных средств («убийственный козырь», кит. 杀手锏), предполагающее использование баллистических ракет и иных систем для поражения уязвимых компонентов военной инфраструктуры США (в частности, авианосцев и передовых баз). Второе, более фундаментальное направление, заключается в проведении комплексной модернизации вооружений и военной техники с акцентом на информатизацию с целью достижения технологического паритета с США и последующего превосходства. Если первый путь был тактической мерой для решения насущных проблем, то второй представлял собой фундаментальную стратегию, направленную на достижение долгосрочного стратегического паритета. Именно на основе второго пути и развернулась масштабная программа по догоняющему развитию вооружений, где ВС США выступали в качестве явного «вероятного противника» и «объекта

для изучения».

Модернизация вооружений НОАК не являлась бессистемным нагромождением технологий, но демонстрировала высокую степень системности и целенаправленности. Ориентируясь на ключевые узлы боевых возможностей ВС США, НОАК стремилась совершить прорыв «с нуля» в критически важных областях и перейти к качественному совершенствованию уже имеющихся образцов, с конечной целью достичь или в некоторых аспектах превзойти уровень противника.

В военно-морской сфере наиболее значимым достижением стал официальный переход Китая в «эпоху двух авианосцев» и предварительное формирование авианосных ударных групп, способных действовать в дальней морской и океанской зонах. После того как первый авианосец «Ляонин» (перестроенный из бывшего советского крейсера «Варяг», введён в строй в 2012 г.) послужил платформой для научных исследований, подготовки кадров и накопления ключевого опыта, в декабре 2019 года ВМС НОАК был официально передан первый авианосец, полностью спроектированный и построенный в Китае, – «Шаньдун». Это ознаменовало полное освоение Китаем технологий самостоятельного строительства средних авианосцев с обычной силовой установкой, что стало историческим прорывом. Значительный качественный рост продемонстрировали также корабли эскорта авианосных групп. Свидетельством высокого уровня развития китайского надводного кораблестроения стало серийное строительство и принятие на вооружение крупных эсминцев с управляемым ракетным оружием (УРО) типа 055, которые

в классификации Министерства обороны США отнесены к классу «крейсер». Корабль водоизмещением более 12 000 тонн оснащён передовой двухдиапазонной активной фазированной антенной решёткой и 112-ячеечной универсальной установкой вертикального пуска, способной применять широкий спектр ракет – зенитных, противокорабельных, противолодочных и для ударов по наземным целям. Его совокупные боевые возможности, по общему признанию международных военных экспертов, достигли высочайшего мирового уровня и даже в некоторых аспектах превосходят американские крейсера типа «Тикондерога»[263]. Авианосные соединения, ядром которых являются эсминцы типа 055, эсминцы типа 052D и фрегаты типа 054A, позволили ВМС Китая обрести начальные возможности для выполнения разнообразных задач за пределами второй цепи островов. Темпы кораблестроения в Китае в этот период были настолько поразительными, что получили у зарубежных наблюдателей прозвище «спуск пельменей на воду»: только в 2019 году совокупный тоннаж спущенных на воду кораблей превысил годовой показатель многих традиционных военно-морских держав (таких как Франция или Германия), что обеспечило прочную материальную базу для быстрого наращивания военно-морской мощи.

В военно-воздушной сфере историческим прорывом стало официальное принятие на вооружение и формирование боеспособности истребителя пятого поколения J-20. Приняв на вооружение в 2017 г. истребитель J-20, КНР стала второй страной в мире после США (разработавших F-22 и F-35), которая

[263] Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2021 [Электронный ресурс] // Annual Report to Congress – 2021. – URL: https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

самостоятельно создала и ввела в эксплуатацию истребитель пятого поколения[264]. Появление J-20 привело к существенному изменению баланса сил в воздушном пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. Оно означает, что долгосрочное превосходство в воздухе США и их союзников, основанное на технологическом разрыве в поколение между малозаметными и обычными истребителями, впервые столкнулось с равноценным вызовом со стороны Китая. В потенциальном конфликте будущего J-20, благодаря своим характеристикам малозаметности, способности к сверхзвуковому крейсерскому полёту и передовой авионике, сможет выполнять задачи по «прорыву» обороны противника, уничтожать такие высокоценные воздушные цели, как самолеты ДРЛО и воздушные танкеры, парализуя тем самым систему боевого управления противника. Кроме того, массовое поступление на вооружение тяжёлого военно-транспортного самолёта Y-20, получившего неофициальное прозвище «Толстушка», значительно повысило потенциал стратегической переброски сил НОАК, позволив в течение нескольких часов доставлять тяжёлую технику и материальные средства на расстояние в несколько тысяч километров и обеспечив незаменимую поддержку для дальнего развёртывания и глобальных операций вооружённых сил[265].

Модернизация вооружённых сил Китая вызывает всё большую настороженность со стороны США, в результате чего обе страны оказались

---

[264] China’s J-20 stealth fighter joins the PLA air force [Электронный ресурс] // South China Morning Post. – 2017. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2077595/chinas-j-20-stealth-fighter-enters-air-force-service (дата обращения: 19.10.2023).

[265] Стратегический транспортный самолёт Y-20: формирование глобальной доставочной способности ВВС Китая [Электронный ресурс] // авт.-сост. ред. колл. портала Toutiao. – 2026. – URL: http://m.toutiao.com/group/7607980105050145326/ (дата обращения 19.02.2026). (на кит. яз.). 运 - 20 列装过百架，意味着中国战略投送能力已从 “区域覆盖” 跃升为 “全球到达”.

втянуты в структурную гонку вооружений. Данная гонка демонстрирует ярко выраженные черты современной эпохи и оказывает глубокое влияние на региональную безопасность.

Характерная черта №1: качественное соперничество и прямое противоборство в высокотехнологичных областях.

В отличие от периода холодной войны, когда акцент делался на количественных показателях, современное противостояние разворачивается в сфере высоких технологий. Ключевыми областями соперничества являются создание истребителей пятого поколения, современных надводных кораблей, гиперзвукового оружия, систем на основе искусственного интеллекта, а также наращивание потенциалов в космической и кибернетической сферах. Любой технологический прорыв США незамедлительно провоцирует ответные разработки со стороны Китая, будь то симметричные или асимметричные, и наоборот. Например, в ответ на китайские «убийцы авианосцев» (противокорабельные баллистические ракеты) ВМС США разрабатывают концепцию «распределённых морских операций» (Distributed Maritime Operations), стремясь повысить живучесть за счёт рассредоточения сил. Такое спиралевидное развитие технологий в цикле «нападение-оборона» является ключевой движущей силой нынешнего витка гонки вооружений.

Характерная черта №2: высокая стоимость и фискальная война на истощение.

Высокая стоимость разработки и закупки перспективных систем вооружений (F-35, B-21, ПЛАРБ «Колумбия» для США; J-20, эсминцы типа 055

для КНР) формирует существенную нагрузку на национальные экономики. Таким образом, технологическое соперничество трансформируется в долгосрочное состязание совокупной мощи, научно-технических баз и устойчивости государственных систем обеих стран.

Данный процесс имеет ряд последствий для региональной безопасности, ключевыми из которых являются снижение стратегической стабильности и повышение рисков прямого столкновения.

Во-первых, выравнивание военных потенциалов КНР и США приводит к постепенной утрате американского военного доминирования в АТР. Рост потенциала НОАК в области A2/AD повышает издержки для США при гипотетическом вмешательстве в региональные конфликты (например, в Тайваньском проливе), что снижает эффективность американской политики сдерживания.

Во-вторых, в условиях приближающегося паритета сил возрастает риск неверной оценки намерений противника, что может спровоцировать одну из сторон на превентивные действия для получения временного преимущества.

В-третьих, активизируются процессы в системе альянсов. США интенсифицируют военную интеграцию с союзниками (Япония, Австралия), стимулируя их к наращиванию собственного наступательного потенциала. Это воспринимается КНР как прямая угроза и усиливает ответные меры, формируя классическую «дилемму безопасности» и интенсифицируя гонку вооружений в регионе.

Соперничество Китая и США за глобальное военное лидерство: географическое измерение

После 2013 года географические границы военного соперничества между Китаем и США были окончательно размыты. Конкуренция перестала быть ограничена «небольшим пространством» в пределах первой цепи островов и распространилась на Индийский океан, Африканский Рог и даже на «задний двор» Европы. Знаковым событием этого сдвига стало создание Китаем своей первой заморской базы обеспечения в Джибути, а также всё более рутинное взаимное сопровождение военно-морских сил двух стран в глобальном масштабе.

1 августа 2017 года состоялось официальное открытие базы обеспечения Народно-освободительной армии Китая в Джибути. Несмотря на то что официальный Пекин осмотрительно определяет её как «базу обеспечения» (кит. 保障基地), предназначенную для выполнения логистических задач в рамках антипиратских миссий в Аденском заливе, миротворческих операций в Африке и гуманитарных миссий, а не как полноценную военную «базу» (кит. 军事基地), это терминологическое различие не может скрыть её эпохального стратегического значения[266]. Это первый в истории КНР реальный заморский военный форпост, ставший как символическим, так и практическим прорывом, нарушившим долгосрочный принцип «неразмещения войск за рубежом и невступления в альянсы».

---

[266] China formally opens first overseas military base in Djibouti [Электронный ресурс] // Reuters. – 2017. – URL: https://www.reuters.com/article/us-china-djibouti-idUSKBN1AG3I5 (дата обращения: 19.10.2023).

Для США выбор Китаем Джибути в качестве своей «первой остановки» на пути к глобальному военному присутствию сам по себе несёт мощный геополитический сигнал:

Джибути расположена у входа в Красное море и контролирует Баб-эль-Мандебский пролив, соединяющий Средиземное море с Индийским океаном. Это один из самых оживлённых и стратегически значимых морских коридоров в мире, являющийся жизненно важной артерией для торговли между Европой и Азией, в особенности для поставок ближневосточной нефти в Восточную Азию. Ранее военная безопасность этого ключевого водного пути обеспечивалась преимущественно западными военно-морскими силами во главе с США. Создание здесь китайской базы свидетельствует о решимости Пекина взять безопасность своих энергетических и торговых путей в собственные руки, более не полагаясь исключительно на «общественное благо» в виде безопасности, предоставляемой другими державами.

Ещё большую настороженность в Вашингтоне вызывает тот факт, что китайская база обеспечения находится всего в нескольких километрах от крупнейшей и ключевой военной базы США в Африке – Кэмп-Лемонье (Camp Lemonnier). Расположение в непосредственной близости американской военной базы Кэмп-Лемонье, являющейся ключевым объектом AFRICOM для проведения контртеррористических и разведывательных операций, и пункта обеспечения ВМС НОАК в Джибути формирует уникальную ситуацию прямого соприкосновения военных инфраструктур США и КНР.

С одной стороны, это создает условия для ведения сторонами

радиоэлектронной разведки и контрразведывательной деятельности. С другой – повышает риски непреднамеренных инцидентов и формирует потенциальный очаг напряженности в рамках глобального военного соперничества. Обеспокоенность американской стороны рисками утечки информации и возможными ограничениями свободы действий ВС США в регионе была официально зафиксирована в докладе Министерства обороны Конгрессу[267].

Вне зависимости от официального статуса, данный объект является для ВМС НОАК стратегически значимым заморским пунктом материально-технического обеспечения. Она позволяет корабельным группам ВМС НОАК осуществлять длительное развёртывание в Индийском океане и более отдалённых акваториях без необходимости в долгом и дорогостоящем пополнении запасов в открытом море. Это обеспечивает военное прикрытие для защиты растущих заморских интересов Китая (граждан, инвестиций, проектов) вдоль морских маршрутов инициативы «Один пояс и один путь», тем самым приводя в соответствие «экономический след» и «след в сфере безопасности».

Создание базы в Джибути является микрокосмом трансформации ВМС НОАК в глобальную силу. В этом контексте модель взаимодействия военно-морских сил Китая и США также претерпела коренные изменения. Если в прошлом их контакты на близком расстоянии происходили в основном в прибрежных водах Китая, таких как Южно-Китайское море, то после 2013 года подобное слежение, наблюдение и взаимодействие, напоминающее «игру в

[267] People’s Republic of China 2019 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2019. – URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

кошки-мышки», становится всё более обыденным явлением в мировом масштабе.

Антипиратские операции в Аденском заливе некогда были образцом сотрудничества между ВМС Китая и США. Однако по мере обострения соперничества под видимостью сотрудничества стало скрываться повсеместное взаимное наблюдение. При выполнении задач по сопровождению конвоев корабли обеих сторон используют различные технические средства для сбора информации об акустических сигнатурах, электронных параметрах и оперативных процедурах друг друга. Такая модель «конкуренции в рамках сотрудничества» стала новой нормой во взаимодействии двух флотов.

В глазах США, ВМС Китая начали более целенаправленно заходить в акватории, традиционно считавшиеся сферой влияния Соединённых Штатов и их союзников, для «демонстрации силы». В июле 2017 года корабельная группа ВМС НОАК впервые провела совместные с ВМФ России учения «Морское взаимодействие – 2017» в Балтийском море[268]. Этот шаг, расценённый как проникновение в «тыл» НАТО, привлёк пристальное внимание западного мира и был истолкован как мощный политический сигнал о совместном вызове со стороны Китая и России морскому порядку, в котором доминируют США. Аналогичным образом, корабли ВМС НОАК всё чаще появляются в Средиземном и Чёрном морях и даже в международных водах вблизи Аляски, выполняя визиты, участвуя в учениях или ведя разведывательную деятельность.

---

[268] China, Russia to hold joint naval drills in Baltic Sea [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/21/c_136462719.htm (дата обращения: 19.10.2023).

С расширением географии деятельности ВМС НОАК, слежение и наблюдение за ними со стороны ВМС США также приобрело глобальный охват. Американские противолодочные самолёты P-8A «Посейдон», различные надводные корабли и атомные подводные лодки осуществляют постоянное «сопровождение» развёртывания китайских корабельных групп по всему миру. Каждый дальний поход ВМС Китая становится практической проверкой возможностей обеих стран в области радиоэлектронной разведки, противолодочной борьбы и контрразведки. Данная форма некинетического противостояния на море, выраженная во взаимном оперативном сопровождении и маневрировании, стала одним из ключевых проявлений военного соперничества двух держав.

Трансформация китайско-американского соперничества в тайваньском вопросе (2013–2025 гг.)

В постбиполярный период тайваньский вопрос являлся ключевым, но управляемым аспектом китайско-американских отношений. До 2013 г. его стабильность обеспечивалась «консенсусом 1992 года» и сложившейся системой политических договоренностей. Ситуация качественно изменилась после 2013 г., когда сочетание трех факторов — провозглашение в КНР курса на «национальное возрождение», переход Вашингтона к политике «стратегического соперничества» и внутриполитические процессы на Тайване — привело к переходу проблемы из латентной фазы в эпицентр двустороннего

противостояния. Она больше не является просто деликатным вопросом в китайско-американских отношениях, а превратился в ключевую точку опоры и высокорисковую горячую точку для всестороннего противостояния между двумя странами, охватывающего геостратегическое позиционирование, военный потенциал, политическую волю.

Перед лицом быстрой модернизации военного потенциала материкового Китая и его все более напористой позиции в регионе, американские политики начали пересматривать эффективность своей давней политики «стратегической неопределенности» в отношении Тайваня. Вашингтон утверждает, что старая неоднозначная стратегия – воздержание от явного обязательства по военному вмешательству в конфликт в Тайваньском проливе – в прошлом успешно сдерживала как Пекин, так и Тайбэй. Однако в условиях нового баланса сил ее сдерживающий эффект ослабевает. В результате США инициировали стратегию, широко известную как «салями-срезание» (Salami-Slicing). Ее суть заключается в постепенном повышении существенного и официального статуса отношений между США и Тайванем посредством ряда законодательных, дипломатических и военных действий, без формального отхода от принципов политики «одного Китая». Этот подход направлен на «выхолащивание» или «десубстанциализацию» основных положений этой политики.

Конгресс США сыграл ведущую роль в этом раунде стратегических изменений. Начиная с 2018 г. в США была активизирована законодательная работа, направленная на укрепление отношений с Тайванем и создание для этого прочной правовой базы. Ключевыми в этом процессе стали два акта.

Закон о поездках на Тайвань (Taiwan Travel Act, 2018 г.) снял ранее существовавшие ограничения на официальные визиты, разрешив посещение острова американскими должностными лицами всех уровней, включая представителей кабинета и высшего военного командования. Тем самым были устранены правовые барьеры для контактов и фактически дезавуированы неформальные «красные линии», которых Вашингтон придерживался десятилетиями[269].

Закон об инициативе по укреплению безопасности в Азии (Asia Reassurance Initiative Act, ARIA, 2018 г.) интегрировал обязательства перед Тайванем в общую индо-тихоокеанскую стратегию США. Акт подтвердил гарантии безопасности и институционализировал механизм регулярных поставок вооружений Тайваню[270].

Принятие закона Тайбэй (TAIPEI Act, 2020г.). Этот закон, официально названный «Законом о международной защите и укреплении союзников Тайваня», уполномочивает исполнительную власть США рассмотреть возможность «сокращения экономического, дипломатического и сотрудничества в сфере безопасности» со странами, которые предпринимают действия, наносящие ущерб Тайваню или подрывающие его международное участие. Это первый случай, когда Соединенные Штаты закрепили «защиту международного пространства Тайваня» в качестве явной цели внешней политики в рамках внутреннего законодательства, прямо противодействуя

---

[269] Taiwan Travel Act, 2018 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2018. – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text (Дата обращения: 07.02.2025).

[270] Asia Reassurance Initiative Act, ARIA, 2018 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2018. – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736/text. (Дата обращения: 07.02.2025).

усилиям Пекина по изоляции Тайбэя на международном уровне[271].

Эти законодательные акты в совокупности образуют прочную правовую базу, обеспечивающую высокую степень согласованности и межпартийного консенсуса в вопросах корректировки политики США в отношении Тайваня, а не просто принятие мер, выгодных для отдельной администрации.

При поддержке правовой базы исполнительная власть США приступила к систематическому укреплению официальных взаимоотношений с Тайванем. Это проявилось в различных формах. В 2020 году тогдашний министр здравоохранения и социальных служб США Алекс Азар и заместитель госсекретаря Кит Крах последовательно посетили Тайвань, став самыми высокопоставленными членами кабинета министров США, посетившими остров с 1979 года[272]. Ярким примером такой полемики стал визит спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в регион Китая Тайвань 2 августа 2022 года. Она осуществила этот визит, несмотря на неоднократные торжественные предупреждения и решительное противодействие со стороны Китая[273]. С тех пор визиты членов Конгресса, бывших высокопоставленных чиновников и даже действующих губернаторов стали частым явлением. Символическое значение этих визитов значительно превосходило

---

[271] Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act, TAIPEI Act, 2020 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4700/text (Дата обращения: 07.02.2025).

[272] U.S. Department of Health and Human Services. Press Release: Secretary Azar to Lead Delegation to Taiwan to Strengthen Global Health Partnerships [Электронный ресурс] // U.S. Department of Health and Human Services. – 2020. – URL: https://www.hhs.gov/about/news/2020/08/04/secretary-azar-to-lead-delegation-to-taiwan-to-strengthen-global-health-partnerships.html. (Дата обращения: 07.02.2026).

[273] Заявление МИД КНР в связи с визитом спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на китайский Тайвань от 2 августа 2022 г. [Электронный ресурс] // МИД КНР. – 2022. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zwx/202208/t20220803_10732847.htm (дата обращения: 23.01.2026). (на кит. яз.) 中华人民共和国外交部声明.

содержательные дискуссии, поскольку их основной целью было донести до Пекина и всего мира политический сигнал о том, что «отношения между США и Тайванем прочные как скала».

Наиболее ощутимые и важные изменения произошли на военном уровне. Цель США сместилась с простой «продажи оружия» к более глубокому «наращиванию потенциала» и «комплексному сдерживанию».

Администрации Трампа и Байдена нормализовали продажу оружия Тайваню, отказавшись от объединения нескольких проектов в один большой пакет, чтобы не провоцировать Пекин. Вместо этого они теперь утверждают продажи в индивидуальном порядке. Содержание этих продаж также стало более целенаправленным, с акцентом на системы вооружений, которые укрепляют развитие асимметричных возможностей Тайваня. Это направлено на создание оборонительных позиций, которые затрудняют противникам проведение успешного десантного наступления[274]. Свидетельством качественного изменения военного сотрудничества США и Тайваня, которое перестало ограничиваться поставками вооружений, стали подтвержденные СМИ факты участия американского спецназа и морской пехоты в обучении тайваньских военнослужащих. Новым содержанием взаимодействия стали вопросы тактической подготовки, разработки нормативных актов и оперативных доктрин[275].

---

[274] National Defense Strategy of the United States of America 2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2022. – URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2022-National-Defense-Strategy.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

[275] Press Briefing by Assistant Secretary of Defense for Indo-Pacific Security Affairs Randall Schriver [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2019. – URL: https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1864230/press-briefing-by-assistant-secretary-of-defense-for-indo-pacific-security-affairs/ (Дата обращения: 07.02.2026).

Одновременно США интенсифицировали проходы своих военных кораблей через Тайваньский пролив, квалифицируя их как «операции по обеспечению свободы судоходства» (FONOP). Целями данных операций являются оспаривание юрисдикционных претензий КНР на пролив, подтверждение его статуса международного водного пути и демонстрация союзникам в регионе американской решимости и возможностей по поддержанию своего присутствия[276].

Столкнувшись с неустанным давлением со стороны США и меняющейся политической обстановкой на Тайване, Пекин принял стратегию контрнаступления, направленную на возвращение стратегической инициативы. Эта стратегия сочетает в себе высокоинтенсивное военное сдерживание, дипломатическую сдерживающую политику, экономическое давление и правовые утверждения. Ее основные цели двояки: внешне – четко обозначить красные линии, тем самым увеличив затраты и риски внешнего вмешательства; внутри страны – сдержать сепаратистские тенденции на острове и создать благоприятные условия для окончательного воссоединения.

Поэтому в настоящее время Китай уделяет большое внимание нормализации и операционализации военного сдерживания. Это является наиболее заметным элементом стратегии контрмер Пекина. Народно-освободительная армия (НОА) продемонстрировала заметную эскалацию своей деятельности. Самолеты Народно-освободительной армии, в том числе истребители, бомбардировщики и самолеты раннего предупреждения,

---

[276] Freedom of Navigation Report 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2021. – URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/FON-Report-2020.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

начали крупномасштабные плановые вторжения в юго-западную часть так называемой зоны опознавания воздушной обороны (ADIZ) Тайваня[277]. Масштаб этих флотов расширился с первоначального развертывания нескольких самолетов до планового участия десятков и даже более ста самолетов в определенные политические моменты (например, во время визитов высокопоставленных должностных лиц США на Тайвань).

Цели этих операций многогранны:

Истощение военных ресурсов Тайваня: длительные оперативные развертывания значительно истощили материально-технические возможности ВВС Тайваня, сократили срок службы оборудования и выносливость пилотов.

Проверка механизмов реагирования: используя различные типы самолетов и маршруты полетов, Китай проверяет системы раннего предупреждения и командования и управления воздушной обороны Тайваня.

Психологическое давление: нормализация военного давления стирает грань между «миром» и «войной», создавая атмосферу неминуемой военной угрозы.

Утверждение суверенитета: «ADIZ» не является воздушным пространством в понимании международного права. Посредством регулярных вторжений Пекин фактически утверждает свои оперативные права над этим воздушным пространством, тем самым отрицая юрисдикцию Тайбэя.

С 2020 года самолеты и военные корабли Народно-освободительной армии Китая начали часто и в больших масштабах пересекать неофициальную

[277] Regularized PLA aircraft activities in the airspace southwest of China's Taiwan region [Электронный ресурс] // Ministry of National Defense of the PRC. – 2023. – URL: https://www.mod.gov.cn/column/tw (Дата обращения: 07.02.2026).

«срединную линию пролива», которая на протяжении десятилетий считалась де-факто военной границей между двумя сторонами. Министерство иностранных дел и Министерство национальной обороны Китая публично отрицают существование какой-либо «средней линии пролива». Эта акция имеет глубокие стратегические последствия и сигнализирует о попытке Пекина в одностороннем порядке изменить военный статус-кво в Тайваньском проливе. Расширение операций НОАК с западной на восточную сторону пролива значительно снижает стратегическую готовность и глубину обороны Тайваня[278].

На международной арене Пекин активизировал свои усилия по блокированию международного участия Тайваня, стремясь лишить его всех символов суверенитета.

С момента вступления Цай Ин-вэнь в должность в 2016 году Пекин успешно убедил Панаму, Доминиканскую Республику, Сальвадор, Соломоновы Острова, Кирибати, Никарагуа и Гондурас разорвать дипломатические отношения с Тайванем и установить отношения с Пекином. Это привело к сокращению числа так называемых «дипломатических союзников» Тайваня до исторического минимума[279].

Используя свое влияние в Организации Объединенных Наций и других международных организациях, Пекин настойчиво блокирует участие Тайваня

---

[278] Statement on the so-called "median line" of the Taiwan Strait [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_655667/zyxw_655669/t1880210.htm (Дата обращения: 07.02.2026).

[279] Diplomatic relations establishment between the PRC and Panama, Dominican Republic, El Salvador, Solomon Islands, Kiribati, Nicaragua, Honduras [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/tw_655724/ (Дата обращения: 07.02.2026).

под любым названием в межправительственных органах, таких как Всемирная ассамблея здравоохранения (WHA) и Международная организация гражданской авиации (ICAO)[280].

Между тем Пекин начал чаще использовать экономические инструменты для достижения своих политических целей. В отличие от прежней практики, направленной исключительно на «принесение пользы Тайваню», нынешняя экономическая политика имеет двойственный характер: «кнут и пряник». С одной стороны, продолжаются усилия по привлечению тайваньских предприятий к инвестированию в материковый Китай. С другой стороны, принимаются целенаправленные меры против отраслей или предприятий на острове, имеющих определенные политические симпатии. Например, под предлогом карантинных мер был приостановлен импорт тайваньских сельскохозяйственных и рыбных продуктов, которые в значительной степени зависят от материкового рынка, таких как ананасы, сахарное яблоко и окунь. Эти действия направлены на то, чтобы посеять раздор в тайваньском обществе, заставив население ощутить на себе прямые экономические последствия выбора другого политического курса.

Очевидно, что эскалация стратегического взаимодействия между Китаем и США по вопросу о Тайване совместно сформировала совершенно новое, весьма неустойчивое стратегическое равновесие – состояние «конфронтационного сосуществования» в регионе Тайваньского пролива.

Стабильность китайско-американских отношений в отношении

---

[280] Participation of Taiwan in ICAO activities [Электронный ресурс] // ICAO. – 2024. – URL: https://www.icao.int/topics/sovereignty-and-territory (Дата обращения: 07.02.2026).

тайваньского вопроса когда-то зависела от негласного консенсуса, хотя и с разными формулировками, вокруг принципа/политики «одного Китая». Нынешние стратегические маневры практически лишили этот консенсус смысла. Соединенные Штаты постоянно усиливают свои действия в отношении Тайваня, в то время как Пекин неуклонно ограничивает автономию Тайваня с помощью военных маневров. Обе стороны своими действиями переопределяют, что составляет «статус-кво» и что является «красными линиями» другой стороны, которые нельзя пересекать. Это привело к тому, что первоначальные «ограждения» стали все более неоднозначными, что значительно повысило риск просчета.

Логика военного равновесия в Тайваньском проливе претерпела фундаментальные изменения. Ранее военной целью США и Тайваня было сдерживание – заставить Пекин признать, что цена начала военных действий будет непомерно высокой. Однако в настоящее время военная модернизация Пекина, в частности, совершенствование его потенциала по противодействию доступу/ограничению доступа (A2/AD), привела к смене цели на «ограничение» – обладание потенциалом, позволяющим предотвратить или задержать военное вмешательство США в случае возникновения конфликта. Это означает, что в случае начала военных действий их масштаб, интенсивность и последствия будут невообразимыми по прошлым меркам.

США, Китай и Тайвань оказались в классической дилемме безопасности. Усилия Вашингтона по «защите» Тайваня посредством укрепления отношений и увеличения поставок оружия воспринимаются Пекином как провокационное

«поощрение сепаратизма», что вынуждает его усиливать военное сдерживание. Однако военное сдерживание Пекина, в свою очередь, интерпретируется Вашингтоном и Тайбэем как подтверждение его намерения «применить силу против Тайваня», что еще больше усиливает необходимость военного сотрудничества между США и Тайванем. Этот самоусиливающийся порочный круг запер все три стороны на пути к усилению конфронтации. Любая попытка одной из сторон укрепить свою безопасность неизбежно снижает чувство безопасности у других, что приводит к постоянному ухудшению общей обстановки в области безопасности.

3.4. Китайско-американское социально-политическое и правовое соперничество: дипломатическая изоляция США и правовые санкции против Китая, ответные меры и контрмеры Китая

В данном параграфе рассматривается социально-политическое и правовое соперничество между Китаем и США в рамках современных межгосударственных отношений. Анализируются механизмы дипломатического давления и правовых санкций США в отношении Китая, а также ответные контрмеры китайской стороны. Особое внимание уделяется следующим вопросам: формирование коалиционных структур и блоковое противостояние на международных площадках, идеологическая конкуренция вокруг тем «прав человека» и «демократии», а также развитие юридических войн между двумя странами.

Формирование коалиций и блоковое противостояние на многосторонних площадках

Во втором десятилетии XXI века в политических кругах Вашингтона в основном завершился процесс фундаментального пересмотра политики в отношении Китая. Стратегическая парадигма предыдущих десятилетий, в основе которой лежала политика «вовлечения» (engagement) с расчётом на то, что интеграция Китая в международную систему приведёт к его внутренней политической эволюции, была повсеместно признана несостоятельной. На смену ей пришла новая, чётко определённая стратегия, стержнем которой стала конкуренция. Перед лицом Китая, демонстрирующего мощную догоняющую динамику в экономическом объёме, военном потенциале и технологических инновациях, в американской элите сформировался консенсус: поддерживать традиционное доминирование в Индо-Тихоокеанском регионе и в глобальном масштабе в одиночку уже не представляется возможным. Вследствие этого произошёл решающий сдвиг стратегического фокуса – от односторонних действий к использованию «силы союзников» в качестве рычага. Целью США стало формирование многоуровневого стратегического окружения Китая через систему альянсов, идеологической основой которых декларировались «общие ценности». Данная стратегия реализовывалась на двух уровнях. Внешний, более инклюзивный уровень «мягкого сдерживания», представлен форматом QUAD. Внутренний уровень, ядро «жёсткого сдерживания», воплотился в партнёрстве AUKUS, сфокусированном на военно-техническом

сотрудничестве[281].

Эволюция QUAD иллюстрирует кристаллизацию индо-тихоокеанской стратегии США. Инициированный в 2007 г. по предложению премьер-министра Японии Синдзо Абэ, диалог вскоре прекратил деятельность из-за выхода из него Австралии и дипломатического давления КНР. Это свидетельствовало об отсутствии у сторон достаточной стратегической воли для поддержания механизма на тот момент. Однако десять лет спустя геополитическая реальность коренным образом изменила расчёты всех участников. Перед лицом всё более решительных действий Китая по милитаризации Южно-Китайского моря, сохраняющейся напряжённости на китайско-индийской границе и экономического давления на Австралию, общее и усилившееся восприятие «китайской угрозы» стало беспрецедентным драйвером для «возрождения» Куад (QUAD). С точки зрения Вашингтона, Токио, Канберры и Нью-Дели, именно активные действия Китая в Южно-Китайском море, напряжённость на китайско-индийской границе и экономические разногласия между Пекином и Канберрой стали основными причинами усиления восприятия «китайской угрозы» и последующего возрождения формата Куад (QUAD)[282]. С момента его возобновления по инициативе администрации Трампа в 2017 году в кулуарах Восточноазиатского

---

[281] Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Электронный ресурс] // the White house – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/ (дата обращения: 19.10.2023).

[282] Indo-Pacific Strategy Report [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. – 2021. – URL: https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002826425/-1/-1/0/INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2021.PDF.
Australian Government. Defence Strategic Review [Электронный ресурс] // Australian Government. – 2023. – URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2023-04/defence-strategic-review-2023.pdf.
Defense White Paper 2022 [Электронный ресурс] // Japanese Ministry of Defense. – 2022. – URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2022/index.html.

саммита в Маниле, процесс институционализации Куад (QUAD) значительно ускорился, а траектория его развития стала чётко прослеживаемой:

От чиновников к политикам: первоначальное возрождение представляло собой зондирующие контакты на уровне должностных лиц. Первая встреча на уровне министров иностранных дел в сентябре 2019 года в кулуарах Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке ознаменовала официальный переход Куад (QUAD) под управление политиков министерского ранга, что подтвердило его политический статус[283]. Повышение статуса QUAD до уровня глав государств стало ключевым шагом администрации Дж. Байдена: после первого виртуального саммита в марте 2021 г. последовала очная встреча лидеров в Белом доме в сентябре того же года. Этот переход от министерского формата означал переход к личной координации стратегии в отношении КНР на высшем уровне, что качественно усилило политические обязательства сторон и интенсивность их реализации[284].

Особенностью подхода QUAD является содержание его публичной повестки. В официальных заявлениях практически отсутствуют прямые выпады против Китая. Акцент смещается на такие направления, как «вакцинная дипломатия», выработка технологических стандартов («демократическим ценностям» должны соответствовать стандарты 5G, ИИ и др.), климат и инфраструктура. Суть данной стратегии заключается в публичном

---

[283] Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act, TAIPEI Act, 2020 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4700/text (Дата обращения: 07.02.2026).

[284] Quad Leaders' Virtual Summit Joint Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-virtual-summit-joint-statement/ (Дата обращения: 07.02.2026).

позиционировании QUAD в качестве конструктивной силы, нацеленной на обеспечение региональных «общественных благ», а не в качестве военно-политического блока. Это не только формирует позитивный имидж диалога, но и снижает настороженность со стороны государств Юго-Восточной Азии, стремящихся избежать вовлечения в американо-китайское противостояние, что облегчает США консолидацию региональных партнёров.

После 2021 года деятельность Куад (QUAD) перешла от этапа формирования к фазе практической реализации и институционализации. Последующие саммиты лидеров в Токио (2022 г.) и Хиросиме (2023 г.) закрепили регулярность встреч на высшем уровне и расширили повестку[285]. Ключевым нововведением стало дополнение повестки в области безопасности экономическим компонентом. В мае 2022 года президент Байден официально запустил «Индо-Тихоокеанскую экономическую рамочную программу» (IPEF), в которую вошли все члены Куад (QUAD) и ряд других региональных стран[286]. IPEF была задумана как прямой экономический противовес китайской инициативе «Один пояс, один путь» и Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (RCEP), сфокусировавшись на установлении стандартов в таких областях, как цифровая торговля, устойчивость цепочек

---

[285] FACT SHEET: On the Launch of the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-on-the-launch-of-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/ (дата обращения: 23.05.2024).
Quad Joint Leaders' Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/ (дата обращения: 23.05.2024).
Quad Leaders' Joint Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/quad-leaders-joint-statement/ (дата обращения: 23.05.2024).

[286] Ibid.

поставок и чистая энергетика[287]. Таким образом, США сформировали двухколейный подход: Куад (QUAD) в качестве основы военно-политического сдерживания, а IPEF – в качестве инструмента для формирования экономических правил в регионе в обход Китая.

Тем не менее, под этой завесой «мягких тем» военная и составляющая безопасности Куад (QUAD) никогда не исчезала, а, напротив, становилась всё более явной. Наиболее убедительным доказательством этого является эволюция совместных военно-морских учений «Малабар» (Malabar). Учения, начинавшиеся как двусторонние американо-индийские, в 2015 году пополнились Японией в качестве постоянного участника. Долгое время участие Австралии оставалось чувствительным вопросом. Однако в 2020 году Индия, наконец, отбросила сомнения и официально пригласила Австралию вернуться, в результате чего в учениях «Малабар» впервые с 2007 года приняли участие все четыре члена Куад (QUAD). С тех пор совместные учения военно-морских сил четырёх стран стали регулярными, а их тематика расширилась от базового сотрудничества на море до сложных сценариев высокотехнологичной противолодочной борьбы и координации действий авианосных ударных групп, при этом условный противник был очевиден. Посредством учений «Малабар» Куад (QUAD) фактически создал платформу для оперативной совместимости военно-морских сил четырёх стран в Индо-Тихоокеанском регионе, сформировав гибкую, неформальную сеть военно-морского сотрудничества. Таким образом, методом «мягкого сдерживания» оказывается системное

---

[287] Ibid.

противодействие растущей морской мощи Китая в данном регионе[288].

Создание АУКУС (AUKUS): формирование «жёсткого ядра» англосаксонского военного альянса.

Если деятельность Куад (QUAD) ещё сохраняла определённую степень двусмысленности и гибкости, то сенсационное объявление о создании АУКУС (AUKUS) 15 сентября 2021 года окончательно сорвало все маски, обнажив «жёсткую» сущность соперничества великих держав. Это новое трёхстороннее партнёрство в области безопасности, заключённое между Австралией, Великобританией и США, само по себе стало тщательно спланированным геополитическим блицкригом. Оно напрямую привело к разрыву Австралией многомиллиардного контракта с Францией на поставку неатомных подводных лодок (что министр иностранных дел Франции Жан-Ив Ле Дриан в гневе назвал «ударом в спину») и спровоцировало редкий по своей остроте дипломатический кризис между союзниками по НАТО[289].

Суть АУКУС (AUKUS) заключается в совместных усилиях США и Великобритании по оказанию помощи Австралии в строительстве флота, состоящего как минимум из восьми атомных ударных подводных лодок

---

[288] Exercise Malabar: History and Developments [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2860460/exercise-malabar-2020-concludes-with-quad-member-participation/ (Дата обращения: 07.02.2026).
Ministry of Defence. Australia to join Malabar 2020 naval exercise [Электронный ресурс] // Government of India, Ministry of Defence. – 2020. – URL: https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1663262 (Дата обращения: 07.02.2026).
Ministry of Defense. Japan’s permanent participation in Exercise Malabar [Электронный ресурс] // Government of Japan, Ministry of Defense. – 2015. –URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/exercise/malabar.html (Дата обращения: 07.02.2026).

[289] Joint Leaders Statement on AUKUS [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/ (дата обращения: 24.05.2024).
France says Australia, U.S. liaised in secret over sub deal, a 'stab in the back' [Электронный ресурс] // Reuters. – 2021. – URL: https://www.reuters.com/world/france-says-australia-us-liaised-secret-over-sub-deal-stab-back-2021-09-16/ (дата обращения: 24.05.2024).

(SSN)[290].

Революционное значение этого сотрудничества проявляется в следующем:

Решимость пересечь «ядерный порог»: это первый случай с момента подписания американо-британского Соглашения о взаимной обороне в 1958 году, когда США делятся с третьей стороной своими высокочувствительными технологиями ядерных силовых установок. Этот шаг, нарушивший более чем 60-летнюю практику, стал недвусмысленным сигналом Пекину: ради сохранения военного превосходства в Индо-Тихоокеанском регионе Соединённые Штаты готовы переступить через важнейшие технологические и барьеры, связанные с нераспространением ядерного оружия[291].

Военный потенциал, меняющий правила игры: принципиальное отличие атомных подводных лодок от неатомных заключается в их практически неограниченной автономности и повышенной скрытности. После оснащения атомными подводными лодками ВМС Австралии смогут осуществлять длительное, высокоинтенсивное патрулирование в режиме скрытности, вести разведку и боевое дежурство в акватории Южно-Китайского моря, которую Китай рассматривает как зону своих коренных интересов, и даже в более северных водах, без необходимости частого всплытия для зарядки аккумуляторов или возвращения на базу для пополнения запасов. Это

---

[290] FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/ (дата обращения: 24.05.2024).

[291] AUKUS: Nuclear Submarine Cooperation and Nonproliferation Issues [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. – 2023. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12036 (Дата обращения: 07.02.2026).

1958 US-UK Mutual Defense Agreement: Nuclear Propulsion Information Sharing [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 1958 (updated 2021). – URL: https://www.state.gov/1958-us-uk-mutual-defense-agreement/ (Дата обращения: 07.02.2026).

превращает Австралию из союзника США, ориентированного на оборону собственной территории, в передовую военную силу, способную выполнять наступательные задачи внутри китайской зоны «ограниченного доступа» (A2/AD). Программа подводных лодок в рамках АУКУС (AUKUS) является, по сути, ответом в стиле «контр-ограничения доступа» на китайскую стратегию «ограничения доступа», нацеленным на то, чтобы в потенциальном будущем конфликте подводные силы США и их ключевых союзников смогли бы прорвать оборонительные системы Китая[292]. Сотрудничество в рамках АУКУС (AUKUS) выходит далеко за рамки подводных лодок. Соглашение AUKUS охватывает военно-техническое сотрудничество в таких определяющих сферах, как кибербезопасность, искусственный интеллект, квантовые вычисления, подводные беспилотные системы и гиперзвуковое оружие. Альянс носит эксклюзивный характер и базируется на англосаксонских участниках разведывательного сообщества «Пять глаз». Этот факт демонстрирует, что в наиболее передовых и чувствительных оборонных технологиях США готовы взаимодействовать лишь с союзниками, с которыми их связывает историческая

---

[292] AUKUS: Announcement on Nuclear-Powered Submarine Cooperation [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/aukus-announcement-on-nuclear-powered-submarine-cooperation/ (Дата обращения: 07.02.2026).
Department of Defence. AUKUS Nuclear-Powered Submarine Program (SSN-AUKUS) [Электронный ресурс] // Government of Australia, Department of Defence. – 2024. – URL: https://www.defence.gov.au/aukus/submarines (Дата обращения: 07.02.2026).
Ван Шисюэ. Логика альянса AUKUS и его влияние на региональную безопасность [Электронный ресурс] / Ван Шисюэ, Чэнь Цзин // Вестник Ляонинского университета (Философия и социальные науки). – 2023. – № 6. – С. 138-148. – URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=BS9n4-32l9u1J5-q2fE97Yh2K9LpQ-I_zR8K1Dk3t-tS0GvY7uK2xP7N4b3hHlD1s-j6-l0U3P3w-M8_H1VnIeICh-49o9xL8nI0k&uniplatform=NZKPT (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 王世学, 陈婧. AUKUS 同盟逻辑及其地区安全影响.
Юань Чжэн. AUKUS: стратегические намерения и влияние [Электронный ресурс] / Юань Чжэн // Китайский институт международных исследований (CIIS) : [сайт]. – 2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yj/202109/t20210924_7381.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 袁征. AUKUS：战略意图与影响.

и культурная общность.

Создание AUKUS является проявлением нового этапа в стратегии сдерживания Китая со стороны США, который характеризуется переходом от построения геополитических коалиций к созданию технологических барьеров, рассчитанных на несколько поколений военной техники. Конечной целью является обеспечение устойчивого технологического превосходства западного блока над КНР в контексте долгосрочной военно-технической конкуренции.

В условиях формирования Соединёнными Штатами сети альянсов, основанных на принципе «общих ценностей», ответная стратегия Китая характеризуется прагматизмом и долгосрочным планированием. Её основой является не прямое противостояние американской союзнической системе, а стратегия институционального хеджирования (institutional hedging). Данный подход включает два компонента. Первый — укрепление потенциала и международного статуса незападных многосторонних форматов, где Китай занимает центральное положение (ШОС, БРИКС). Второй — формирование на глобальных платформах, в частности в ООН, группы государств, способной блокировать инициативы Запада через управление повесткой, конструирование собственного дискурса и мобилизацию поддержки стран «Глобального Юга». Первый компонент данной стратегии заключается в углублении сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС. В основе этого подхода лежит понимание, что достижение стратегической автономии в системе, где доминируют США, требует создания институциональных платформ, функционирующих вне зависимости от западного контроля. Такие структуры способны выступать как в

качестве инструментов для продвижения национальных интересов КНР, так и в качестве площадок для формирования альтернативных международных норм, конкурирующих с западными. ШОС и БРИКС – две организации с различным происхождением и функциями – после 2013 года были наделены Китаем более важной стратегической миссией, став двумя опорами в продвижении концепции многополярного мирового порядка и в хеджировании американской односторонности.

Эволюция ШОС является классическим примером того, как Китай постепенно трансформирует региональный механизм, изначально ориентированный на решение конкретных пограничных и антитеррористических задач, в геополитический блок, обладающий глобальным влиянием. После 2013 года формирование Китаем ШОС проявлялось в основном на трёх уровнях:

Экспорт и закрепление концепции безопасности: в рамках ШОС Китай неустанно продвигает свою новую концепцию «всеобщей, комплексной, совместной и устойчивой безопасности»[293]. Суть этой концепции заключается в явном неприятии военных союзов в духе холодной войны и игр с нулевой суммой, а также в поддержке разрешения споров путём диалога и консультаций, и в совместном противодействии «трём силам зла» (терроризму, сепаратизму и экстремизму), а также таким нетрадиционным угрозам безопасности, как наркотрафик и киберпреступность. Это повествование формирует явную нормативную конкуренцию с архитектурой безопасности США, основанной на

[293] Beijing Declaration: Shanghai Cooperation Organization – Common, Comprehensive, Cooperative and Sustainable Security Concept [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – 2024. – URL: https://www.sectsco.org/documents/security_cooperation/ (Дата обращения: 07.02.2026).

военных альянсах. Например, регулярно проводимые странами-членами ШОС совместные антитеррористические учения серии «Мирная миссия» нацелены на укрепление потенциала совместных действий в области нетрадиционной безопасности. Это составляет явный контраст с учениями «Малабар», которые часто проводят США, Япония, Австралия и Индия, и которые проходят на фоне сценариев высокотехнологичных морских и воздушных боёв, что указывает на их принципиально иной характер и стратегическую направленность[294].

Геополитический эффект исторического расширения: официальное принятие Индии и Пакистана в члены организации на саммите ШОС в Астане в 2017 году стало важнейшим геополитическим событием в её истории. Этот шаг превратил ШОС в «суперорганизацию», охватывающую почти половину населения мира и расположенную в сердце Евразийского континента. Для Китая стратегическая ценность этого расширения многогранна: во-первых, оно значительно повысило международную репрезентативность и вес ШОС, которая перестала быть просто «центральноазиатским клубом»; во-вторых, включение Индии – ключевого партнёра, которого США активно стремятся привлечь в свою «Индо-Тихоокеанскую стратегию», – в механизм, где доминируют Китай и Россия, само по себе является искусным стратегическим хеджированием, предоставляя Китаю важную платформу для регулирования и влияния на стратегический курс Индии; наконец, с запуском в 2021 году процедуры приёма Ирана в полноправные члены, которая завершилась его официальным вступлением на саммите в 2023 году, и одновременным началом

[294] “Peace Mission” series of SCO joint counter-terrorism military exercises [Электронный ресурс] // Ministry of National Defense of the PRC. – 2023. – URL: https://www.mod.gov.cn/topic/peacemission (Дата обращения: 07.02.2026).

процесса вступления Беларуси, ШОС ещё больше расширила своё присутствие на Ближнем Востоке и в Восточной Европе, продемонстрировав готовность принимать в свои ряды региональные державы, долгое время находившиеся в изоляции и под санкциями США, что всё более усиливает её «антигегемонистский» характер[295].

Реализация двуединой движущей силы – «безопасности» и «развития»: Китай глубоко понимает, что одного лишь сотрудничества в сфере безопасности недостаточно для формирования мощной центростремительной силы. Поэтому Пекин активно способствует стратегическому сопряжению ШОС с инициативой «Один пояс, один путь» (ОПОП). На каждом саммите ШОС китайская сторона подчёркивает необходимость глубокой интеграции национальных стратегий развития стран-членов (таких как казахстанская программа «Нурлы жол» или возглавляемый Россией «Евразийский экономический союз») с ОПОП. Это означает, что ШОС является не только сообществом безопасности, но и всё в большей степени становится поясом экономического развития и сетью взаимосвязанности, объединённой проектами ОПОП. От газопровода «Центральная Азия – Китай» до проекта железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан, эти крупные инфраструктурные проекты тесно связывают экономические интересы стран-членов с китайской инициативой[296]. Таким образом, сформировался благоприятный цикл, в

---

[295] Astana Summit 2017: Admission of India and Pakistan as full members of SCO [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. − 2017. − URL: https://www.sectsco.org/events/summits/astana_2017/ (Дата обращения: 07.02.2026).
SCO Dushanbe Summit 2021: Launch of procedure for admission of Iran as full member [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – 2021. – URL: https://www.sectsco.org/events/summits/dushanbe_2021/ (Дата обращения: 07.02.2026).

[296] Synergy between SCO and the Belt and Road Initiative (BRI) [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zgz_655665/gjhd_655667/sco_655734/ (Дата обращения:

котором «развитие способствует безопасности, а безопасность обеспечивает развитие». Сплочённость, достигаемая таким путём, гораздо прочнее той, что основана на отвлечённых ценностных декларациях.

БРИКС: от концептуального клуба к альтернативной модели глобального экономического управления.

Если ШОС является для Китая опорой «сухопутной мощи» (陆权) для стратегического планирования в Евразии, то БРИКС представляет собой платформу «морской мощи» (海权) и «финансовой мощи» (金权) для оспаривания существующего миропорядка в области глобального экономического управления и завоевания большего права голоса. После 2013 года, во многом благодаря усилиям Китая, БРИКС совершил решающую трансформацию от неформального инвестиционного понятия к международному механизму, обладающему реальными институтами.

Институциональный прорыв в создании «параллельных институтов»: наиболее существенным достижением БРИКС стало официальное объявление на саммите в Форталезе в 2014 году о создании Нового банка развития (НБР) и Пула условных валютных резервов (CRA). Этот шаг был повсеместно расценен как наиболее системный со времён Второй мировой войны вызов Бреттон-Вудской системе (то есть Всемирному банку и Международному валютному фонду).

Штаб-квартира НБР расположена в Шанхае, что само по себе

07.02.2026).
China–Kyrgyzstan–Uzbekistan (CKU) Railway Project within SCO+BRI framework [Электронный ресурс] // Government of Uzbekistan. – 2022. – URL: https://www.uzbekistan.gov.uz/en/economy/transport/cku-railway (Дата обращения: 07.02.2026).

подчёркивает центральную роль Китая. В отличие от сложных условий кредитования и структуры голосования Всемирного банка, где доминирует Запад, НБР на начальном этапе принял модель управления с равными правами голоса для стран-участниц и обязался обеспечить более эффективные и менее политизированные процедуры утверждения кредитов. Основным направлением его деятельности является финансирование инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в странах-членах и других развивающихся странах, что создаёт идеальную синергию с инициативой «Один пояс, один путь»[297].

Пул условных валютных резервов (CRA) можно считать финансовым «брандмауэром» с общим капиталом в 100 миллиардов долларов, предназначенным для оказания поддержки ликвидностью странам-членам в случае затруднений с платёжным балансом. Его основная цель – снизить зависимость от помощи МВФ и, следовательно, избежать жёстких требований по реформам, которые часто содержатся в пакетах помощи МВФ и рассматриваются развивающимися странами как посягательство на их суверенитет. Существование Пула предоставляет странам-членам ключевой стратегический резерв и является прямым хеджированием рисков потенциального использования долларовой системы в качестве оружия[298].

Институциональные неудачи как катализатор: следует отметить, что решимость Китая содействовать созданию этих «параллельных институтов» во

---

[297] NDB Charter, Governance Structure and Equal Voting Rights [Электронный ресурс] // New Development Bank. – 2024. – URL: https://www.ndb.int/about/governance/charter/ (Дата обращения: 07.02.2026).

[298] Contingent Reserve Arrangement (CRA): USD 100 Billion Liquidity Support Mechanism [Электронный ресурс] // BRICS Secretariat. – 2023. – URL: https://www.bricsplus.org/initiatives/cra/ (Дата обращения: 07.02.2026).

многом была вызвана фрустрацией от неудачных попыток реформировать существующую систему. Знаковым событием стала судьба пакета реформ квот и управления МВФ от 2010 года. Этот пакет был направлен на увеличение доли голосов стран с формирующейся экономикой, таких как Китай, чтобы более точно отразить их вес в мировой экономике. Процесс его ратификации затянулся на несколько лет из-за позиции Конгресса США, и окончательно он вступил в силу лишь в конце 2015 г.. Пятилетнее промедление дало Китаю и многим другим развивающимся державам глубокое понимание того, что борьба за право голоса, соразмерное их реальной силе, в рамках существующей системы будет чрезвычайно долгим и неопределённым процессом. Этот опыт, без сомнения, стал мощным стимулом к созданию НБР и Пула условных резервов и укрепил решимость Китая «создать собственные, альтернативные механизмы».

Углубляя сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС, Китай успешно создал на своей дипломатической шахматной доске два ключевых стратегических плацдарма. Они не только предоставляют Китаю платформы для объединения незападных держав, координации позиций и совместного выражения мнений, но и, через создание реальных институтов и продвижение альтернативных норм, фактически подрывают основы международного порядка, в котором доминируют США. Это постепенный, но глубокий процесс, основная логика которого заключается в следующем: когда за пределами «малого круга» существует динамичный и способный предоставить реальные выгоды «большой мир», стратегия США по изоляции Китая оказывается

малоэффективной.

Переломным моментом в истории БРИКС стал саммит в Йоханнесбурге в августе 2023 года, на котором было принято историческое решение о расширении. С 1 января 2024 года полноправными членами организации стали Саудовская Аравия, Иран, ОАЭ, Египет и Эфиопия. Это расширение, ставшее крупнейшим за всю историю блока, имело глубокие геополитические последствия[299]. Во-первых, в результате расширения БРИКС стал контролировать значительную долю мировых энергоресурсов, что сформировало предпосылки для оспаривания гегемонии нефтедоллара. Во-вторых, расширение БРИКС увеличило представленность государств «Глобального Юга» в его составе. В-третьих, включение в объединение Ирана и Саудовской Аравии при посредничестве КНР свидетельствует о формировании механизмов урегулирования региональных конфликтов вне западных форматов. Приоритетной темой в повестке расширенного БРИКС стала дедолларизация и интенсификация расчетов в национальных валютах, что оспаривает доминирующее положение США в мировой финансовой системе.

Одновременно с этим, в условиях усиления политики унилатерализма и протекционизма со стороны отдельных государств, которую официальный Пекин рассматривает как угрозу стратегической стабильности, Китай продолжает углубление отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Российской Федерацией. Украинский кризис, начавшийся в 2022 году, послужил мощным катализатором для дальнейшего

[299] XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration // XV BRICS Summit South Africa 2023. –2023. – URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/08/XV-BRICS-Summit-Johannesburg-II-Declaration_23-August-2023.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

сближения Москвы и Пекина. В то время как западные страны ввели беспрецедентные по своему масштабу санкции против России, Китай воздержался от осуждения и противостоял давлению США и их союзников, призывавших присоединиться к санкционному режиму. Напротив, в этот период стратегическое партнёрство двух стран приобрело новое качество. Совместное заявление от 4 февраля 2022 года, провозгласившее, что дружба между двумя государствами «не имеет границ», а в сотрудничестве «нет запретных зон», стало программным документом. В последующие годы (2022-2024 гг.) наблюдался резкий рост двусторонней торговли, углубление сотрудничества в энергетической и финансовой сферах, включая переход на взаиморасчеты в национальных валютах и усиление координации для противодействия политике, которую обе страны расценивают как гегемонистскую[300]. Российско-китайские отношения, основанные на принципах «неприсоединения, неконфронтации и ненаправленности против третьих сторон», выходят за рамки традиционной модели военно-политических союзов и служат образцом международных отношений нового типа. Обе страны разделяют в высшей степени схожие стратегические позиции по таким важнейшим вопросам, как защита целей и принципов Устава ООН, противодействие силовой политике, содействие формированию многополярного мира и демократизации международных отношений.

Высокий уровень стратегической координации между Китаем и Россией

---

[300] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2022. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5770 (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于新时代国际关系和全球可持续发展的联合声明.

стал опорой в деле защиты мира и безопасности во всем мире. Это взаимодействие находит свое отражение в тесной координации в рамках Совета Безопасности ООН и других механизмов, в прагматичном сотрудничестве в нетрадиционных областях безопасности, таких как борьба с терроризмом и кибербезопасность, в совместных усилиях по содействию региональной интеграции путем глубокого сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс, один путь», а также в синергетическом эффекте от совместного противодействия незаконным односторонним санкциям, обеспечения финансовой и энергетической безопасности и продвижения расчетов в национальных валютах.

Кроме того, Организация Объединённых Наций, и в особенности её Совет по правам человека (СПЧ), стала самой острой ареной идеологического противостояния между Китаем и США. С 2018 г. США и их союзники стали использовать площадку ООН для критики Китая по вопросам Синьцзяна и Гонконга. Их тактика обычно заключалась в публикации «совместных заявлений» с осуждением ситуации с правами человека в Китае. Однако контрмеры Китая строились по тому же принципу: «отвечать совместным заявлением на совместное заявление». Каждый раз, когда западные страны выступали с осуждающим заявлением, Китай оперативно мобилизовывал более многочисленную группу государств для публикации совместного заявления или отдельных выступлений в свою поддержку. Например, на заседании Третьего комитета Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2020 года представитель Германии выступил с критическим совместным заявлением от

имени 39 стран; в ответ Куба немедленно выступила с совместным заявлением от имени 45 стран в поддержку мер Китая по борьбе с терроризмом и дерадикализации в Синьцзяне, и ещё более двадцати стран выступили с индивидуальными заявлениями в поддержку Китая. В итоге, число стран, поддержавших Китай, значительно превысило число его критиков[301].

За этим явлением стоит успех Китая в переформатировании дискурса по вопросам Синьцзяна и Гонконга, представив их как «вопросы суверенитета и борьбы с терроризмом», а не исключительно как «вопросы прав человека». Китайский нарратив о «невмешательстве во внутренние дела» и тезис о том, что «развитие – это важнейшее право человека», нашёл широкий отклик среди многочисленных стран «Глобального Юга», которые в прошлом пережили колониальную агрессию, с настороженностью относятся к западному вмешательству под предлогом «дипломатии прав человека» и сами сталкиваются с вызовами в области развития. Комбинируя экономические стимулы «Одного пояса, одного пути» с политической поддержкой, Китаю удалось сформировать на площадках типа ООН группу стран, способную противодействовать попыткам его изоляции со стороны США. Эта тенденция не только сохранилась, но и укрепилась. Показательным примером стал октябрь 2022 года, когда на заседании Совета по правам человека ООН западные страны вынесли на голосование проект решения о проведении дебатов по ситуации в Синьцзяне. Несмотря на интенсивное дипломатическое давление со стороны США, это предложение было отклонено с минимальным

[301] Delegates Spar over Human Rights Situations in Xinjiang, Hong Kong during Heated Third Committee Debate [Электронный ресурс] // UN. – 2020. – URL: https://press.un.org/en/2020/gashc4303.doc.htm (дата обращения: 24.05.2024).

перевесом (19 голосов «против», 17 «за» и 11 воздержавшихся)[302]. Решающую роль сыграла консолидированная позиция многих стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые поддержали позицию Китая. Этот прецедент продемонстрировал способность коалиции стран, поддерживающих Китай, блокировать инициативы Запада в рамках формальных процедур ООН. Таким образом, в рассматриваемый период в многосторонней дипломатии институционализировалась модель противостояния двух групп. С одной стороны, западные страны во главе с США, апеллирующие к «демократическим ценностям» и использующие форматы с ограниченным участием (AUKUS, QUAD) для удержания доминирующих позиций. С другой стороны, формируется объединение вокруг КНР, которое использует платформы ШОС и БРИКС и поддержку «Глобального Юга» для продвижения принципов многополярности. Подобное размежевание на многосторонней арене знаменует собой окончание постбиполярного периода и переход к конкурентной борьбе за формирование норм и правил международного порядка.

Инструментализация дискурса о «правах человека» и «демократии» в идеологическом соперничестве

Перенос американо-китайского соперничества в идеологическую плоскость сопровождался обострением борьбы вокруг интерпретаций

---

[302] Human Rights Council Rejects Draft Decision to Hold a Debate on the Situation of Human Rights in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China[Электронный ресурс] // The United Nations. – 2022. – URL: https://www.ohchr.org/en/news/2022/10/human-rights-council-rejects-draft-decision-hold-debate-situation-human-rights (дата обращения: 23.05.2024).

концептов «прав человека» и «демократии». США стали использовать эти вопросы как инструмент для ослабления легитимности политической системы КНР. В ответ Китай перешел от оборонительной позиции к активному формированию собственного нарратива. Его цель — оспорить доминирование западного дискурса и предложить альтернативную трактовку, ориентированную на страны «Глобального Юга». Фактически, с окончанием политики «вовлечения» Китая Вашингтон поднял идеологическую конкуренцию на уровень основной составляющей своей стратегии в отношении Китая. Основная логика заключается в том, чтобы сосредоточиться на конкретных спорных вопросах внутрикитайского управления и усилить их, представляя их в качестве так называемых «неопровержимых доказательств» «угнетающего» и «несправедливого» характера политической системы Китая. Это направлено на то, чтобы изолировать Китай на моральном фронте и обеспечить легитимность своих геополитических усилий по сдерживанию. На этом фоне вопросы Синьцзяна и Гонконга были выбраны и тщательно проработаны в качестве двух основных фокусов внимания.

Пример первый: проблема Синьцзяна и пересмотр повестки дня с «борьбы с терроризмом» на «права человека».

Подход США к синьцзянскому вопросу является типичным примером установления повестки дня и эскалации риторики. Изначально, в глобальном контексте «войны с терроризмом», Америка в некоторой степени признавала террористическую угрозу, с которой сталкивался Китай в Синьцзяне. Однако примерно с 2017 года, когда Китай начал реализовывать в регионе ряд

комплексных мер по управлению, примером которых являются «центры профессионального образования и обучения», официальная позиция США претерпела кардинальные изменения. Вашингтон и его союзники начали систематически представлять эти меры как «системное угнетение», направленное против определенных этнических групп.

Конгресс США с беспрецедентной эффективностью принял ряд целенаправленных законопроектов. Закон о политике в области прав человека уйгуров (2020 г.) уполномочивает правительство США вводить санкции в отношении китайских чиновников, считающихся ответственными за проблемы, связанные с Синьцзяном. Между тем, Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров устанавливает принцип «опровержимой презумпции», согласно которому все продукты, происходящие из Синьцзяна, считаются товарами, произведенными с использованием «принудительного труда», если импортеры не предоставят «ясных и убедительных» доказательств обратного. Это фактически налагает экономическую блокаду на все цепочки поставок региона Синьцзян по принципу «виновен, пока не доказано обратное». Его цель выходит за рамки нацеленности на основные отрасли Синьцзяна, такие как производство хлопка, томатов и фотоэлектрических элементов, и заключается в принудительном отсоединении глобальных промышленных цепочек от Синьцзяна. Конечной целью является экономическое наказание и изоляция Китая[303].

Министерство торговли США добавило в свой список организаций (Entity

[303] H.R.649 (Xinjiang-related legislation) [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2019. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/649/text (Дата обращения: 07.02.2026).

List) множество китайских технологических компаний, в том числе ведущие компании в области систем безопасности, такие как Хиквижн (Hikvision) и Дахаа Технолоджи (Dahua Technology), а также специалистов в области искусственного интеллекта, таких как СенсТайм (SenseTime) и (Мегви) Megvii. Официальное обоснование заключается в том, что технологии этих компаний используются для «массовой слежки» в Синьцзяне. Этот шаг не только морально связывает эти компании с «нарушениями прав человека», пороча их имидж, но и практически лишает их доступа к важным американским технологиям и компонентам, что служит более широким целям в технологической войне против Китая[304].

На международных форумах, таких как Совет по правам человека Организации Объединенных Наций, США совместно со своими союзниками (в первую очередь альянсом «Пять глаз» и европейскими странами) часто выпускают совместные заявления, осуждающие политику Китая в Синьцзяне. Одновременно, финансируя неправительственные организации, аналитические центры и средства массовой информации, они настойчиво публикуют и распространяют отчеты и «свидетельские показания» о «лагерях интернированных» и «принудительном труде» в Синьцзяне, тем самым создавая значительный импульс в общественном мнении.

Благодаря этим маневрам Соединенные Штаты успешно упростили и конкретизировали сложный вопрос регионального управления, превратив его в четкий, легко распространяемый ярлык в области прав человека, имеющий

[304] Addition of Certain Entities to the Entity List [Электронный ресурс] // Federal Register : [сайт]. – 2019. – URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/10/09/2019-22210/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list (дата обращения: 24.05.2024).

мощный моральный резонанс. Это превратило его в мощное оружие, способное подорвать международный авторитет Китая и моральные основы его политической системы.

Пример второй: проблема Гонконга и использование нарратива об утрате «свободы» для оспаривания принципа «одна страна, две системы».

По сравнению с отдаленным регионом Синьцзян, Гонконг – как международный финансовый центр и перекресток Востока и Запада – представляет для США гораздо более значимую с глобальной точки зрения цель для критики. Масштабные социальные волнения в Гонконге в 2019 году, за которыми последовало принятие Пекином в 2020 году Закона о национальной безопасности Гонконга и реформы избирательной системы Гонконга, стали серией событий, которые предоставили США точки входа для вмешательства.

Американская версия событий однозначна: она представляет развитие ситуации в Гонконге как линейный процесс ухудшения, в ходе которого Пекин отказывается от своих международных обязательств по Совместной китайско-британской декларации, тем самым подавляя «высокую степень автономии» и «свободу и демократию» Гонконга. Стратегическая цель этой нарративной рамки заключается в постоянном подчеркивании «нарушения обещаний» Пекином. Таким образом, США стремятся донести до всего мира, и в частности до стран, поддерживающих отношения сотрудничества с Китаем, следующую идею: Китай – ненадежный партнер, который в любой момент может отказаться от своих обязательств. Это напрямую служит более широким

дипломатическим целям, направленным на то, чтобы убедить страны проявлять осторожность в отношении китайских инициатив, таких как «Один Пояс и Один путь»[305].

В течение значительного периода времени Пекин рассматривал концепцию «одна страна, две системы» как потенциальное решение тайваньского вопроса. Преувеличивая «неудачу» гонконгской модели, США стремятся развеять любые остатки иллюзий относительно этого подхода в международном сообществе и даже в самом тайваньском обществе. Эта стратегия направлена на укрепление позиции Тайваня как пешки в индо-тихоокеанской стратегии США.

Подобно вопросу о Синьцзяне, Конгресс США быстро принял Закон о правах человека и демократии в Гонконге (2019) и Закон об автономии Гонконга (2020). Первый закон требует от госсекретаря США периодически пересматривать статус автономии Гонконга и на основе этой оценки принимать решение о сохранении его особого тарифного статуса. Второй закон разрешает вводить «вторичные санкции» в отношении физических и юридических лиц, которые, по мнению властей, «подрывают автономию Гонконга», и даже распространяется на финансовые учреждения, ведущие с ними дела. В 2020 году администрация Трампа официально объявила об отмене особого статуса Гонконга, поставив его в один ряд с городами материкового Китая. Этот шаг непосредственно подорвал институциональные преимущества Гонконга как независимого экономического образования[306].

---

[305] 2024 Hong Kong Policy Act Report [Электронный ресурс] // Государственный департамент США. – 2024. – URL: https://www.state.gov/2024-hong-kong-policy-act-report/ (дата обращения: 24.05.2024).
On the 26th Anniversary of the Handover of Hong Kong [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 2023. – URL: https://www.state.gov/on-the-26th-anniversary-of-the-handover-of-hong-kong/ (дата обращения: 24.05.2024).

[306] Public Law 116-76 (Hong Kong-related legislation) [Электронный ресурс] // Congress of the United States. –

Представляя проблему Гонконга как глобальную борьбу между свободой и деспотизмом, США не только мобилизовали западную общественность на свою сторону, но и ввели существенные карательные меры как в правовом, так и в экономическом плане. Эта стратегия направлена на то, чтобы превратить Гонконг из «суперконнектора» Китая в невыносимую «стратегическую обузу».

В ответ на агрессивную идеологическую наступательную политику США Китай перешел от своей прежней пассивной позиции, характеризующейся «без комментариев» или простыми опровержениями, к более активной, систематической и теоретически обоснованной стратегии «наративной контратаки». Ее суть больше не заключается в защите себя в рамках вопросов, сформулированных Западом, а в фундаментальной деконструкции универсалистской природы западного дискурса и построении альтернативной системы нарративов, которая является внутренне последовательной и привлекательной для незападного мира[307].

Право на выживание и право на развитие являются важнейшими фундаментальными правами человека. Это составляет основную теоретическую

2019. – URL: https://www.congress.gov/116/plaws/publ76/PLAW-116publ76.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

[307] Китай: демократия, которая работает: Белая книга [Электронный ресурс] // Информационное бюро Госсовета КНР. – 2021. – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1717207/1717207.htm (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 中国行之有效的民主：白皮书 [电子资源] // 中华人民共和国国务院新闻办公室.

Концептуальный документ по Инициативе глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230221_11028348.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 全球安全倡议概念文件.

Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР 8 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/202405/t20240508_11295244.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 2024 年 5 月 8 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会.

Си Цзиньпин. Совместно строить сообщество единой судьбы человечества : речь в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – 2017. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201701/t20170120_673130.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 习近平. 共同构建人类命运共同体.

основу ответа Китая на нападки в области прав человека. Китайские власти систематически утверждают, что для наций, особенно развивающихся стран, право народа на выживание (освобождение от войны, бедности и голода) и право на развитие (стремление к лучшей жизни) являются предпосылками, которые предшествуют и превосходят все другие права человека. Без мирной и стабильной обстановки и постоянного улучшения условий жизни дискуссии об индивидуальных политических правах теряют свою практическую основу.

В этих рамках Китай характеризует свои меры управления в Синьцзяне как «справедливую борьбу», направленную на защиту основных прав человека. Центры профессионального образования и обучения не являются «инструментами угнетения», а скорее «превентивными мерами против терроризма и экстремизма» (защита жизни и безопасности людей, т. е. право на выживание) и «инструментами расширения возможностей для профессионального обучения и борьбы с бедностью» (повышение трудоспособности, т. е. право на развитие). В обширных официальных документах и на пресс-конференциях Пекин представил конкретные данные о росте ВВП Синьцзяна, увеличении продолжительности жизни и искоренении бедности, стремясь противостоять западной критике, сосредоточенной на «свободе», с помощью «веских доказательств развития».

Эта правозащитная позиция, ставящая во главу угла развитие, нашла широкий отклик среди многих развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие страны Глобального Юга, имеющие постколониальный опыт, скептически относятся к вмешательству Запада во

внутренние дела под предлогом защиты прав человека, будучи сосредоточенными на решении собственных задач развития. Вследствие этого позиция КНР, озвученная на площадках уровня Совета по правам человека ООН, нашла поддержку у десятков государств (включая Кубу, Пакистан, Саудовскую Аравию). Это способствовало формированию группы стран, способной выступать противовесом западному блоку, что затруднило реализацию американской стратегии по изоляции Китая.

В качестве ответной меры на американскую стратегию, построенную на дихотомии «демократия против авторитаризма», КНР была выдвинута концепция «народной демократии всего процесса». Ее ключевой тезис состоит в том, что демократия не сводится к западной электоральной модели, а ее сущность заключается в реализации принципа «народ — хозяин страны». Утверждается, что политическая система Китая через такие институты, как собрания народных представителей, политические консультации и низовое самоуправление, реализует демократические принципы на всех этапах: от выборов до принятия решений, управления и надзора[308].

Стратегическая функция данной концепции заключается в смещении фокуса с вопроса о наличии демократии в Китае как таковой на утверждение о существовании ее «более аутентичной и эффективной» формы. Одновременно выстраивается критика западной модели как «демократии денежной политики», «политики вето» и «формальной демократии» с безответственностью после голосования. Сопоставление эффективности китайской модели в борьбе с

[308] Act on International Protection and Strengthening of Taiwan's Allies (Taipei Act, 2020) [Электронный ресурс] // United States Congress. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4700/text (Дата обращения: 07.02.2026).

пандемией и экономическом планировании с «политической поляризацией» и «социальной фрагментацией» на Западе используется для демонстрации превосходства «народной демократии всего процесса» в вопросах госуправления и повышения благосостояния[309].

Таким образом, концепция формирует теоретическую основу для легитимации политической системы КНР. Акцент смещается с простого подчеркивания «китайской специфики» на позиционирование данной модели как «новой формы демократии», претендующей на универсальное значение для развивающихся стран. Посредством комплекса информационных мероприятий, включая публикацию «Белой книги о демократии в Китае» и проведение международного форума «Демократия: общая ценность человечества», Пекин стремится оспорить монополию Запада на интерпретацию понятия «демократия» в глобальном масштабе. Эта стратегия направлена на подрыв моральных основ «саммитов по демократии» под руководством США и других форм эксклюзивной дипломатии.

Юридические войны

В картине стратегического соперничества между Китаем и США после 2013 года, наряду с явными торговыми и технологическими войнами, открылся ещё один, более скрытый, но не менее значимый по своим последствиям фронт – правовая война (Lawfare). Речь идёт не о традиционных судебных процессах в

---

309 Ibid.

международных судах, а об использовании государством своей национальной правовой системы в качестве стратегического инструмента для достижения внешнеполитических целей и обеспечения национальной безопасности. В данный период США стали систематически использовать свое внутреннее законодательство для экстерриториального введения односторонних санкций против китайских лиц, инициировав инструментализацию права. В ответ на это Китай перешел от пассивной позиции к формированию собственной правовой базы для контрмер. Это стало началом нового этапа американо-китайского соперничества, характеризующегося борьбой в правовом поле и на уровне регуляторных правил. Правовое наступление Соединённых Штатов происходит благодаря использованию внутреннего законодательства в качестве инструмента односторонних санкций.

Преимущество США в области правовой войны основывается на их сильных традициях верховенства права, гегемонии доллара в мировой финансовой системе и широком экстерриториальном действии их правовой системы. Посредством принятия законодательных актов Вашингтон трансформирует определённые внешнеполитические цели в юридически обязательные нормы, что позволяет ему в обход многосторонних рамок, таких как Совет Безопасности ООН, оказывать точечное, гибкое и продолжительное давление на целевые страны.

США используют специальные юридические инструменты. Одним из таких инструментов является расширенное применение «Глобального акта о подотчётности в области прав человека имени Магнитского».

Данный акт стал ключевым инструментом в «арсенале» американской правовой войны. Первоначально принятый в 2012 году в отношении России, он был в 2016 году расширен до глобального охвата посредством «Глобального акта о подотчётности в области прав человека имени Магнитского» (The Global Magnitsky Human Rights Accountability Act). Этот закон уполномочивает президента США вводить санкции против иностранных физических и юридических лиц, уличённых в серьёзных нарушениях прав человека или в крупной коррупции. Меры включают замораживание активов в США, запрет на въезд в страну и запрет на проведение транзакций с ними для американских граждан[310].

Стратегическая ценность данного акта состоит в его адресном и карательном характере. Санкции переносятся с государственного уровня на конкретных лиц и организации, что обеспечивает точечное воздействие. В стратегическом соперничестве с Китаем данный закон стал активно применяться:

В контексте ситуации в Синьцзяне Министерство финансов США на основании этого акта включило в санкционный список ряд высокопоставленных чиновников Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также Синьцзянский производственно-строительный корпус.

В отношении ситуации в Гонконге, после введения в действие Закона о национальной безопасности, США интенсивно использовали данный акт и «Закон об автономии Гонконга», внеся в санкционный список ряд должностных

---

[310] Global Magnitsky Human Rights Accountability Act, 2016 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2016. – URL: https://www.congress.gov/114/plaws/publ328/PLAW-114publ328.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

лиц из материкового Китая и Гонконга, ответственных за гонконгские дела, включая главу администрации Специального административного района Гонконг.

Через введение адресных санкций против конкретных чиновников, США стремятся оказать прямое персональное давление на китайскую политическую элиту, пытаясь создать «охлаждающий эффект» внутри системы и продемонстрировать внешнему миру жёсткую позицию, основанную на принципе «персональной ответственности».

В дополнение к универсальным инструментам, таким как «Акт Магнитского», Конгрессом США был разработан ряд специальных законодательных актов, формирующих комплексный механизм давления. Совокупное действие таких актов, как «Закон о политике в области прав человека в отношении уйгуров», «Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров» и «Закон о правах человека и демократии в Гонконге», создает многоуровневую систему санкционных ограничений.

Специфика данных правовых актов заключается не только в установлении санкционных режимов, но и в формировании новых правовых рисков и обязательств для экономических субъектов. Так, «Закон о предотвращении принудительного труда уйгуров» вводит принцип «опровержимой презумпции», что трансформирует традиционный порядок распределения бремени доказывания. На компании возлагается обязанность самостоятельно доказывать отсутствие нарушений в своих цепочках поставок, что приводит к переносу на них издержек по соблюдению нормативных требований и сопутствующих

правовых рисков[311]. Стратегической целью подобного подхода является стимулирование «профилактического размежевания» (decoupling) глобальных цепочек поставок для обеспечения экономической изоляции данного региона.

В ответ Китай разработал специальные контрмеры, свидетельствующие о переходе от пассивной обороны к созданию системы ответных мер.

Долгое время реакция Китая на односторонние санкции США ограничивалась преимущественно дипломатическим уровнем, таким как заявления представителя МИД с «решительным осуждением» и «категорическим протестом» или вызов посла США в Китае для выражения официального представления. Однако эти «мягкие» ответные меры оказались недостаточными для эффективного сдерживания нарастающего правового наступления со стороны США. Начиная с 2019 года, стратегия Пекина претерпела коренной поворот: началась систематическая работа по созданию правового «инструментария», способного обеспечить паритетное противостояние с Соединёнными Штатами.

Знаком этого поворота стало принятие и применение трёх ключевых правовых инструментов:

«Положения о списке ненадёжных юридических лиц»: «меч сдерживания», нацеленный на предприятия[312].

В качестве прямого ответа на «Список юридических лиц» (Entity List) Министерства торговли США, Министерство коммерции Китая в сентябре 2020

---

311 Ibid.

312 Положения о списке ненадежных юридических лиц [Электронный ресурс] // Министерство торговли КНР. – 2020. – URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/officialnotice/202009/20200902987323.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 不可靠实体清单规定.

года официально опубликовало «Положения о списке ненадёжных юридических лиц». Эти положения чётко устанавливают, что в отношении иностранных юридических лиц, которые «нарушают нормальные рыночные принципы, прерывают нормальные торговые операции с китайскими предприятиями, другими организациями или физическими лицами, либо применяют к ним дискриминационные меры, серьёзно ущемляя их законные права и интересы», китайское правительство может включить их в данный список и применить одну или несколько мер. К таким мерам относятся запрет на ведение импортно-экспортной деятельности, связанной с Китаем, запрет на инвестиции в Китае, а также ограничение или запрет на въезд в страну соответствующего персонала.

Стратегическое значение «Списка ненадёжных юридических лиц» заключается в его «сдерживающем эффекте». Хотя к концу 2020 года китайское правительство не прибегало к массовому использованию этого списка, само его существование подобно «дамоклову мечу». Он стал ясным предупреждением для тех иностранных компаний, которые, следуя политике США, могут попытаться разорвать нормальные деловые связи с китайскими предприятиями: подобные действия повлекут за собой существенные ответные меры со стороны Китая. Например, в ответ на продажу США вооружений Тайваню, Китай неоднократно объявлял о намерении ввести санкции против американских военно-промышленных компаний, таких как Lockheed Martin и Raytheon, что отражает правовой дух этого положения.

Еще одним инструментом стали «Правила блокирования ненадлежащего

экстерриториального применения иностранных законов и мер», создавшие дилеммы выбора[313].

В январе 2021 года Министерство коммерции Китая опубликовало «Правила блокирования ненадлежащего экстерриториального применения иностранных законов и мер» (известные как китайский «блокирующий закон»). Эти правила прямо нацелены на «экстерриториальную юрисдикцию» американского законодательства. Они предусматривают, что когда китайские граждане или юридические лица сталкиваются с иностранными законами, запрещающими или ограничивающими их нормальную торгово-экономическую деятельность с гражданами или юридическими лицами третьих стран (регионов), они могут сообщить об этом в компетентные органы. После оценки и подтверждения факта ненадлежащего экстерриториального применения, компетентный орган может издать запрет на «признание, исполнение и соблюдение» соответствующих иностранных законов и мер.

Суть этого закона заключается в создании «коллизии правовых норм», ставящей транснациональные корпорации в безвыходное положение (a rock and a hard place). Транснациональная компания, ведущая бизнес в Китае, в случае соблюдения санкционного приказа США, может нарушить запрет китайского «блокирующего закона» и столкнуться со штрафами или даже судебными исками со стороны китайского правительства. В противном случае, если она будет соблюдать китайский запрет, ей грозят суровые наказания со стороны

---

[313] Measures to Prevent the Improper Extraterritorial Application of Foreign Laws and Measures [Электронный ресурс] // Ministry of Commerce of the PRC. – 2021. – URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/officialnotice/202101/20210103037731.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 阻断外国法律与措施不当域外适用办法.

правительства США. Особенность этого механизма в том, что он перекладывает часть давления с правительства КНР на транснациональные корпорации. Это заставляет их, как бенефициаров глобализации, лоббировать интересы, связанные с оценкой реальных издержек от санкций. Не менее важным является «Закон КНР о противодействии иностранным санкциям», ставший «основным законом» правовой борьбы[314].

Принятый в июне 2021 года «Закон о противодействии иностранным санкциям» стал кульминацией в построении китайской системы правовых контрмер. Он возвёл ранее применявшиеся меры и принципы в ранг основного государственного закона, обеспечив им высшую степень легитимности и авторитета. Закон чётко определяет, что в отношении иностранных физических и юридических лиц, участвующих в разработке, принятии решений и осуществлении дискриминационных ограничительных мер против Китая, Китай имеет право принимать ответные контрмеры («контрсписок»).

Принятие этого закона ознаменовало полную «институционализацию» и «легализацию» ответных действий Китая:

Он предоставил прочную внутригосударственную правовую основу для контрсанкционных действий Китая, благодаря чему контрмеры перестали быть временными административными или дипломатическими решениями, а стали правовыми действиями, основанными на законе.

Он систематизировал «меню» контрмер, включая отказ в выдаче виз,

---

[314] Standing Committee of the National People's Congress of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Standing Committee of the NPC. − 2021. − URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Legal/2021-06/11/content_774503282.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华人民共和国反外国制裁法.

запрет на въезд, арест, конфискацию и замораживание различных видов их имущества на территории Китая, тем самым обеспечив паритет с американскими санкционными инструментами.

Самое главное, он придал ответным действиям Китая характер «взаимности» и «предсказуемости». В дальнейшем, в ответ на американские санкции против официальных лиц КНР, Пекин почти сразу вводил ответные меры на основании своего «Закона о противодействии иностранным санкциям» против американских чиновников и законодателей. Например, в ответ на санкции США против китайских чиновников из-за ситуации в Гонконге, Китай немедленно объявил о санкциях против ряда американских конгрессменов и руководителей неправительственных организаций, которые, по мнению китайской стороны, «проявили себя наихудшим образом в вопросах, связанных с Гонконгом».

Возникновение и эскалация правовой войны глубоко изменили характер американо-китайского соперничества. США, используя преимущество первопроходца в своей правовой системе, инструментализировали право и развернули всестороннее и точечное санкционное наступление на Китай. В свою очередь, Китай, после короткого периода пассивной реакции, быстро завершил построение системы правовых контрмер. От сдерживания с помощью «Списка ненадёжных юридических лиц» и создания коллизии норм через «блокирующий закон» до полного паритета, обеспеченного «Законом о противодействии иностранным санкциям», был создан полнофункциональный и быстрореагирующий «инструментарий» для правовой борьбы. Эта «война

законов» не только институционализировала и нормализовала противостояние двух стран, но и создала беспрецедентный глобальный «разрыв правового поля», вынуждая всех транснациональных акторов делать трудный выбор между двумя конфликтующими правовыми системами. Это позволяет предположить, что в будущем соперничестве тот, кто эффективнее использует правовые инструменты и контролирует установление правил, получит стратегическое преимущество.

3.5. Соперничество Китая и США в сфере культуры и работы с общественным мнением

В структуре стратегического соперничества между Китаем и США борьба за идеологию и право голоса на международной арене (дискурсивную гегемонию) представляет собой невидимый, но критически важный фронт. После прихода к власти Си Цзиньпина китайское руководство пришло к глубокому осознанию того, что «отсталость ведёт к побоям, бедность – к голоду, а отсутствие голоса – к порицанию»[315]. На фоне значительного роста экономической и военной «жёсткой силы» пассивное положение в международном общественном мнении – то есть «порицание» – стало стратегическим недостатком, который необходимо было устранить. В связи с этим был развёрнут масштабный стратегический проект, направленный на переформатирование глобальных информационных потоков и борьбу за

[315] Си Цзиньпин. Выступление на Всекитайском совещании по пропагандистской и идеологической работе [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 2013. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-08/20/c_117021463.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平. 在全国宣传思想工作会议上的讲话.

международное право голоса. Его ключевые проявления таковы: с одной стороны, посредством крупных инвестиций создаётся глобализованная медиасеть для противодействия способности западных СМИ устанавливать повестку дня; с другой стороны, на новых полях сражений, таких как социальные сети, предпринимаются активные действия для формирования благоприятной для себя общественной среды.

Долгое время производство, распространение и потребление глобальных новостей и информации находилось под доминирующим влиянием нескольких западных медиагигантов, таких как CNN[316] (США), BBC[317] (Великобритания), Ройтерс (Reuters) и Ассошиэйтед Пресс (Associated Press). Эта высококонцентрированная структура медийной власти сформировала своего рода «эффект Матфея» в общественном мнении: западные СМИ не только определяли, «что является новостью», но и то, «как следует интерпретировать новости». В рамках такой парадигмы новостные сообщения о Китае зачастую проходили через «фильтр» западных ценностей и геополитических интересов, в результате чего позитивные достижения преуменьшались, негативные проблемы преувеличивались, а сложные вопросы упрощались до бинарной оппозиционной рамки «автократия против демократии».

Китайское руководство охарактеризовало данное положение дел как ситуацию, в которой «Запад силён, а мы слабы» в информационном поле, и сочло, что это представляет прямую угрозу национальному имиджу Китая, его

---

[316] В 2022 году сайт был заблокирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации.
[317] Ibid.

ключевым интересам и даже политической безопасности[318]. Таким образом, преодоление монополии западных СМИ на глобальную новостную повестку и создание собственных платформ, способных напрямую достигать мировой аудитории и рассказывать «китайскую историю» и «мировую историю» с «китайской точки зрения», стало неотложной стратегической задачей государственного масштаба. Для решения задачи были предприняты следующие, указанные ниже действия:

Во-первых, в Китае начали создавать свою «ударную» стратегическую медийную группу.

Для достижения этой цели Китай направил колоссальные государственные ресурсы на создание многоязычной, мультиплатформенной и глобально охватывающей современной медийной «авианосной ударной группы». Флагманом этой группы стала Глобальная телевизионная сеть Китая (CGTN). В конце 2016 года бывший иноязычный канал Центрального телевидения Китая (CCTV-News) был реорганизован и преобразован в CGTN. Это была не просто смена названия, а глубокая стратегическая перестройка. Целью стало всестороннее ориентирование на ведущие мировые СМИ, такие как CNN и BBC[319], с полной модернизацией как формы, так и содержания:

Во-вторых, Китай приступил к созданию глобальной инфраструктуры. CGTN развернула по всему миру широкую сеть производственных центров и

---

[318] Министерство государственной безопасности КНР: Важная оборонительная линия нуждается в совместном строительстве нами [Электронный ресурс] // Министерство государственной безопасности КНР. – 2025. – URL: http://m.toutiao.com/group/7552460749113704986/?upstream_biz=doubao (дата обращения: 18.02.2026). (на кит. яз.). 国家安全部.这条重要防线需要你我共同构筑.

[319] Центральное радио и телевидение КНР [Электронный ресурс] // Центральное радио и телевидение КНР. – 2016. – URL: https://news.cctv.com/2016/12/31/ART1lZ7Z4Xn4G7t3Yk8U0eO7161231.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国国际电视台（CGTN）开播及战略定位公告.

корреспондентских пунктов. Помимо штаб-квартиры в Пекине, были созданы три крупных региональных производственных центра – в Вашингтоне (США), Лондоне (Великобритания) и Найроби (Кения)[320]. Это сформировало скоординированную сеть из четырёх центров в Азии, Америке, Европе и Африке, а также более 70 зарубежных корпунктов, охватывающих весь мир[321]. Такая структура позволила оперативно реагировать на глобальные события на местах, а не просто цитировать вторичную информацию западных информационных агентств[322].

В-третьих, началась профессионализация команды медийного освещения и представления позиции Китая. Для повышения профессионального имиджа и международного доверия CGTN привлекла со всего мира большое количество опытных журналистов, ведущих и продюсеров некитайского происхождения, в том числе ветеранов из ведущих западных СМИ, таких как BBC[323] и CNN[324]. В оформлении программ, дизайне студий и способах подачи новостей также были полностью приняты международные стандарты визуального языка и вещания, чтобы внешне не отличаться от западных конкурентов[325].

В-четвертых, была сделана ставка на многоязычное и всемедийное покрытие. Флагманским каналом CGTN является канал на английском языке,

---

320 Ibid.
321 Ibid.
322 На 30-м коллективном занятии Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул необходимость укрепления и совершенствования работы по международной коммуникации с целью представления правдивого, многогранного и всестороннего образа Китая [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. – 2021. – URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2021-06/01/c_1127517362.htm (Дата обращения: 20.05.2024). (на кит. яз.). 习近平在中共中央政治局第三十次集体学习时强调加强和改进国际传播工作展示真实立体全面的中国.
323 В 2022 году сайт был заблокирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации.
324 Ibid.
325 Ibid.

одновременно функционируют каналы на испанском, французском, арабском и русском языках, охватывая основные языковые регионы мира. Что ещё важнее, значительный акцент был сделан на новые медиа. На ведущих западных социальных платформах, таких как Ютьюб (YouTube)[326], Фейсбук (Facebook)[327] и Твиттер (Twitter)[328], CGTN создала обширную матрицу аккаунтов. Публикуя короткие видео, инфографику, прямые трансляции и другой контент, адаптированный к законам распространения в социальных сетях, CGTN стремится, минуя традиционные каналы, напрямую достичь молодой зарубежной аудитории. К концу 2020 года общее число подписчиков на её страницах в Фейсбук (Facebook)[329] и других платформах вошло в число лидеров среди мировых СМИ, что свидетельствует о мощном потенциале в области цифровой дистрибуции[330].

Помимо «авианосца» в лице CGTN, в эту группу также входят зарубежные издания газеты «Китайская газета (China Daily)», глобальная сеть поставки новостей агентства «Синьхуа» и англоязычная версия газеты «Глобальные времена (Global Times)» с её выраженной националистической окраской. Они играют разные роли – официального флагмана, информационного агентства и «флангового комментатора» соответственно, формируя скоординированную, многоуровневую систему внешней коммуникации[331].

---

[326] Ютьюб (YouTube) был заблокирован Федеральным управлением по коммуникациям, информационным технологиям и средствам массовой информации в 2026 году.
[327] Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.
[328] Программное обеспечение заблокирован роскомнадзором в 2022 году.
[329] Ibid.
[330] Рекомендации по укреплению потенциала в области международной коммуникации [Электронный ресурс] // Информационное управление Государственного совета КНР. –2016. –URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/2017-01/05/content_706877.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 关于加强国际传播能力建设的实施意见.
[331] Ibid.

Как только эта масштабная медийная машина была создана, она была задействована во всех крупных международных информационных противостояниях. Её ключевой задачей стало предоставление мощного «альтернативного нарратива» в противовес доминирующему западному дискурсу, с целью нейтрализации негативных сообщений и борьбы за окончательное право на интерпретацию событий.

Ярким примером этого является создание «антипандемического нарратива» во время вспышки COVID-19.

Глобальная пандемия вызвала беспрецедентную ожесточенную борьбу за общественное мнение. Столкнувшись с первоначальными нарративными нападками Запада, сосредоточенными на «уханьском вирусе» и «теории ответственности Китая», китайские СМИ развернули многоэтапную кампанию по противодействию этим нарративам.

Коммуникационная стратегия КНР на начальном этапе пандемии была сфокусирована на демонстрации преимуществ национальной системы управления в контексте концепции «объединения ресурсов для решения серьезных задач». В качестве иллюстраций приводились такие достижения, как возведение госпиталя «Хошэньшань» в десятидневный срок, централизованная мобилизация медицинского персонала для поддержки Уханя и высокая дисциплина населения в соблюдении карантинных мер. Данный нарратив конструировался как образ «народной войны» и был направлен на нейтрализацию внешней критики, связанной с обвинениями в недостаточной

первоначальной прозрачности[332].

В дальнейшем, по мере глобального распространения вируса, информационная политика государственных СМИ, в частности CGTN, была переориентирована на освещение ситуации в странах Запада. В их материалах акцентировались перегрузка систем здравоохранения, социальная напряженность, межпартийные разногласия, а также высокие показатели заболеваемости и смертности. Эти явления интерпретировались как следствие системной неэффективности и издержек индивидуалистической модели, присущей западным обществам. Это незаметно продвигало грандиозную нарративную линию «Восток поднимается, Запад падает в упадок»[333].

На следующем этапе информационной кампании, столкнувшись с обвинениями в искусственном происхождении вируса (т.н. «теория об утечке из лаборатории»), Пекин перешел к активному противодействию политизации данного вопроса. Стратегия носила двойственный характер. С одной стороны, официально декларировалась необходимость сохранения сугубо научного подхода к проблеме отслеживания вируса и недопустимость ее политизации. С

---

[332] Китай всегда придерживался принципов открытости и прозрачности при распространении информации о пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2020. – URL: https://news.cgtn.com/news/2020-04-27/China-is-always-open-and-transparent-in-reporting-COVID-19-outbreaks-Q2aRaEw0nK/index.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国在新冠疫情信息发布中始终保持开放透明.

[333] Новое исследование Китайского центра по контролю и профилактике заболеваний подтверждает результаты исследования ВОЗ по установлению источника происхождения COVID-19 в Китае [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2023. – URL: https://news.cgtn.com/news/2023-04-09/CDC-New-research-supports-China-WHO-COVID-19-origins-tracing-findings-1iRhicuGrTO/index.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国疾控中心新研究支持中国世卫组织新冠溯源研究结果.

Пандемия COVID-19 демонстрирует тенденцию к поляризации, при этом США показывают худшие результаты в борьбе с вирусом. Аналитический центр CGTN опубликовал отчет об оценке международных усилий по борьбе с COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2021. – URL: https://news.cgtn.com/news/2021-07-26/CGTN-think-tank-releases-global-COVID-19-response-rankings-11yZ4Xn4G7t3Yk8U0eO7161231.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 新冠疫情呈两极化发展趋势美国防疫表现最差 CGTN 智库发布国际新冠防疫表现评估报告.

другой стороны, параллельно с этим, через государственные медиа активно продвигалась альтернативная «теория множественного происхождения», основанная на отдельных, не получивших научного подтверждения, зарубежных публикациях, с призывами к ВОЗ провести соответствующие расследования. Подобный подход, сочетающий оборонительную риторику с наступательными информационными действиями, хотя и не привел к изменению позиции западного общественного мнения, способствовал дальнейшей поляризации и усложнению научной дискуссии по данному вопросу[334].

За несколько лет глобальная медийная стратегия Китая достигла заметных успехов. Ей удалось внедрить в глобальное информационное пространство, где доминирует Запад, мощный, громкий и идеологически чётко выраженный «китайский голос», что в определённой степени нарушило монополию западных СМИ на формирование нарративов. В частности, на «Глобальном Юге» – в широком кругу развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки – такие медиа, как CGTN, получили относительно более высокое признание и влияние. Это обусловлено отсутствием укоренившихся идеологических предубеждений и естественной потребностью в не-западной точке зрения.

Тем не менее, данная стратегия сталкивается и с серьёзными вызовами. В

---

[334] CGTN: Эксклюзивное интервью с директором Уханьского института вирусологии, опровергающим конспирологические теории о COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2020. – URL: https://news.cgtn.com/news/2020-05-26/Exclusive-interview-WIV-director-refutes-COVID-19-conspiracy-theories-13dU91eUvOh/index.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 无中生有! CGTN 专访武汉病毒所所长驳斥新冠病毒阴谋论.

мейнстримном западном обществе из-за очевидного государственного финансирования и высокой степени соответствия официальной позиции, на китайские СМИ повсеместно навешивается ярлык «пропагандистской машины» (Propaganda Machine), что ведёт к серьёзному дефициту их авторитетности (кредибильности). Такие события, как отзыв британским регулятором Ofcom лицензии на вещание CGTN в Великобритании[335] и маркировка аккаунтов социальных сетей, таких как Twitter, как «государственных СМИ» (State-affiliated media), отражают огромное сопротивление и институциональные барьеры, с которыми сталкиваются китайские медиа при попытке войти в ключевое западное информационное пространство.

Несмотря на это, истинная цель этой информационной борьбы, возможно, заключается не столько в том, чтобы «убедить» западную аудиторию, сколько в достижении более глубокого стратегического противовеса. Иными словами, задача состоит в том, чтобы, предоставляя достаточно мощный и постоянный альтернативный нарратив, сделать невозможным для любой международной аудитории, интересующейся соответствующими вопросами, игнорировать голос Китая. Цель – превратить глобальное общественное мнение из «монолога» Запада в «диалог» или даже «полемику» между Китаем и Западом. В такой многоголосной информационной среде единому негативному нарративу будет крайне сложно оставаться безальтернативным и окончательным. С этой точки зрения, Китай в глобальном информационном поле уже успешно трансформировался из пассивного «объекта обсуждения» в

---

[335] Ofcom revokes CGTN's licence to broadcast in the UK [Электронный ресурс] // Ofcom. – 2021. – URL: https://www.ofcom.org.uk/news-centre/2021/ofcom-revokes-cgtn-licence (дата обращения: 19.10.2023).

активного «участника формирования повестки дня».

Конкуренция платформ и борьба за суверенитет в цифровом пространстве

Глобальный успех ТикТок (TikTok) ознаменовал собой первый случай, когда Китай добился «наступательного прорыва» на новом цифровом поле битвы, определяющем глобальную популярную культуру. Этот прорыв не только подорвал более чем десятилетнюю монополию американских технологических гигантов в сфере глобальных социальных сетей, но и беспрецедентным образом вывел на передний план стратегического соперничества между Китаем и США борьбу за «цифровой суверенитет» (Digital Sovereignty), развернувшуюся вокруг данных, культуры и прав на управление. На примере опыта ТикТок (TikTok) в США можно чётко проанализировать глубинную суть и накал этого нового типа конкуренции.

До появления ТикТок (TikTok) ландшафт глобальных социальных сетей был практически полностью определён компаниями из Кремниевой долины (Фейсбук (Facebook)[336], Твиттер (Twitter)[337], Инстаграм (Instagram)[338], Ютьюб (YouTube)[339]). Они не только предоставляли платформы, но и экспортировали либеральную технологическую культуру, в основе которой лежали ценности «связанности» и «открытости». Восхождение ТикТок (TikTok) стало полной

[336] Программное обеспечение заблокирован роскомнадзором в 2022 году.
[337] Ibid.
[338] Деятельность Meta (соцсети Facebook и Instagram) запрещена в России как экстремистская.
[339] Ютьюб (YouTube) был заблокирован Федеральным управлением по коммуникациям, информационным технологиям и средствам массовой информации в 2026 году.

сменой парадигмы.

Он не был простым подражателем, а, благодаря своему ядру – мощному рекомендательному алгоритму, который пользователи описывают как обладающий «магическими» свойствами и «понимающий их желания»[340] – создал совершенно новую модель потребления контента. В отличие от традиционных социальных сетей, которые полагаются на «социальный граф» пользователя (люди, на которых он подписан) для распространения контента, страница ТикТок (TikTok) «Для вас» (For You) в основном базируется на «графе интересов». Посредством точного анализа поведения пользователя она непрерывно предлагает короткие видео, которые могут его заинтересовать. Эта модель, при которой «контент находит человека», обладает чрезвычайно сильным аддиктивным потенциалом, что позволяет ей преодолевать языковые и культурные барьеры и достигать вирусного распространения.

К 2020 году ТикТок (TikTok) насчитывал более миллиарда пользователей по всему миру. В США по количеству загрузок и активности пользователей, особенно среди поколения Z, которое считается будущим лидером общественного мнения, он уже превзошёл многих местных конкурентов[341]. Это ознаменовало собой первый случай в истории, когда приложение, разработанное, принадлежащее и управляемое не-западной страной (в частности, Китаем, которого США рассматривают как главного стратегического соперника), стало центральной платформой, определяющей

---

[340] TikTok : How TikTok's Algorithm Works [Электронный ресурс] // TikTok For Business. – 2024. – URL: https://www.tiktokforbusiness.com/en-us/blog/how-tiktoks-algorithm-works/ (дата обращения: 18.02.2026).

[341] Executive Order on TikTok US Operations Divestiture [Электронный ресурс] // The White House. – 2020. – URL: http://world.people.com.cn/n1/2020/0815/c1002-31823540.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普下令字节跳动 90 天内剥离抖音海外版在美所有权益.

тенденции молодёжной культуры в США и во всём мире. ТикТок (TikTok) перестал быть просто приложением, превратившись в культурный феномен, точку входа в социальное пространство и мощный инструмент формирования мировоззрения. Именно поэтому в глазах американской политической элиты он эволюционировал из интересного развлекательного продукта в «цифрового троянского коня», таящего в себе огромные риски[342].

Глубокую обеспокоенность Вашингтона в отношении ТикТок (TikTok) можно деконструировать на три взаимосвязанных уровня: безопасность данных, культурное влияние и информационная цензура.

Критики из США ставят вопрос о безопасности данных. Это наиболее прямое и часто упоминаемое опасение. Критики утверждают, что материнская компания ТикТок (TikTok), Байт Данс (ByteDance), будучи китайским предприятием, независимо от того, насколько она подчёркивает свою самостоятельность, не может избежать ограничений, налагаемых правовой системой Китая. Ключевым аргументом американской стороны стал Закон КНР о национальной разведке 2017 года. Статья 7 этого закона гласит: «Любая организация и гражданин должны в соответствии с законом поддерживать, содействовать и сотрудничать с государственной разведывательной деятельностью»[343].

С точки зрения американской стороны, это означает, что правительство

---

[342] Cotton T. Interview on National Security Concerns Involving a Chinese-Controlled Social Media Platform [Электронный ресурс] // Fox News. – 2020. – URL: https://www.foxnews.com/video/6179635088001 (дата обращения: 18.02.2026).
Schuman M. Why America Fears a Popular Short-Video Platform [Электронный ресурс] // The Atlantic. – 2020. – URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2020/08/why-america-fears-tiktok/614126/ (дата обращения: 18.02.2026).

[343] Ibid.

Китая теоретически может потребовать от Байт Данс (ByteDance) предоставить собранные ею данные сотен миллионов американских пользователей. Эти данные выходят далеко за рамки имён и контактной информации и включают в себя более чувствительные и ценные сведения: данные для составления личных профилей, предпочтения при просмотре, лайки, комментарии, репосты – всё это позволяет создавать чрезвычайно точные модели личных интересов, политических взглядов, психологического состояния и даже ценностных установок[344]. Особо чувствительный вопрос состоит в использовании биометрических и геолокационных данных. Хотя ТикТок (TikTok) отрицает сбор подобной информации, опасения относительно его технических возможностей сохраняются, а именно – что он может собирать биометрические данные лица, образцы голоса и точную геолокацию[345].

Не меньшее внимание уделяется сетям социальных связей, так как через анализ взаимодействий между пользователями можно составить сложные карты социальных отношений[346].

Потенциальные риски в случае получения доступа к этому огромному массиву данных огромны: он может быть использован для крупномасштабного сбора разведывательной информации, целенаправленного анализа и вербовки определённых групп населения (например, госслужащих, военных, учёных), для манипулирования общественным мнением и даже, в крайних случаях, для шантажа или политического давления на отдельных лиц.

Для снятия этих опасений ТикТок (TikTok) предложил решение под

---

[344] Ibid.
[345] Ibid.
[346] Ibid.

названием «Проект Техас» (Project Texas). Компания обязалась хранить все данные американских пользователей на территории США под управлением и надзором американской технологической компании Оракул (Oracle), а также предоставить правительству США доступ для проверки своего исходного кода и алгоритмов. Однако даже этот беспрецедентный по своим масштабам и затратам план стоимостью более 1,5 миллиарда долларов не смог переломить политический консенсус в Вашингтоне[347]. Критики, в том числе директор ФБР Кристофер Рэй, утверждали, что, пока Байт Данс (ByteDance) сохраняет право собственности и контроль над исходным кодом и алгоритмами, риски манипулирования контентом и потенциального доступа к данным по приказу из Пекина фундаментально не устранены[348]. Провал «Проекта Техас» в качестве убедительного политического аргумента стал одним из ключевых катализаторов для перехода Конгресса к более радикальному законодательному решению в 2024 году[349].

По сравнению с кражей данных, США больше беспокоит потенциал TikTok для «мягкого проникновения» в культурную и когнитивную сферы. В основе этих опасений лежит загадочный и очень влиятельный алгоритм ТикТок (TikTok). Если данные сравнить с «цифровой нефтью», то алгоритм функционирует как «нефтеперерабатывающий завод» и «нефтепровод», напрямую определяя, что пользователи «видят», а что «не видят»[350].

---

[347] Oracle and TikTok Partner to Deliver Secure Cloud Services for U.S. Users [Электронный ресурс] // Oracle Corporation. – 2020. – URL: https://www.oracle.com/corporate/pressrelease/oracle-tiktok-partner-092820.html (дата обращения: 18.02.2026).

[348] Ibid.

[349] Ibid.

[350] United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs: Hearing on Social Media Platforms and Foreign Influence [Электронный ресурс] // U.S. Senate Homeland Security Committee. – 2022. – URL: https://www.hsgac.senate.gov/hearings/social-media-platforms-and-foreign-influence (дата обращения: 18.02.2026).

Такие опасения проявляются в основном в двух аспектах. Во-первых, в плане негативного воздействия. Некоторые американские политики и комментаторы характеризуют ТикТок (TikTok) как «цифровой фентанил», который увлекает молодежь в бессмысленные развлечения, утверждая, что его алгоритмы постоянно продвигают огромное количество поверхностного, однородного контента, тем самым подрывая способности молодого поколения к критическому мышлению и чувство причастности к реальности[351].

Во-вторых, на уровне активного вмешательства (определение повестки дня). Более глубокое опасение Америки заключается в возможности использования алгоритма в качестве инструмента для оказания политического влияния. Путем тонкой настройки алгоритма можно скрытно достичь следующих целей[352].

Тем не менее можно констатировать усиление прокитайской риторики: незаметное продвижение среди американских пользователей контента, представляющего Китай в благоприятном свете и восхваляющего его модель развития. Ответом на это является подавление антикитайского контента: сокращение или полная блокировка видеороликов, затрагивающих чувствительные для китайского правительства темы, такие как протесты в Синьцзяне, Тибете, Тайване и Гонконге[353].

TikTok’s Data Storage Plan Fails to Quiet U.S. Lawmaker Skepticism [Электронный ресурс] // Bloomberg News. – 2021. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-12/tiktok-s-data-storage-plan-fails-to-quiet-u-s-lawmaker-skepticism (дата обращения: 18.02.2026).

[351] Ibid.

[352] The Hidden Power of Algorithms in Shaping Political Opinion [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2020. – URL: https://www.nytimes.com/2020/11/17/technology/algorithms-political-opinion.html (дата обращения: 18.02.2026).

[353] Social Media App Restricts Content on China’s Sensitive Issues for Global Users [Электронный ресурс] // Reuters. – 2020. – URL:

Со стороны США сохраняются обвинения в адрес Китая по поводу вмешательства во внутреннюю политику в электоральные периоды, в частности, в манипулировании алгоритмами, направленном на усиление социальных противоречий или на неявное формирование политических взглядов молодых избирателей[354].

Заявления руководства ТикТок (TikTok) о том, что его политика модерации контента управляется американской командой и функционирует независимо от китайской версии Доуин (Douyin), входят в противоречие с сообщениями пользователей об ограничении или удалении материалов с чувствительной информацией. Это подпитывает скептическое отношение к политике компании[355]. Непрозрачность «алгоритмического черного ящика» формирует его потенциал как трудноотразимого «оружия влияния».

Данные опасения, будучи связанными с культурным влиянием, в своей основе затрагивают ценностные противоречия. Отстаиваемая Соединенными Штатами этика Интернета базируется на модели «свободного порта», закрепленной в разделе 230 Закона о пристойности в коммуникациях. Ее ключевой принцип состоит в отсутствии ответственности платформ за пользовательский контент, при котором обеспечивается максимальная свобода

---

https://www.reuters.com/technology/social-media-app-restricts-content-china-sensitive-issues-2020-06-16/ (дата обращения: 18.02.2026).

[354] U.S. Alleges Algorithm Manipulation as New Tool of Foreign Political Interference [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 2021. – URL: https://www.wsj.com/tech/u-s-alleges-algorithm-manipulation-as-new-tool-of-foreign-political-interference-11632488400 (дата обращения: 18.02.2026).

[355] TikTok’s U.S. Content Moderation Promises Clash With User Reports of Unaccountable Removals [Электронный ресурс] // The Verge. – 2023. – URL: https://www.theverge.com/2023/7/6/23787464/tiktok-us-content-moderation-user-reports-removals (дата обращения: 18.02.2026).

TikTok: Issues for Congress Regarding Data Security and Content Moderation [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. – 2024. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47512 (дата обращения: 18.02.2026).

выражения мнений[356]. Китайская модель управления интернет-пространством, напротив, предполагает сочетание государственного руководства и корпоративной ответственности, что выражается в строгом предварительном контроле и последующей цензуре онлайн-контента[357].

Глобальная популярность ТикТок (TikTok), с точки зрения американских «ястребов», рассматривается как успешный «экспорт» китайской модели управления контентом. Существуют опасения, что компания, обладающая опытом внутренней цензуры в КНР, может экстраполировать привычные механизмы и технические возможности на свои глобальные продукты. Следовательно, существует риск, что границы свободы слова на платформе с многомиллионной аудиторией будут определяться не локальным законодательством или консенсусом сообщества, а непрозрачным центром принятия решений в Пекине. Подобный сценарий воспринимается как прямая угроза идеалам «открытого интернета», продвигаемым США, и трактуется как фундаментальное идеологическое противостояние за будущее глобальной сети[358].

В качестве ответа на указанные вызовы правительство США перешло к радикальным контрмерам, что трансформировало конфликт вокруг платформы в вопрос суверенитета.

В 2020 году администрация Д. Трампа издала указ, предписывающий

---

[356] Executive Order on Prohibiting Transactions with TikTok and WeChat [Электронный ресурс] // The White House. – 2020. – URL: https://www.xinhuanet.com/world/2020-08/07/c_1126338390.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普下令 45 天后禁止与抖音海外版和微信进行交易.

[357] Ibid.

[358] TikTok CEO defends app's data policies at US Congress [Электронный ресурс] // China Daily. – 2023. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/24/WS641d12a0a31057c47ebb65a9.html (Дата обращения: 18.02.2026). U.S. Supreme Court upholds TikTok ban ahead of looming deadline [Электронный ресурс] // People's Daily Online. – 2025. – URL: http://en.people.cn/n3/2025/0118/c90000-20267726.html (Дата обращения: 18.02.2026).

ByteDance в 90-дневный срок продать американские активы ТикТок (TikTok) под предлогом угрозы национальной безопасности, в противном случае угрожая запретом платформы[359]. Данный шаг стал прецедентом радикального применения концепции «цифрового суверенитета», согласно которой государство вправе определять условия деятельности иностранных цифровых платформ на своей территории и принудительно изменять их структуру собственности. Ультиматум «продай или будешь запрещен», хотя и был заблокирован судебными исками, окончательно опроверг характерный для эпохи глобализации тезис о «технологиях без границ».

Администрация Дж. Байдена, придя к власти, отменила указы предшественника, однако не отказалась от настороженного подхода. Напротив, была выработана более систематизированная стратегия регулирования[360]. Были подписаны новые указы, обязывающие Министерство торговли проводить расширенные проверки рисков, связанных с приложениями, аффилированными с «иностранными противниками»[361]. Однако этот шаг являлся тактической паузой, а не стратегическим разворотом. Давление на ТикТок (TikTok) продолжало нарастать на уровне штатов (многие из которых запретили приложение на правительственных устройствах) и в Конгрессе.

---

[359] TikTok Divestiture or Ban Act, 2024 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. –2024. – URL: http://world.people.com.cn/n1/2025/0405/c1002-40453710.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普宣布将再给予 TikTok “不卖就禁用” 法律 75 天宽限期.

[360] Байден отменяет запрет на китайское программное обеспечение, такое как TikTok и WeChat [Электронный ресурс] // People's Daily Online. –2021. –URL: http://world.people.com.cn/n1/2021/0611/c1002-32128173.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 拜登撤销对 TikTok 和微信等中国软件禁令要求商务部审查相关应用风险.

[361] Executive Order 14034 - Protecting Americans’ Sensitive Data From Foreign Adversaries [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/06/09/executive-order-protecting-americans-sensitive-data-from-foreign-adversaries/ (дата обращения: 07.02.2026).

Поворотным пунктом в развитии ситуации стали слушания в Конгрессе в марте 2023 года, в ходе которых генеральный директор ТикТок (TikTok) Шоу Цзы Чу (周受资) столкнулся с жестким двухпартийным допросом[362]. Данное событие показало, что озабоченность в отношении платформы глубоко укоренилась в американском истеблишменте и приобрела надпартийный характер.

Апогеем данного процесса стало принятие в апреле 2024 года Конгрессом США и подписание президентом Байденом закона «О защите американцев от приложений, контролируемых иностранными противниками» (Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act)[363]. Этот законодательный акт фактически кодифицировал ультиматум эпохи Трампа, предоставив Байт Данс (ByteDance) около девяти месяцев (с возможностью продления) для продажи американского сегмента ТикТок (TikTok). В противном случае платформе грозил полный запрет на территории США путем блокировки в магазинах приложений и у интернет-провайдеров. Вскоре после этого ТикТок (TikTok) и группа пользователей инициировали судебные иски, оспаривая конституционность закона как нарушение Первой поправки. Таким образом, к началу 2025 года поле противостояния окончательно переместилось из исполнительной и законодательной ветвей власти в судебную, что инициировало затяжную юридическую борьбу с неопределенным исходом.

---

[362] TikTok Inc. and ByteDance Ltd. v. Garland. Petition for Review, U.S. Court of Appeals for the District of Columbia Circuit [Электронный ресурс] // U.S. Court of Appeals for the District of Columbia. – 2024. – URL: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cadc.26906/gov.uscourts.cadc.26906.1.0.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

[363] Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act (as part of H.R.815), Pub. L. 118-50 [Электронный ресурс] // Конгресс США. – 2024. – URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/815/text (дата обращения: 23.02.2026).

Положение ТикТок (TikTok) в США символизирует собой важный этап в стратегической конкуренции между Китаем и США в цифровую эпоху. Оно означает, что арена противостояния расширилась с материальных сфер, таких как торговля и военные дела, до нематериальных сфер алгоритмов, данных и культурного влияния. Это уже не просто коммерческое соперничество, а ожесточенная борьба за «цифровой суверенитет»: имеют ли суверенные государства право контролировать поток данных своих граждан? Имеют ли они право регулировать контент экосистем иностранных цифровых платформ, работающих в пределах их границ? И обладают ли они властью защищаться от потенциального культурного и политического проникновения, основанного на алгоритмах?

Пример ТикТок (TikTok) раскрывает глубокую реальность. На фоне растущей тенденции фрагментации глобального интернета национальная идентичность цифровых платформ стала более значимой, чем когда-либо прежде. Эта продолжающаяся судебно-политическая борьба не только определит судьбу ТикТок (TikTok) как отдельного приложения, но и установит глубокие и прочные границы для будущих правил управления глобальными цифровыми платформами, правовых рамок для трансграничных потоков данных и моделей сосуществования (или конфронтации) между крупными державами в цифровой сфере.

Выводы

Анализ китайско-американских отношений в период с 2013 по 2025 г. показывает, что они достигли высокой степени соперничества. В современных академических и политических кругах для характеристики этого состояния широко используется термин «новая холодная война». Однако, несмотря на популярность данной аналогии, сам характер современного соперничества, детально изученный в настоящей работе, указывает на его сущностные отличия от противостояния эпохи холодной войны, несмотря на наличие определенных сходств в идеологической сфере и соперничестве великих держав. Ключевыми отличиями являются:

1. Глубокая экономическая взаимозависимость в противовес полному разделению. Между США и СССР существовали две практически полностью изолированные параллельные экономические системы. В то время как между Китаем и США сформировалась глубокая экономическая взаимозависимость: в 2020 году объем двусторонней торговли по-прежнему превышал 580 миллиардов долларов[364]. Несмотря на громкие призывы к «разъединению» (decoupling) или «снижению рисков» (de-risking), сложность глобальных цепочек поставок делает полное экономическое размежевание в краткосрочной перспективе нереалистичным и непомерно дорогостоящим.

2. Отсутствие жесткой блоковой конфронтации в условиях глобализации.

Эпоха холодной войны характеризовалась противостоянием двух четко разделенных лагерей. В современную эпоху глобализации подавляющее

---

[364] Генеральное таможенное управление Китая. Статистический ежегодник внешнеэкономической деятельности Китая 2020 / Генеральное таможенное управление Китая. - Пекин: Издательство Генерального таможенного управления Китая, 2021. - С. 189-192. (на кит. яз.). 中国海关总署 2020 年中国对外经济活动统计年鉴.

большинство стран, включая союзников США, не желают делать однозначный выбор «черное или белое» между Китаем и США, а склонны применять стратегию хеджирования, одновременно поддерживая отношения с обеими сторонами. Это существенно препятствует формированию двух изолированных друг от друга лагерей.

3. Различия в сферах конкуренции.

Смещение фокуса соперничества со сферы военной безопасности на технологическую и экономическую области. Ядром холодной войны было военное противостояние и ядерное сдерживание – борьба за выживание в сфере «жесткой силы». В то же время, эпицентр китайско-американского соперничества проявляется прежде всего в экономической, технологической и нормотворческой сферах, представляя собой долгосрочное соревнование «совокупной государственной мощи» за право на будущее развитие и влияние на формирование международного порядка.

Таким образом, механическое применение рамок «новой холодной войны» может привести к неверной оценке сложности и уникальности нынешнего этапа соперничества. Исследование показало, что движущей силой данной конкуренции является сочетание двух элементов: структурного сдвига в расстановке сил и фундаментального идеологического противостояния.

С одной стороны, происходит структурная трансформация глобального баланса сил. Рост совокупной мощи Китая объективно ставит под вопрос глобальное доминирование США, установившееся после Второй мировой войны. Согласно теории перехода власти и концепции «ловушки Фукидида»,

столкновение державы-гегемона с восходящей державой сопряжено с риском конфронтации, что является одним из классических вызовов безопасности в истории международных отношений.

С другой стороны, налицо фундаментальное идеологическое противостояние. Это соперничество заключается не только в борьбе за влияние между двумя государствами, но и в конкуренции двух различных социально-экономических и ценностных моделей. С одной стороны — «Вашингтонский консенсус», базирующийся на принципах либеральной демократии и рыночной экономики, с другой — условная «Пекинская модель», характеризующаяся доминирующей ролью государства в экономике и иными подходами к политическому управлению. Этот цивилизационный аспект привносит в силовое противостояние элемент непримиримости, что затрудняет поиск компромиссов и придает соперничеству черты «игры с нулевой суммой».

Именно эти две движущие силы, переплетаясь и взаимно усиливая друг друга, формируют основной механизм, который интенсифицирует китайско-американскую конкуренцию. Давление, создаваемое сменой баланса сил, придает идеологическим разногласиям экзистенциальный характер, в то время как фундаментальное идеологическое противостояние трансформирует цели силовой конкуренции, смещая их от «сосуществования» к взаимному сдерживанию и подавлению.

Заключение

Ретроспективный анализ китайско-американских отношений свидетельствует, что политика США за последние три десятилетия привела к фундаментальному пересмотру Китаем своего стратегического подхода. Если прежде лейтмотивом стратегии КНР в отношении Америки были «интеграция и сотрудничество», то теперь ее ядром стали «борьба и формирование выгодной для себя международной среды». Данная трансформация имеет историческое значение для процесса национального возрождения и обусловлена новой оценкой Пекином стратегических намерений Вашингтона и глобальной обстановки в целом. Ниже по пунктам представим основные черты и характеристики этого фундаментального сдвига.

Начиная с 2013 года в двусторонних отношениях произошел фундаментальный переход от установки на сотрудничество, характерной для периода «стратегических возможностей», к парадигме долгосрочной борьбы в контексте «великих перемен, невиданных за столетие». В основе этого лежит осознание того, что сдерживание подъема Китая стало устойчивым двухпартийным консенсусом и национальной волей в США. Любые тактические шаги по снижению напряженности не способны изменить этот стратегический вектор. Следовательно, доминантой в отношениях с США становится не пассивное ожидание, а принцип «достижения единства и развития через борьбу» для защиты национального суверенитета, безопасности и интересов развития.

Если 2013 год, как было обозначено ранее, стал «водоразделом» в

трансформации двусторонних отношений, то качественный перелом, после которого примеры соперничества стали более значимыми и частыми, чем примеры сотрудничества, можно с высокой степенью определённости отнести к периоду 2017–2018 годов. Именно в это время тенденции жесткого противостояния окончательно укрепились. Особенностью нового этапа стали не отдельные конфликтные эпизоды, а закрепление соперничества в качестве основы государственной политики США. Публикация Стратегии национальной безопасности США в декабре 2017 года, где Китай был официально назван «стратегическим соперником», и последующее развязывание полномасштабной торговой войны в 2018 году ознаменовали окончательный отказ Вашингтона от политики «взаимодействия» (engagement). Именно в этот момент соперничество из одного из аспектов двусторонних отношений превратилось в их доминирующую логику, распространившись из экономической в технологическую, военно-стратегическую и идеологическую сферы. В этот период произошел фундаментальный сдвиг в стратегии Китая по выстраиванию взаимодействий с США, когда Китай стал не просто реагировать на вызовы со стороны США, но и инициировать собственные проекты для участия в формировании новой архитектуры международных отношений.

Реакция Китая на изменения политики США была поэтапной, но решительной. На начальном этапе (2018-2019 гг.) Пекин стремился локализовать конфликт в торгово-экономической сфере, отвечая зеркальными тарифами и ведя переговоры в надежде на деэскалацию. Однако по мере того, как давление США приобретало системный и многомерный характер, особенно

в виде технологической блокады против таких компаний, как Huawei, китайское руководство осознало экзистенциальный характер вызова. В ответ на это произошла фундаментальная перестройка национальной стратегии. Вместо пассивной обороны Китай перешёл к активному формированию контуров противодействия. Именно в этот период концепции «самодостаточности в науке и технологиях» и модель «двойной циркуляции» были преобразованы из долгосрочных ориентиров в неотложные императивы национальной безопасности. Произошел вынужденный, но сознательный переход от адаптации к системе во главе с США к формированию альтернатив и снижению собственной стратегической уязвимости.

Пекин придерживается позиции, что текущая стратегическая конкуренция была в одностороннем порядке спровоцирована Соединенными Штатами, чьи действия привели двусторонние отношения к историческому минимуму. Ответные действия Китая, таким образом, носят вынужденный характер. При этом в ходе этого противостояния КНР постепенно переходит от пассивной обороны к роли активного субъекта, формирующего новый миропорядок. Цель состоит в демонтаже однополярной гегемонистской системы и содействии формированию более справедливого и сбалансированного многополярного международного устройства.

Прежде Китай придерживался стратегической линии «скрывать свои возможности и ждать своего часа», рассматривая США как важнейшего внешнего партнера для своей модернизации. Несмотря на серьезные инциденты (такие как «Иньхэ», бомбардировка посольства КНР в Белграде и столкновение

самолетов над Южно-Китайским морем), приоритет последовательно отдавался сотрудничеству перед конфронтацией для поддержания стабильной внешней среды, благоприятной для внутреннего развития. Однако демонстративная реализация Вашингтоном стратегии «поворота к Азии» с укреплением военных альянсов и провоцированием споров по периметру границ КНР привела к ясному осознанию Пекином глубины стратегического недоверия США к его подъему. В тот период Китай выдвинул концепцию «отношений нового типа между великими державами», основанную на принципах неконфликтности, неконфронтации, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества, но это конструктивное предложение не нашло отклика в Вашингтоне.

Приход к власти администрации Д. Трампа в 2017 г. можно считать рубежным этапом, после которого в политических кругах США утвердилось консолидированное восприятие Китая не как регионального, а как глобального соперника. Ключевая обеспокоенность Вашингтона заключалась не только в потенциальном превосходстве Китая в сферах «жесткой силы» (экономика, технологии, военная мощь), но и в его способности предложить миру жизнеспособную и более привлекательную альтернативную модель развития, что могло бы подорвать основы существующего миропорядка и положить конец глобальному лидерству США.

Торговые и технологические войны, начатые администрацией Д. Трампа, а также их интенсификация при администрации Дж. Байдена через политику «маленького двора с высоким забором», окончательно убедили руководство КНР в том, что стратегическая цель Америки — не честная конкуренция, а

системное лишение Китая права на развитие и срыв процесса его модернизации. Именно на этом этапе, когда соперничество стало всеобъемлющим, иллюзии относительно способности США мирно принять усиление Китая были окончательно развеяны, и комплексные контрмеры, описанные выше, стали единственно возможным стратегическим выбором.

С китайской точки зрения, суть китайско-американской конкуренции заключается в «соревновании между различными системами и путями развития», а не в «антагонистическом столкновении цивилизаций и идеологий». Заявление в докладе на 20-м Национальном съезде КПК о том, что «Китай будет придерживаться мирного развития и решительно противостоять гегемонизму», четко определяет основные принципы и цели конкуренции Китая с США: он не будет инициировать конфронтацию, но никогда не пойдет на компромисс в отношении своих основных интересов. Конечной целью этой конкуренции является достижение взаимной выгоды и общего процветания как в области национального развития, так и в области глобального управления. Предложенная в Тяньцзине структура «двух списков» свидетельствует о проблемно-ориентированном и прагматичном подходе Китая к отношениям с США: «список корректировок» формулирует требования по исправлению необоснованных мер США в отношении Китая, а «список сотрудничества» определяет области практического двустороннего сотрудничества. По сути, это отражает четкое разграничение Китаем границ между конкуренцией и сотрудничеством в китайско-американских отношениях, а также важную стратегическую инициативу по обеспечению преимущества в этой

конкурентной среде.

Более того, эволюция дипломатической стратегии Китая от позиции «скрывать свои возможности и ждать своего часа» к позиции «энергично действовать и добиваться успехов» не означает отказ от международного сотрудничества. Скорее, это стратегическая адаптация к укреплению глобального статуса Китая. В ее основе лежит проактивное принятие на себя обязательств, соразмерных национальной мощи в рамках глобального управления, при одновременном обеспечении прав развивающихся стран на развитие. Это является основной причиной, по которой Китай последовательно поддерживает многосторонний подход в условиях конкуренции между Китаем и США.

В ответ на технологическое давление США Пекин придал задаче «самодостаточности и опоре на собственные силы в сфере науки и технологий» статус ключевого элемента стратегии национальной безопасности. Через «новую общенациональную систему» (新型举国体制) мобилизуются ресурсы для ликвидации отставания в таких технологиях, как полупроводники. Следует отметить, что и стратегия США эволюционировала: от тарифной политики при Д. Трампе к адресным ограничениям в сфере высоких технологий при Дж. Байдене.

Ответная стратегия Китая многомерна. Она предусматривает, с одной стороны, форсирование самостоятельных исследований и разработок для преодоления технологической блокады, а с другой — построение новой модели развития «двойной циркуляции» (国内国际双循环). Эта модель призвана

повысить устойчивость национальной экономики к внешним шокам за счет опоры на внутренний рынок при сохранении открытости. Такой курс означает фундаментальный сдвиг в траектории развития страны, поскольку основа экономического роста переносится на внутренний рынок. Это позволяет снизить зависимость от внешнего спроса и, соответственно, уязвимость к экономическим ограничениям. Укрепление научно-исследовательского потенциала является неотъемлемой частью данного подхода. Его цель выходит за рамки противодействия краткосрочным блокадам и заключается в создании автономной системы промышленной безопасности. Между тем, реалии внешней среды делают эту стратегию осуществимой. Эффективность односторонней политики сдерживания Китая, которую проводят США, ограничивается ее негативным воздействием на глобальные производственные цепочки. При этом эффективность американской политики экономического сдерживания оказалась ограниченной: рынок США по-прежнему сохраняет высокую зависимость от китайского импорта, а проблема торгового дефицита не была решена. Союзники же Вашингтона в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе, руководствуясь собственными экономическими интересами, не пошли на полный разрыв связей (decoupling) с КНР. Это дало Китаю ценную стратегическую передышку для проведения корректировок, сохраняя при этом его открытость для внешнего мира.

В военном измерении логика этого «активного формирования обстановки» прослеживается не менее четко и проявляется как «оборонительная трансформация, основанная на силе». Военная стратегия Китая

эволюционировала от традиционной «обороны национальной территории» к новой модели, сочетающей «оборону прибрежных вод» и «охрану открытого моря». Модернизация вооруженных сил, в рамках которой основное внимание уделяется формированию потенциала «антидоступа/ограничения и воспрещения доступа и манёвра» (A2/AD), преследует цель не столько внешней экспансии, сколько увеличения издержек для любого внешнего вмешательства в национальные интересы Китая (прежде всего, в тайваньский вопрос). Таким образом Пекин реализует свою стратегическую установку — «сдерживать конфликты и поддерживать мир на основе силы». Переход от ситуативного реагирования к проактивному кризисному управлению, основанному на постоянном сдерживании, наряду с эволюцией глобальной роли КНР как одного из инициаторов многосторонних структур безопасности, свидетельствует о стремлении Пекина использовать свой растущий потенциал для построения более сбалансированного регионального порядка. Целью не является подрыв существующей международной системы или достижение военной гегемонии. Установка на «углубление внутренних основ» в экономике и принцип «отторжения внешнего вмешательства» в военной сфере представляют собой два взаимосвязанных компонента единой большой стратегии Китая в новую эпоху. Их объединяет движущая сила — естественный рост национальной мощи и рациональная оценка изменений внешней среды; единая стратегическая логика — переход от «пассивного реагирующего» к «активному формирователю внешней обстановки». Фактически Китай, твердо отстаивая свои основные интересы, проявляет

максимально возможную рациональную сдержанность, стремясь избежать дорогостоящего прямого противоборства.

В политико-дипломатической сфере внешняя политика КНР проявляет большую уверенность и инициативность. Выдвинув Глобальные инициативы по развитию, безопасности и цивилизационному диалогу, Пекин противопоставляет американскому идеологическому нарративу о противостоянии «демократий и автократий» собственное видение мироустройства. Дипломатический фокус заметно сместился в сторону стран Глобального Юга. Посредством таких платформ, как «Один пояс, один путь», БРИКС+ и ШОС, Китай формирует широкую коалицию развивающихся стран с целью построения диверсифицированной, не ориентированной на США сети международного сотрудничества. Политизация Вашингтоном вопросов прав человека, климата и здравоохранения для вмешательства во внутренние дела КНР расценивается Пекином как «незаконное вмешательство», на которое принимаются зеркальные ответные меры. Фактически в политико-дипломатических отношениях с США Китай неизменно подчеркивает необходимость мышления, исходя из базовых принципов и неприкосновенных границ(底线思维)。По своей сути это рациональный выбор, обусловленный национальными жизненными интересами, реальной международной конъюнктурой и потребностями стратегической безопасности. Его основное содержание заключается в четком определении непреодолимых красных линий: исходить из наихудшего сценария, но стремиться к наилучшему результату. Конкретно это выражается в защите социализма с

китайскими особенностями, обеспечении процесса модернизации, сохранении государственного суверенитета и территориальной целостности. При этом тайваньский вопрос является ядром жизненных интересов и первой неприкосновенной красной линией.

Упор на мышление, исходя из базовых принципов, в китайско-американских отношениях обусловлен несколькими факторами: необходимостью противостоять реальным вызовам, когда США рассматривают Китай как стратегического конкурента, проводят политику унилатерализма и гегемонизма, постоянно провоцируя и вмешиваясь в вопросы, затрагивающие основные интересы Китая; необходимостью регулировать структурные противоречия между двумя странами, предотвращать стратегические просчеты и не допустить, чтобы китайско-американские отношения скатились к конфликту и противостоянию. В то же время данный подход демонстрирует решимость Китая твердо защищать свои основные интересы, не провоцируя конфликтов, но и не боясь их, обеспечивает диалектическое единство мирного развития и независимой внешней политики. Он сплачивает общество внутри страны и передает международному сообществу позицию Китая как ответственной великой державы, выступающей против гегемонизма и притеснений, стремящейся к взаимовыгодному сотрудничеству.

С практической точки зрения, мышление, исходя из базовых принципов, очерчивает для китайско-американских отношений границы «недопустимого», создает стабильную основу для управления разногласиями и помогает Китаю сохранить стратегическую инициативу в дипломатии.

Проводимая Соединенными Штатами стратегия двойного сдерживания России и Китая объективно способствовала стратегическому сближению Москвы и Пекина. Это привело к формированию отношений всеобъемлющего партнерства, характеризуемых формулой «не союзники, но больше, чем союзники». Движущими силами данного процесса выступили: общее для обеих стран санкционное давление со стороны США и их союзников; наращивание американского военного присутствия в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе; а также близость позиций по ключевым вопросам международной повестки дня.

В культурно-публицистической сфере взаимодействие между Китаем и США характеризуется устойчивой тенденцией «связанности, но без свободного взаимодействия». В ответ на тенденцию США к политизации и секьюритизации гуманитарных обменов китайская академическая среда выдвинула стратегический подход «точного противовеса».

Данный подход предполагает следующие направления: во-первых, в образовательной и научной сфере реализацию «косвенного сотрудничества» через совместные исследования по нечувствительным дисциплинам; во-вторых, в экономической плоскости укрепление гражданских связей через платформы трансграничной электронной коммерции, продукцию культурного творчества и бренды движения «Гочжао» (国潮)[365]; в-третьих, в цифровой коммуникации преодоление традиционных политико-дискурсивных барьеров с

[365] Гочжао (или «китайский национальный стиль») — это современная мода и культура, основанные на традиционных китайских элементах и символах.

использованием новых социальных платформ — ТикТок (TikTok), Хуншу[366] (小红书) и других.

Сохранение каналов академического обмена между КНР и США рассматривается как важный инструмент предотвращения стратегических просчетов. Для восстановления диалога на неправительственном уровне предлагается использовать многосторонние площадки, соблюдая при этом принципы культурной безопасности.

Наращивание военно-технической и политической поддержки Тайваня со стороны США ведет к постепенной ревизии американской политики «одного Китая». Эта стратегия направлена на использование тайваньского фактора для сдерживания КНР. В китайском экспертном сообществе доминирует мнение о высокой вероятности военного столкновения с США, очагом которого может стать Тайваньский пролив. Ответные действия Пекина по защите суверенитета привели к изменению баланса сил в регионе, повысив риски прямого конфликта.

В Пекине исходят из того, что возврат к прежним форматам диалога с Вашингтоном невозможен, а конфронтационный характер двусторонних отношений приобретает долгосрочный характер. Даже при смене администрации в начале 2025 году основополагающий вектор стратегии сдерживания Китая вряд ли изменится; варьироваться будут лишь тактика и интенсивность. Следовательно, ключевая задача КНР — сосредоточиться на внутреннем развитии («хорошо делать свои дела»), сохранять стратегическую

---

[366] Китайская социальная сеть. Для обмена моментами повседневной жизни.

выдержку и готовиться к длительному стратегическому противостоянию.

В долгосрочной перспективе смещение глобального центра силы с Запада на Восток рассматривается как объективная тенденция. Миропорядок, к формированию которого стремится Китай, обладает чертами «блоковой многополярности». Она проявляется в возникновении по всему миру региональных объединений, возглавляемых разными лидерами (например, БРИКС и AUKUS). Отношения между этими блоками, в отличие от моделей времен холодной войны, основаны на прагматичных интересах и характеризуются динамическим равновесием, где сосуществуют конкуренция и сотрудничество.

Таким образом, фундаментальный сдвиг в стратегии Китая является как вынужденным ответом на давление со стороны США, так и осознанным стратегическим выбором в пользу национального возрождения и формирования нового миропорядка. Это означает окончательный отход от прежней стратегии и утверждение Китая в качестве самостоятельного центра силы, активно участвующего в формировании глобальной архитектуры. На фоне некоторого ослабления торговой войны наиболее вероятной траекторией развития двусторонних отношений может стать модель «разделенного управления» (隔洋而治), предполагающая разграничение сфер влияния: США признают сферу влияния КНР в Восточной Азии, сосредоточив собственное внимание на Западном полушарии. В результате возможно формирование новой биполярной структуры, воспроизводящей некоторые черты американо-советского противостояния, но на ином технологическом и политическом уровне.

Список сокращений и условных обозначений

5G – пятое поколение мобильной связи

AIIB – Asian Infrastructure Investment Bank

АУКУС (AUKUS) – трёхсторонний пакт безопасности между Австралией, Великобританией и США

BBC – British Broadcasting Corporation

BIT – Bilateral Investment Treaty

BRI, ОПОП – Один пояс один путь

CBO – Congressional Budget Office

CCIEE – China Center for International Economic Exchanges

CCTV – China Central Television

CDC – Centers for Disease Control and Prevention

CGTN – China Global Television Network

CIISS – China Institute for International Strategic Studies

CIRD – China Institute for Reform and Development

CNN – Cable News Network

COP26 – 26-я Конференция Организации Объединенных Наций по изменению климата

COVID-19 – коронавирусная инфекция 2019-nCoV

CPAFFC – The Chinese People’s Association for Friendship with Foreign Countries (Китайской народной ассоциации дружбы с зарубежными странами)

CPEC – China-Pakistan Economic Corridor

CRA – Contingent Reserve Arrangement

CSCPRC – Chinese culture promotion society aesthetic education Commission (Комитет по научным связям с КНР)

CSIS – Center for Strategic and International Studies (Центра стратегических и международных исследований)

CSPCNE – Comprehensive Strategic Partnership of Coordination for a New Era

DJI – Dajiang Innovation, DJI Technology Co., Ltd.

EAR – Export Administration Regulations

ETC – Ebola treatment centre

FETP – China-US Field Epidemiology Training Program

FONOPs – Freedom of Navigation Operations (Операции по обеспечению свободы судоходства)

G2 – Group of Two

G20 – Большая двадцатка

GM – General Motors (Дженерал Моторз)

ICAO – International Civil Aviation Organization

IEEPA – International Emergency Economic Powers Act

IIE – Institute of International Education

IMF – International Monetary Fund

JCPOA – Joint Comprehensive Plan of Action

MMCA – Military Maritime Consultative Agreement (Военно-морское консультативное соглашение)

MOU – Memorandum of Understanding (Меморандум о взаимопонимании)

NAFSA – National Association of Foreign Student Affairs (Ассоциации

международных преподавателей)

NCUSCR– National Committee on United States-China Relations (Национальный комитет по американо-китайским отношениям)

NRDC – Natural Resources Defense Council (Совет по защите природных ресурсов)

OPM – United States Office of Personnel Management (Управление кадровой службы США)

Куад (QUAD) – The Quadrilateral Security Dialogue

S&ED – U.S.– China Strategic and Economic Dialogue

SDDS – Special Data Dissemination Standards

SDR – Special Drawing Right

STEM – Science, Technology, Engineering, and Mathematics

TARP – Troubled Asset Relief Program (Программа помощи проблемным активам)

TECRO – Taipei Economic and Cultural Representative Office (Тайбэйское экономическое и культурное представительство)

THAAD – Terminal High Altitude Area Defense (Терминальная высотная зона обороны)

ТикТок (TikTok) – a short-form video social platform under the Douyin Group.

TRA – Taiwan relation act (акт об отношениях США и Тайваня)

ТСМК (TSMC) – Taiwan Semiconductor Manufacturing Company

USAID – United States Agency for International Development

USCBC – US-China Business Council (Китае и Американо-китайский деловой

совет)

USTR – Office of the United States Trade Representative (Торгового представительства США)

WHA – World Health Assembly

WWF – World Wide Fund For Nature (Всемирный фонд дикой природы)

ZTE – Zhong Xing Telecommunication Equipment

АБИИ – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций

АПТ – АСЕАН плюс Три (АСЕАН+3)

АСЕАН – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион

АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество

АУГ – авианосные ударные группы

БРИКС – группа государств БРИКС (англ. BRICS – группа из пяти быстроразвивающихся стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика)

ВВП – Валовой внутренний продукт

ВИЭ – возобновляемые источники энергии

ВИЧ – вирус иммунодефицита человека

ВМС – военно-морские силы

ВОЗ – Всемирной организации здравоохранения

ВТО – Всемирная торговая организация

ГАТТ – Генеральное соглашение по тарифам и торговле

ДНЯО – Договора о нераспространении ядерного оружия

ИДВТ – Исламское движение Восточного Туркестана

ИИ – искусственный интеллект

ИК – Институт Конфуция

ИС – интеллектуальная собственность

ИЭЗ – Исключительная экономическая зона

КНДР – Корейская Народная Демократическая Республика

КНР – Китайская Народная Республика

КПК – Коммунистической партии Китая

МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии

МВФ – Международный валютный фонд

МИД – Министерство иностранных дел

МССБ – Международных сил содействия безопасности

НАТО – Организация Североатлантического договора

НБР – Новый банк развития

НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НОАК – Народно-освободительная армия Китая

НПО – неправительственная организация

ОМУ – оружие массового уничтожения

ООН – Организация Объединённых Наций

ППТС – Постоянной палате третейского суда

ПРО – противоракетная оборона

РНБ – режим наибольшего благоприятствования

СБ ООН – Совет Безопасности ООН

СЕАТО – организация договора юго-восточной азии

СМИ – средства массовой информации

СССР – Союз Советских Социалистических Республик

СУАР – Синьцзян-Уйгурский автономный район

СУАР – Синьцзян-Уйгурском автономном районе

США – Соединённые Штаты (Америки)

СЭД – Стратегический экономический диалог системы

ТНК – Американские транснациональные корпорации

ТТП – Транстихоокеанское партнерство

ЦКЗ – Центры по контролю и профилактике заболеваний

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

ЮВА – Юго-Восточная Азия

ЮКМ – Южно-Китайское море

ЮНКЛОС (UNCLOS) – Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву

Список использованных источников и литературы

Список источников

I. Труды и выступления государственных деятелей

1. Ван, И. Возвращение китайско-американских отношений на правильный путь развития [Электронный ресурс] / Ван И // «Жэньминь жибао». – 2020. – URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/136572.html (дата обращения: 27.02.2026.) (на кит. яз.) 王毅. 在中美智库媒体视频论坛上的致辞.

2. Ван И. Выступление члена Политбюро ЦК КПК, министра иностранных дел КНР Ван И на Мюнхенской конференции по безопасности от 17 февраля 2024 г. [Электронный ресурс] / Ван И. // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202402/t20240218_11245645.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 王毅. 坚定做动荡世界中的稳定力量—在第 60 届慕尼黑安全会议“中国专场”上的主旨讲话.

3. Ван И. Пресс-конференция министра иностранных дел КНР Ван И по вопросам внешней политики Китая и международных отношений в рамках 1-й сессии ВСНП 14-го созыва от 7 марта 2023 г. [Электронный ресурс] / Ван И // Жэньминь жибао онлайн. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0308/c31516-10219018.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 王毅就“中国外交政策和对外关系”相关问题回答中外记者提问.

4. Дэн Сяопин. Международная обстановка и экономические вопросы / Дэн Сяопин // Избранные произведения Дэна Сяопина. Т. 3. – Пекин : Народное издательство, 1993. – С. 351–354. (на кит. яз.). 邓小平. 国际形势和经济问题 // 邓小平文选. 第三卷. – 北京 : 人民出版社, 1993. – 第 351-354 页.

5. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / Дэн Сяопин ; пер. с кит. – М. : Политиздат, 1988. – 256 с. (на кит. яз.). 邓小平《当代中国若干问题》.

6. Канцелярия по изучению партийной литературы при ЦК КПК. Сборник высказываний Си Цзиньпина о китайской мечте по осуществлению великого возрождения китайской нации. – Пекин : Издательство Центральной партийной литературы, 2013. (на кит. яз.). 中共中央文献研究室. 习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编 [M]. 北京：中央文献出版社，2013.

7. Си, Цзиньпин. Выступление в МГИМО [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Министерство иностранных дел КНР. – 2013. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/wjb/zzjg/dozys/dozysgjlb/1706/1708/201304/t20130401_956483.html (дата обращения: 12.06.2024). (на кит. яз.). 习近平在莫斯科国际关系学院的演讲.

8. Си, Цзиньпин. Выступление на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Организация Объединенных Наций : [сайт]. – 2015. – URL: https://gadebate.un.org/en/70/china (дата обращения: 12.06.2024). (на кит. яз.) 习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话.

9. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении : Том I / Си Цзиньпин. – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2014. (на кит. яз.). 习近平. 习近平谈治国理政: 第一卷 [M]. 北京: 外文出版社, 2014.

10. Си, Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении : Том Ⅱ / Си Цзиньпин. – Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 2017. (на кит. яз.). 习近平. 习近平谈治国理政: 第二卷 [M]. 北京: 外文出版社, 2017.

11. Си Цзиньпин. Выступление на Всекитайском совещании по пропагандистской и идеологической работе [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 2013. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2013-08/20/c_117021463.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平. 在全国宣传思想工作会议上的讲话.

12. Си Цзиньпин. Выступление на общих дебатах 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 21 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zt/UNGA76/202109/t20210922_9580579.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平在第七十六届联合国大会一般性辩论上的讲话.

13. Си Цзиньпин. Выступление на церемонии открытия учебного курса для молодых кадров и кадров среднего возраста в Центральной партийной школе (Национальной академии управления) осенью 2019 года [Электронный ресурс] // Журнал «Цюши». – 2019. – URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2019-10/31/c_1125172906.htm (дата

обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平在 2019 年秋季学期中央党校 (国家行政学院）中青年干部培训班开班式上的讲话.

14. Си Цзиньпин. Доклад на XIX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая «Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, одержать великую победу социализма с китайской спецификой в новую эпоху» от 18 октября 2017 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. – URL: http://www.russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平《决胜全面建成小康社会，夺取新时代中国特色社会主义伟大胜利—在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告》.

15. Си Цзиньпин. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства» от 16 октября 2022 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин. // Информационное агентство Синьхуа. – 2022. – URL: http://russian.news.cn/20221025/e942b09063444fbda616843486241b6c/c.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 习近平《高举中国特色社会主义伟大旗帜，为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗—在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告》.

16. Си Цзиньпин. Придерживаться общей концепции национальной безопасности и идти по пути национальной безопасности с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центрального народного правительства КНР. – 2014. –

URL: http://www.gov.cn/ldhd/2014-04/15/content_2656885.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平坚持总体国家安全观走中国特色国家安全道路.

17. Си Цзиньпин. Совместно строить сообщество единой судьбы человечества : речь в штаб-квартире ООН в Женеве 18 января 2017 г. [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – 2017. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201701/t20170120_673130.html(дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 习近平. 共同构建人类命运共同体.

18. Ху Цзиньтао. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в построении среднезажиточного общества : доклад на XVII Всекитайском съезде КПК 15 октября 2007 г. / Ху Цзиньтао. – Пекин : Народное издательство, 2007. – 67 с. (на кит. яз.). 胡锦涛. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为夺取全面建设小康社会新胜利而奋斗. – 北京 : 人民出版社, 2007. 第 67 页.

19. Цзян Цзэминь. Использовать благоприятные возможности, углублять реформы, расширять открытость, содействовать развитию, поддерживать стабильность / Цзян Цзэминь // Избранные произведения Цзян Цзэминя : в 3 т. Т. 1. – Пекин : Народное издательство, 2006. – С. 228–240. (на кит. яз.). 江泽民. 抓住机遇，深化改革，扩大开放，促进发展，保持稳定 // 江泽民文选. 第一卷. – 北京: 人民出版社, 2006. – 第 228-240 页.

20. Sullivan J. Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan at the Special Competitive Studies Project (SCSP) [Электронный ресурс] / J. Sullivan. //

Global Emerging Technologies Summit : Speech. – 2022 – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/16/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-at-the-special-competitive-studies-project-scsp-global-emerging-technologies-summit/ (дата обращения: 23.05.2024).

II. Официальные документы и нормативно-правовые акты

2.1. Международные, двусторонние и многосторонние документы

21. Азиатский банк инвестиций и инфраструктуры. Устав АБИИ / Азиатский банк инвестиций и инфраструктуры. - Пекин: АБИИ, 2015. - 186 с. (на кит. яз.)亚洲基础设施投资银行章程.

22. Китайско-американское совместное заявление [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – 1997. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/200011/t20001117_933610.shtml (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.) 中美联合声明中华人民共和国外交部.

23. Правительства США и КНР. Экономическое и торговое соглашение между правительством Соединенных Штатов Америки и правительством Китайской Народной Республики от 15 января 2020 г. [Электронный ресурс] // Правительства США и КНР. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf(дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 中华人民共和国政府和美利坚合众国政府经济贸易协议.

24. Си, Цзиньпин. Совместное заявление Китая и США по изменению климата [Электронный ресурс] / Си Цзиньпин, Б. Обама. – 2014. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-11/13/content_2777663.htm (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 习近平奥巴马中美气候变化联合声明.

25. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2022. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5770 (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 中华人民共和国和俄罗斯联邦关于新时代国际关系和全球可持续发展的联合声明.

26. Три совместных китайско-американских коммюнике [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [сайт]. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202208/t20220805_10735742.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 中美三个联合公报 中华人民共和国外交部.

27. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] // ШОС : [офиц. сайт]. – URL: https://infoshos.ru/ru/?id=91 (дата обращения: 05.09.2024).

28. 1958 US-UK Mutual Defense Agreement: Nuclear Propulsion Information Sharing [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 1958 (updated 2021). – URL: https://www.state.gov/1958-us-uk-mutual-defense-agreement/(Дата обращения: 07.02.2026).

29. Agreement between the Parties to the North Atlantic Treaty regarding the Status of their Forces [Электронный ресурс] // United Nations Treaty Collection : [сайт]. – URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=III-6&chapter=3 (дата обращения: 05.09.2024).

30. AUKUS: Announcement on Nuclear-Powered Submarine Cooperation [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/aukus-announcement-on-nuclear-powered-submarine-cooperation/ (Дата обращения: 07.02.2026).

31. Beijing Declaration: Shanghai Cooperation Organization – Common, Comprehensive, Cooperative and Sustainable Security Concept [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – 2024. – URL: https://www.sectsco.org/documents/security_cooperation/ (Дата обращения: 07.02.2026).

32. China’s Accession Protocol [Электронный ресурс] // WTO. – 2001. – URL: https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=r:WT/ACC/CHN49.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

33. Economic and Trade Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Government of the United States of America, Government of the People's Republic of China. – 2020. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement

/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf(дата обращения: 12.06.2024).

34. EU-China 2020 Strategic Agenda for Cooperation [Электронный ресурс]. –

URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/eu-china_2020_strategic_agenda_en.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

35. Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China (Shanghai Communiqué) : February 28, 1972 [Электронный ресурс] // Wilson Center Digital Archive. – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/joint-communique-between-united-states-and-china (дата обращения: 05.09.2024).

36. Joint Communique of the United States of America and the People’s Republic of China от 01.01.1979 [Электронный ресурс] // American Institute in Taiwan : [офиц. сайт]. – URL: https://www.ait.org.tw/u-s-prc-joint-communique-1979/ (дата обращения: 11.06.2024).

37. Joint Comprehensive Plan of Action. Annex I - Nuclear-related commitments Renewal [Электронный ресурс] // The European Union. – 2015. – URL: https://undocs.org/en/docs/securitycouncil/reports/2015/sc_7217.htm. (Дата обращения: 27.02.2026).

38. Joint Leaders Statement on AUKUS [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. –

URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/ (дата обращения: 24.05.2024).

39. Marrakesh Agreement Establishing the WTO [Электронный ресурс] // World Trade Organization. – 1994. – URL: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/04-wto.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

40. Paris Agreement [Электронный ресурс] // UNFCCC. – 2015. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

41. Paris agreement [Электронный ресурс] // UNFCCC. – URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

42. Resolution of the Security Council of the United Nations № 2344 (2017) : the vision of a community with a shared future for mankind was first included [Электронный ресурс] // United Nations. – 2017. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2344(2017). (дата обращения: 27.02.2026). (на кит. яз.). 联合国安理会第 2344 号决议（2017 年），首次载入“构建人类命运共同体”理念.

43. Sunnylands Statement on Enhancing Cooperation to Address the Climate Crisis [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 2023. – URL: https://www.state.gov/sunnylands-statement-on-enhancing-cooperation-to-address-the-climate-crisis/ (дата обращения: 26.02.2026).

44. U.S.-China Communiqué on Arms Sales to Taiwan от 17.08.1982 [Электронный ресурс] // Office of the Historian : [офиц. сайт]. – URL: https://history.state.gov/milestones/1981-1988/china-communique (дата обращения: 07.09.2024).

45. U.S.-China Joint Glasgow Declaration on Enhancing Climate Action in the 2020s [Электронный ресурс] / U.S. Department of State // U.S. Department of State : [official website]. – 2021. – URL: https://www.state.gov/u-s-china-joint-glasgow-declaration-on-enhancing-climate-action-in-the-2020s/ (дата обращения: 04.02.2026).

46. United Nations Security Council. Resolution 2270 (2016) [Электронный ресурс] // United Nations Security Council. – New York: United Nations. – 2016. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2270(2016). (Дата обращения: 27.02.2026).

47. United Nations Security Council. Resolution 2375 (2017) [Электронный ресурс] // United Nations Security Council. – New York: United Nations. – 2017. – URL: https://undocs.org/en/S/RES/2375(2017). (Дата обращения: 27.02.2026).

2.2. Официальные документы и нормативно-правовые акты КНР

48. Белая книга «Сообщество единой судьбы человечества: предложения и действия Китая» от 26 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2025. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0926/c31516-20078021.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 携手构建人类命运共同体：中国的倡议与行动白皮书.

49. Белая книга «Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху» [Электронный ресурс] / Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2022. – URL:http://russian.news.cn/20220810/8b88463c563c46729813123b3206c71f/c.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 台湾问题与新时代中国统一事业白皮书.

50. Белая книга «Факты о китайско-американских торгово-экономических трениях и позиция Китая» [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2018. – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1640032/1640032.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 中华人民共和国国务院新闻办公室.关于中美经贸摩擦的事实与中方立场白皮书.

51. Белая книга о международном сотрудничестве Китая в целях развития в новую эру от 10.01.2021 [Электронный ресурс] // Правительство КНР : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2021-01/10/content_5578617.htm (дата обращения: 15.09.2024). (на кит. яз.). 中国新时代国际发展合作白皮书.

52. Белая книга по национальной обороне Китая в новую эпоху от 24.07.2019 [Электронный ресурс] // Министерство обороны КНР : [офиц. сайт]. – 2019. – URL: http://www.mod.gov.cn/big5/regulatory/2019-07/24/content_4846424.htm (дата обращения: 16.09.2024). (на кит. яз.). 新时代中国国防白皮书.

53. Всекитайское собрание народных представителей. Закон Китайской Народной Республики о противодействии иностранным санкциям от 10 июня

2021 г. [Электронный ресурс] // Всекитайское собрание народных представителей. – 2021. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/202106/10/content_2272223.html(дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 中华人民共和国反外国制裁法.

54. Доклад «Гегемония США и ее риски» [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202302/t20230220_11027664.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 美国霸权霸道霸凌及其危害报告.

55. Закон Китайской Народной Республики о государственной безопасности : принят 15-й сессией Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва 1 июля 2015 г. [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2015-07/01/content_1938988.htm (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.).《中华人民共和国国家安全法》：2015 年 7 月 1 日由第十二届全国人民代表大会常务委员会第十五次会议通过.

56. Закон Китайской Народной Республики о противодействии иностранным санкциям: принят 29-й сессией Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 10 июня 2021 г. [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/d2de136775224340a60424a18012 1703.shtml (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 《中华人民共和国反制外国制裁法》： 于 2021 年 6 月 10 日由第十三届全国人民代表大会常务委员会第二十九次会议通过.

57. Информационное агентство «Синьхуа». Основные положения 14-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития и перспективных целей на 2035 год Китайской Народной Республики от 13 марта 2021 г. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа». – 2021. – URL: http://russian.news.cn/2021-03/13/c_139806935.htm (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要.

58. Китай: демократия, которая работает: Белая книга [Электронный ресурс] // Информационное бюро Госсовета КНР. – 2021. – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1717207/1717207.htm (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 中国行之有效的民主：白皮书 [电子资源] // 中华人民共和国国务院新闻办公室.

59. Концептуальный документ Инициативы в области глобальной безопасности от 21 февраля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202302/t20230221_11028333.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 全球安全倡议概念文件.

60. Концептуальный документ по Инициативе глобальной безопасности [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202302/t20230221_11028348.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 全球安全倡议概念文件.

61. Объявление о введении экспортного контроля над галлием и германием от 3 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство коммерции

КНР. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0704/c31516-20041214.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 商务部海关总署关于对镓、锗相关物项实施出口管制的公告.

62. Основные положения 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития и долгосрочных целей до 2035 года Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Канцелярия Госсовета. – 2021. – URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要.

63. Положения о списке ненадежных юридических лиц [Электронный ресурс] // Министерство торговли КНР. – 2020. – URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/officialnotice/202009/20200902987323.shtml(Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 不可靠实体清单规定.

64. Резолюция ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии : принята на 6-м пленуме ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2021. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2021/1117/c31516-9921359.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 中共中央关于党的百年奋斗重大成就和历史经验的决议.

65. Рекомендации по укреплению потенциала в области международной коммуникации [Электронный ресурс] // Информационное управление Государственного совета КНР. – 2016. –URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/2017-01/05/content_706877.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 关于加强国际传播能力建设的实施意见.

66. Совместное объявление № 23 от 2023 года о введении экспортного контроля над галлием и германием и сопутствующими товарами от 3 июля 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство коммерции КНР. – 2023. – URL: http://www.mofcom.gov.cn/article/zcfb/c/202307/20230703421235.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 商务部海关总署公告 2023 年第 23 号 关于对镓、锗相关物项实施出口管制的公告.

67. Совместное строительство инициативы «Один пояс, один путь»: основные практики построения сообщества с единым будущим для человечества : Белая книга КНР от 10.10.2023 [Электронный ресурс] // Правительство КНР : [офиц. сайт]. – 2023. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 06.09.2024). (на кит. яз.). 共建“一带一路”倡议：构建人类命运共同体的主要实践：中华人民共和国白皮书.

68. Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху : Белая книга [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – 2022. – URL: http://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704945.htm (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 台湾问题与新时代中国统一事业国务院新闻办公室.

69. ЦК КПК. Политический доклад XIX съезда КПК / ЦК КПК. – Пекин : Издательство ЦК КПК, 2017. – 516 с. (на кит. яз.). 中国共产党中央委员会. 中国共产党第十九次全国代表大会政治报告 / 中共中央. – 北京 : 人民出版社, 2017. – 516 页.

70. ЦК КПК. Политический доклад XVIII съезда КПК / ЦК КПК. – Пекин : Издательство ЦК КПК, 2012. – 488 с. (на кит. яз.). 中国共产党中央委员会. 中国共产党第十八次全国代表大会政治报告 / 中共中央. – 北京 : 人民出版社, 2012. – 488 页.

71. Full text of China's policy paper on the US [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2021. – URL: https://www.xinhuanet.com/english/2021-01/20/c_139672965.htm. (Дата обращения: 27.02.2026).

72. Measures to Prevent the Improper Extraterritorial Application of Foreign Laws and Measures [Электронный ресурс] // Ministry of Commerce of the PRC. – 2021. – URL: http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/officialnotice/202101/20210103037731.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 阻断外国法律与措施不当域外适用办法.

73. Standing Committee of the National People’s Congress of the People’s Republic of China [Электронный ресурс] // Standing Committee of the NPC. – 2021. – URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Legal/2021-06/11/content_774503282.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华人民共和国反外国制裁法.

74. The Communist Party of China and Human Rights Protection – A 100-Year Quest [Электронный ресурс] // Press Office of the State Council of the People's Republic of China. – 2021 – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1707577/1707577.htm (дата обращения: 19.10.2023).

2.3. Официальные документы и нормативно-правовые акты США

75. 2024 Hong Kong Policy Act Report [Электронный ресурс] // Государственный департамент США. – 2024. – URL: https://www.state.gov/2024-hong-kong-policy-act-report/ (дата обращения: 24.05.2024).

76. A National Security Strategy for a Global Age [Электронный ресурс] // The White House. – 2000. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2000.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

77. Act on International Protection and Strengthening of Taiwan’s Allies (Taipei Act, 2020) [Электронный ресурс] // United States Congress. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4700/text (Дата обращения: 07.02.2026).

78. Addition of Certain Entities to the Entity List [Электронный ресурс] // Federal Register : [сайт]. – 2019. – URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/10/09/2019-22210/addition-of-certain-entities-to-the-entity-list(дата обращения: 24.05.2024).

79. Asia Reassurance Initiative Act, ARIA, 2018 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2018. – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/2736/text. (Дата обращения: 07.02.2025).

80. Bureau of Industry and Security. Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing to the People's Republic of China (PRC) [Электронный ресурс] // U.S. Department of Commerce. – 2022. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158-2022-10-07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-rule/file (дата обращения: 23.05.2024).

81. CHIPS and Science Act of 2022, Pub. L. 117-167 [Электронный ресурс] // U.S. Congress. – 2022. – URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (дата обращения: : 23.05.2024).

82. Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing to the People's Republic of China (PRC) : Press Release, Oct. 7, 2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Commerce. – 2022. – URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158-2022-10-07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-rule/file (дата обращения: 23.05.2024).

83. Executive Order 14034 - Protecting Americans' Sensitive Data From Foreign Adversaries [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/06/09/executive-order-protecting-americans-sensitive-data-from-foreign-adversaries/ (дата обращения: 07.02.2026).

84. Executive Order on Prohibiting Transactions with TikTok and WeChat [Электронный ресурс] // The White House. – 2020. – URL: https://www.xinhuanet.com/world/2020-08/07/c_1126338390.htm (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普下令 45 天后禁止与抖音海外版和微信进行交易.

85. Executive Order on TikTok US Operations Divestiture [Электронный ресурс] // The White House. – 2020. – URL: http://world.people.com.cn/n1/2020/0815/c1002-31823540.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普下令字节跳动 90 天内剥离抖音海外版在美所有权益.

86. Findings of the Investigation into China's Acts, Policies, and Practices Related to Technology Transfer, Intellectual Property, and Innovation Under Section 301 of the Trade Act of 1974 [Электронный ресурс] // Office of the United States trade representative executive office of the president. – 2018. – URL: https://ustr.gov/sites/default/files/Section%20301%20FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

87. Freedom of Navigation Report 2020 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2021. –

URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/FON-Report-2020.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

88. Global Magnitsky Human Rights Accountability Act, 2016 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2016. – URL: https://www.congress.gov/114/plaws/publ328/PLAW-114publ328.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

89. H.R.649 (Xinjiang-related legislation) [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2019. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/649/text (Дата обращения: 07.02.2026).

90. Indo-Pacific Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

91. Indo-Pacific Strategy Report [Электронный ресурс] // United States Department of Defense. – 2021. –URL: https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002826425/-1/-1/0/INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2021.PDF.

92. Inflation Reduction Act of 2022, Pub. L. 117-169 [Электронный ресурс] // U.S. Congress. – 2022. – URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text (дата обращения: : 23.05.2024).

93. Interim National Security Strategic Guidance [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

94. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2020 [Электронный ресурс] // Annual Report to Congress – 2020. – URL: https://media.defense.gov/2020/Sep/01/2002488689/-1/-1/1/2020-DOD-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT-FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

95. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2021 [Электронный ресурс] // Annual Report to Congress – 2021. – URL: https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF (дата обращения: 19.10.2023).

96. Military and Security Developments Involving the People’s Republic of China 2023 : annual report to Congress [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://media.defense.gov/2023/Oct/19/2003323409/-1/-1/1/2023-MILITARY-AND-SECURITY-DEVELOPMENTS-INVOLVING-THE-PEOPLES-REPUBLIC-OF-CHINA.PDF (дата обращения: 23.05.2024).

97. National Defense Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2022. – URL: https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

98. National Defense Strategy of the United States of America 2022 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2022. – URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2022-National-Defense-Strategy.pdf(Дата обращения: 07.02.2026).

99. National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 22.05.2024).

100. National Security Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House. –1990. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1990.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

101. National Security Strategy of the United States [Электронный ресурс] // The White House : [офиц. сайт]. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

102. National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // Historical Office of the Office of the Secretary of Defense : [сайт]. – 2010. – URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/NSS2010.pdf?ver=Zt7IeSPX2uNQt00_7wq6Hg%3d%3d(дата обращения: 05.09.2024).

103. National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // The White House. – 2017 –

URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

104. National Security Strategy of the United States of America [Электронный ресурс] // The White House : [офиц. сайт]. – 2017. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf(дата обращения: 05.09.2024).

105. People's Republic of China 2019 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2019. – URL: https://media.defense.gov/2019/May/02/2002127082/-1/-1/1/2019_CHINA_MILITARY_POWER_REPORT.pdf(дата обращения: 19.10.2023).

106. Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act (as part of H.R.815), Pub. L. 118-50 [Электронный ресурс] // Конгресс США. – 2024. – URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/815/text (дата обращения: 23.02.2026).

107. Public Law 116-76 (Hong Kong-related legislation) [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2019. – URL: https://www.congress.gov/116/plaws/publ76/PLAW-116publ76.pdf (Дата обращения: 07.02.2026).

108. Taiwan Allies International Protection and Enhancement Initiative Act, TAIPEI Act, 2020 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2020. – URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/4700/text(Дата обращения: 07.02.2025).

109. Taiwan Relations Act : Public Law 96-8 // Congress.gov : [сайт]. – URL: https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479 (дата обращения: 23.05.2024).

110. Taiwan Travel Act, 2018 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2018. – URL: https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535/text (Дата обращения: 07.02.2025).

111. TikTok Divestiture or Ban Act, 2024 [Электронный ресурс] // Congress of the United States. – 2024. – URL: http://world.people.com.cn/n1/2025/0405/c1002-40453710.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 特朗普宣布将再给予 TikTok “不卖就禁用” 法律 75 天宽限期.

112. U.S. Department of Health and Human Services. Press Release: Secretary Azar to Lead Delegation to Taiwan to Strengthen Global Health Partnerships [Электронный ресурс] // U.S. Department of Health and Human Services. – 2020. – URL: https://www.hhs.gov/about/news/2020/08/04/secretary-azar-to-lead-delegation-to-taiwan-to-strengthen-global-health-partnerships.html. (Дата обращения: 07.02.2026).

2.4. Официальные документы и нормативно-правовые акты других стран и объединений

113. Глобальная Британия в эпоху конкуренции: комплексная стратегия по вопросам обороны, дипломатии и международного развития [Электронный

ресурс] // GOV.UK : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60df2338d3bf7f7c2acabdf6/03335-CO-Integrated-Review-Foreward-and-Overview-FINAL-RUSSIAN-WEB-DISPLAYABLE-PDF.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

114. Об участии Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве (АТЭС) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ : [офиц. сайт]. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/economic_diplomacy/1866686/ (дата обращения: 05.09.2024).

115. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс] // Президент России : [офиц. сайт]. – 2009. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/29243 (дата обращения: 05.09.2024).

116. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // ASEAN. – 2019. – URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

117. ASEAN Outlook on the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // ASEAN : [сайт]. – URL: https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/ (дата обращения: 05.09.2024).

118. Astana Summit 2017: Admission of India and Pakistan as full members of SCO [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – 2017. – URL: https://www.sectsco.org/events/summits/astana_2017/ (Дата обращения: 07.02.2026).

119. Australian Government. Defence Strategic Review [Электронный ресурс] // Australian Government. – 2023. – URL: https://www.defence.gov.au/sites/default/files/2023-04/defence-strategic-review-2023.pdf.

120. Contingent Reserve Arrangement (CRA): USD 100 Billion Liquidity Support Mechanism [Электронный ресурс] // BRICS Secretariat. – 2023. – URL: https://www.bricsplus.org/initiatives/cra/ (Дата обращения: 07.02.2026).

121. China–Kyrgyzstan–Uzbekistan (CKU) Railway Project within SCO+BRI framework [Электронный ресурс] // Government of Uzbekistan. – 2022. – URL: https://www.uzbekistan.gov.uz/en/economy/transport/cku-railway (Дата обращения: 07.02.2026). Defense White Paper 2022 [Электронный ресурс] // Japanese Ministry of Defense. –2022.–URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2022/index.html.

122. Department of Defence. AUKUS Nuclear-Powered Submarine Program (SSN-AUKUS) [Электронный ресурс] // Government of Australia, Department of Defence. – 2024. – URL: https://www.defence.gov.au/aukus/submarines(Дата обращения: 07.02.2026).

123. EU Strategy for the Indo-Pacific [Электронный ресурс] // European External Action Service (EEAS) – 2022. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-indo-pacific-strategy_en (дата обращения: 05.09.2024).

124. EU-China - A strategic outlook [Электронный ресурс] // European Commission : [сайт]. –

URL: https://ec.europa.eu/info/publications/eu-china-strategy-2019_en (дата обращения: 05.09.2024).

125. Japan's New Plan for a 'Free and Open Indo-Pacific (FOIP)' [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of Japan : [офиц. сайт]. – 2023. – URL: https://www.mofa.go.jp/files/100527856.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

126. Ministry of Defence. Australia to join Malabar 2020 naval exercise [Электронный ресурс] // Government of India, Ministry of Defence. – 2020. – URL: https://pib.gov.in/PressReleaseIframePage.aspx?PRID=1663262 (Дата обращения: 07.02.2026).

127. Ministry of Defense. Japan’s permanent participation in Exercise Malabar [Электронный ресурс] // Government of Japan, Ministry of Defense. – 2015. – URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/exercise/malabar.html (Дата обращения: 07.02.2026).

128. NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс] // NATO : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 05.09.2024).

129. NDB Charter, Governance Structure and Equal Voting Rights [Электронный ресурс] // New Development Bank. – 2024. – URL: https://www.ndb.int/about/governance/charter/ (Дата обращения: 07.02.2026).

130. SCO Dushanbe Summit 2021: Launch of procedure for admission of Iran as full member [Электронный ресурс] // SCO Secretariat. – 2021. –

URL: https://www.sectsco.org/events/summits/dushanbe_2021/ (Дата обращения: 07.02.2026).

131. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration // XV BRICS Summit South Africa 2023. – 2023. – URL: https://brics2023.gov.za/wp-content/uploads/2023/08/XV-BRICS-Summit-Johannesburg-II-Declaration_23-August-2023.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

III. Выступления, заявления, пресс-релизы и материалы СМИ

132. Байден отменяет запрет на китайское программное обеспечение, такое как TikTok и WeChat [Электронный ресурс] // People's Daily Online. – 2021. – URL: http://world.people.com.cn/n1/2021/0611/c1002-32128173.html(Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 拜登撤销对 TikTok 和微信等中国软件禁令要求商务部审查相关应用风险.

133. Заместитель министра иностранных дел Се Фэн провел переговоры с заместителем госсекретаря США У. Шерман : [пресс-релиз] от 26.07.2021 [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [офиц. сайт]. – 2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202107/t20210726_9159021.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 外交部副部长谢锋同美国常务副国务卿舍曼举行会谈.

134. Заместитель министра иностранных дел Се Фэн провел переговоры с заместителем госсекретаря США У. Шерман : пресс-релиз, содержащий «Два списка» претензий к США [Электронный ресурс] // Министерство иностранных

дел КНР. – 2021. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202107/t20210726_9159021.html(дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 外交部副部长谢锋同美国常务副国务卿舍曼举行会谈.

135. Заявление МИД КНР в связи с визитом спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на китайский Тайвань от 2 августа 2022 г. [Электронный ресурс] // МИД КНР. – 2022. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zwx/202208/t20220803_10732847.htm (дата обращения: 23.01.2026). (на кит. яз.) 中华人民共和国外交部声明.

136. Заявление Министерства иностранных дел КНР в связи с визитом спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на китайский Тайвань от 2 августа 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР : [офиц. сайт]. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202208/t20220802_10732292.html (дата обращения: 22.05.2024). (на кит. яз.). 中华人民共和国外交部关于美国国会众议长佩洛西窜访中国台湾地区的声明.

137. Информационное агентство «Синьхуа». Вице-премьер Госсовета КНР Хэ Лифэн провел многораундовые переговоры с министром финансов США Дж. Йеллен от 10 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Синьхуа». – 2023. – URL: http://russian.news.cn/20231110/f0bca7b12d7c493c834a719921443422/c.html (дата обращения: 23.05.2024).(на кит. яз.) 国务院副总理何立峰同美国财政部长耶伦举行多轮会谈.

138. Китай продолжает содействовать глобальному управлению климатом и твердо выполняет обязательства по Парижскому соглашению / Министерство экологии и окружающей среды КНР [Электронный ресурс] // Министерство экологии и окружающей среды КНР. – 2017. – URL: https://www.mee.gov.cn/xxgk2018/xxgk/xxgk01/201706/t20170603_411485.shtml (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 生态环境部中国坚持推动全球气候治理坚定履行巴黎协定承诺.

139. Министерство государственной безопасности КНР: Важная оборонительная линия нуждается в совместном строительстве нами [Электронный ресурс] // Министерство государственной безопасности КНР. – 2025. – URL: http://m.toutiao.com/group/7552460749113704986/?upstream_biz=doubao (дата обращения: 18.02.2026). (на кит. яз.). 国家安全部.这条重要防线需要你我共同构筑.

140. Министерство финансов КНР. Китай и США договорились о создании рабочей группы по экономическим вопросам от 22 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство финансов КНР. – 2023. – URL: http://russian.people.com.cn/n3/2023/0923/c31516-20077051.html (дата обращения: 23.05.2024).(на кит. яз.) 中美双方商定成立经济领域工作组.

141. На 30-м коллективном занятии Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул необходимость укрепления и совершенствования работы по международной коммуникации с целью представления правдивого, многогранного и всестороннего образа Китая [Электронный ресурс] //

Информационное агентство Синьхуа. – 2021. – URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2021-06/01/c_1127517362.htm (Дата обращения: 20.05.2024). (на кит. яз.). 习近平在中共中央政治局第三十次集体学习时强调加强和改进国际传播工作展示真实立体全面的中国.

142. Народный банк Китая. Ответы на вопросы журналистов о включении юаня в корзину специальных прав заимствования (СДР) [Электронный ресурс] // Народный банк Китая. – 2015. – URL: http://www.pbc.gov.cn/goutongjiaoliu/113456/113469/3175637/index.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中国人民银行关于人民币纳入特别提款权（SDR）货币篮子的答记者问.

143. Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР 8 мая 2024 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/202405/t20240508_11295244.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 2024 年 5 月 8 日外交部发言人汪文斌主持例行记者会.

144. Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу с президентом США Джо Байденом на Бали от 14 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202211/t20221114_10974737.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 国家主席习近平同美国总统拜登在巴厘岛举行会晤.

145. Председатель КНР Си Цзиньпин провел встречу на высшем уровне с президентом США Джо Байденом в Сан-Франциско от 16 ноября 2023 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202311/t20231116_11181283.html (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.). 国家主席习近平在美国旧金山同美国总统拜登举行中美元首会晤.

146. Правительство Китайской Народной Республики. Китай и США совместно сдали на хранение документы о ратификации Парижского соглашения [Электронный ресурс] // – 2016. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-09/03/content_5105149.html (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 中华人民共和国政府. 中美元首共同交存巴黎协定批准文书.

147. «Ракетный дивизион, Дунфэн-26“: новая модель ракеты впервые представлена, имеет двойное, ядерное и обычное, назначение» [Электронный ресурс] // Новости CCTV. – 2015. – URL: http://news.cctv.com/2015/09/03/ARTIxU1Uu9t6h6mJb8pLSz3S150903.shtml (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). “东风-26 导弹方队：新型号导弹首次曝光核常兼备”.

148. Си Цзиньпин провел восьмое заседание Центральной комиссии по финансовым и экономическим вопросам [Электронный ресурс] // Синьхуа. – 2020. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2020-09/09/c_1126472348.htm (да

та обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 习近平主持召开中央财经委员会第八次会议.

149. Центральное радио и телевидение КНР [Электронный ресурс] // Центральное радио и телевидение КНР. – 2016. – URL: https://news.cctv.com/2016/12/31/ART1lZ7Z4Xn4G7t3Yk8U0eO7161231.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国国际电视台（CGTN）开播及战略定位公告.

150. Центральное телевидение Китая. Видеоматериал, посвященный 73-й годовщине ВМС НОАК, с демонстрацией пуска ракеты с эсминца Тип 055 от 22 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] // CCTV. – 2022. – URL: https://tv.cctv.com/2022/04/22/VIDEIjZ1wL2G5C0N7k4XjrR3220422.shtml (дата обращения: 23.05.2024). (на кит. яз.) 人民海军，生日快乐！万吨大驱最新训练画面公开.

151. Branigan, T. China launches missiles near Taiwan [Электронный ресурс] / T. Branigan // The Guardian : [сайт]. – 1996. – URL: https://www.theguardian.com/world/1996/mar/12/china (дата обращения: 01.08.2024).

152. CGTN: Эксклюзивное интервью с директором Уханьского института вирусологии, опровергающим конспирологические теории о COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2020. – URL: https://news.cgtn.com/news/2020-05-26/Exclusive-interview-WIV-director-refutes-COVID-19-conspiracy-theories-13dU91eUvOh/index.html (Дата обращения:

07.02.2026). (на кит. яз.). 无中生有！ CGTN 专访武汉病毒所所长驳斥新冠病毒阴谋论.

153. China's anti-Ebola team in Liberia wins praise [Электронный ресурс] // Gov.cn. – 2014. –URL: https://www.gov.cn. (Дата обращения: 27.02.2026).

154. China, U.S. sign key military-to-military MOUs [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2014. – URL: https://www.xinhuanet.com/english/2014-11/12/c_133841310.htm. (Дата обращения: 27.02.2025).

155. China, Russia to hold joint naval drills in Baltic Sea [Электронный ресурс] // Xinhua News. – 2017. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/21/c_136462719.htm (дата обращения: 19.10.2023).

156. China’s J-20 stealth fighter joins the PLA air force [Электронный ресурс] // South China Morning Post. – 2017. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2077595/chinas-j-20-stealth-fighter-enters-air-force-service (дата обращения: 19.10.2023).

157. China formally opens first overseas military base in Djibouti [Электронный ресурс] // Reuters. – 2017. – URL: https://www.reuters.com/article/us-china-djibouti-idUSKBN1AG3I5 (дата обращения: 19.10.2023).

158. China test-fires "carrier killer" missiles in South China Sea in "warning to US" [Электронный ресурс] // South China Morning Post. – 2020. –

URL: https://www.scmp.com/news/china/military/article/3098930/chinas-military-launches-two-missiles-south-china-sea-warning (дата обращения: 19.10.2023).

159. Commerce Addresses Huawei's Efforts to Undermine Entity List, Restricts Products of U.S. Technology [Электронный ресурс] // пресс-релиз. – 2020. – URL: https://2017-2021.commerce.gov/news/press-releases/2020/05/commerce-addresses-huaweis-efforts-undermine-entity-list-restricts.html (дата обращения: 19.10.2023).

160. Cotton T. Interview on National Security Concerns Involving a Chinese-Controlled Social Media Platform [Электронный ресурс] // Fox News. – 2020. – URL: https://www.foxnews.com/video/6179635088001 (дата обращения: 18.02.2026).

161. Davidson, H. China begins military drills around Taiwan in protest at Pelosi's visit [Электронный ресурс] / H. Davidson, V. Ni // The Guardian : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.theguardian.com/world/2022/aug/04/taiwan-china-military-drills-us-house-speaker-pelosi-visit (дата обращения: 05.08.2024).

162. Delegates Spar over Human Rights Situations in Xinjiang, Hong Kong during Heated Third Committee Debate [Электронный ресурс] // UN. – 2020. – URL: https://press.un.org/en/2020/gashc4303.doc.htm (дата обращения: 24.05.2024).

163. FACT SHEET: On the Launch of the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. –

URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/23/fact-sheet-on-the-launch-of-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/ (дата обращения: 23.05.2024).

164. FACT SHEET: The U.S. Response to the Ebola Epidemic in West Africa [Электронный ресурс] / The White House, Office of the Press Secretary // Obama White House Archives : [official website]. – 2015. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/02/11/fact-sheet-us-response-ebola-epidemic-west-africa (дата обращения: 26.02.2026).

165. FACT SHEET: Trilateral Australia-UK-US Partnership on Nuclear-Powered Submarines [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/fact-sheet-trilateral-australia-uk-us-partnership-on-nuclear-powered-submarines/ (дата обращения: 24.05.2024).

166. Fact Sheet: Quad Leaders' Summit [Электронный ресурс] // the White house – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/24/fact-sheet-quad-leaders-summit/ (дата обращения: 19.10.2023).

167. Fact Sheet: U.S.-China Visa Validity Arrangement [Электронный ресурс] // The White House. Office of the Press Secretary. – 2014. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/10/fact-sheet-us-china-visa-validity-arrangement. (Дата обращения: 21.04.2024).

168. Foreign Ministry Spokesperson Announces Countermeasures in Response to U.S. House Speaker Pelosi's Visit to Taiwan [Электронный ресурс] // Ministry of

Foreign Affairs of the People's Republic of China. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/202208/t20220805_10735433.html (дата обращения: 26.02.2026).

169. France says Australia, U.S. liaised in secret over sub deal, a 'stab in the back' [Электронный ресурс] // Reuters. – 2021. – URL: https://www.reuters.com/world/france-says-australia-us-liaised-secret-over-sub-deal-stab-back-2021-09-16/ (дата обращения: 24.05.2024).

170. G20 Leaders' Communiqué Hangzhou Summit [Электронный ресурс] // G20. – 2016. – URL: https://g20.org/en/press-releases/g20-leaders-communiqué-hangzhou-summit-2016/. (Дата обращения: 27.02.2026).

171. Garamone, J. U.S., China Agree to Rules for Air-to-Air Encounters [Электронный ресурс] / J. Garamone // U.S. Department of Defense : [official website]. – 2015. – URL: https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/617843/us-china-agree-to-rules-for-air-to-air-encounters/ (дата обращения: 12.06.2024).

172. Gellman, B. U.S. and China nearly came to blows in '96 [Электронный ресурс] / B. Gellman // The Washington Post : [сайт]. – 1998. – URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1998/06/21/us-and-china-nearly-came-to-blows-in-96/926d105f-1fd8-404c-9995-90984f86a613/ (дата обращения: 27.04.2024).

173. Governor Brown Signs New Agreements with China’s President, Top Climate Officials and Provincial Leaders to Expand Clean Technology

[Электронный ресурс] // Office of Governor Edmund G. Brown Jr. – 2017. – URL: https://www.gov.ca.gov/2017/06/07/news20004/ (дата обращения: 21.05.2024).

174. Human Rights Council Rejects Draft Decision to Hold a Debate on the Situation of Human Rights in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China[Электронный ресурс] // The United Nations. – 2022. – URL: https://www.ohchr.org/en/news/2022/10/human-rights-council-rejects-draft-decision-hold-debate-situation-human-rights (дата обращения: 23.05.2024).

175. International Monetary Fund. Press Release No 15/540: IMF Executive Board Completes Review of SDR Basket, Includes Chinese Renminbi [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. – 2015. – URL: https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/11/30/PR15540-IMF-Executive-Board-Completes-Review-of-SDR-Basket-Includes-Chinese-Renminbi (Дата обращения: 27.02.2026).

176. Martin D. U.S., Chinese warships have close call in South China Sea [Электронный ресурс] / D. Martin // CBS News. – 2013. – URL: https://www.cbsnews.com/news/us-chinese-warships-have-close-call-in-south-china-sea-12-13-2013/. (Дата обращения: 27.03.2025).

177. Nakamura, D. Obama heads to Asia with sharp focus on China’s growing power [Электронный ресурс] / D. Nakamura, W. Wan // The Washington Post : [сайт]. – 2011. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/obama-heads-to-asia-with

-sharp-focus-on-chinas-growing-power/2011/11/10/gIQAOsQkBN_story.html (дата обращения: 06.05.2024).

178. Ofcom revokes CGTN's licence to broadcast in the UK [Электронный ресурс] // Ofcom. – 2021. – URL: https://www.ofcom.org.uk/news-centre/2021/ofcom-revokes-cgtn-licence (дата обращения: 19.10.2023).

179. On the 26th Anniversary of the Handover of Hong Kong [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. – 2023. – URL: https://www.state.gov/on-the-26th-anniversary-of-the-handover-of-hong-kong/ (дата обращения: 24.05.2024).

180. Oracle and TikTok Partner to Deliver Secure Cloud Services for U.S. Users [Электронный ресурс] // Oracle Corporation. – 2020. – URL: https://www.oracle.com/corporate/pressrelease/oracle-tiktok-partner-092820.html(дата обращения: 18.02.2026).

181. Phillips, T. China warns against independence after Taiwan elects first female president [Электронный ресурс] / T. Phillips // The Guardian : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.theguardian.com/world/2016/jan/16/taiwan-election-china-reaction-tsai-ing-wen (дата обращения: 05.08.2024).

182. President Obama to the Australian Parliament [Электронный ресурс] // The White House Archives. – 2011. – URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament (дата обращения: 19.10.2023).

183. Press Briefing by Assistant Secretary of Defense for Indo-Pacific Security Affairs Randall Schriver [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2019. – URL: https://www.defense.gov/Newsroom/Transcripts/Transcript/Article/1864230/press-briefing-by-assistant-secretary-of-defense-for-indo-pacific-security-affairs/ (Дата обращения: 07.02.2026).

184. Quad Joint Leaders' Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2022. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/ (дата обращения: 23.05.2024).

185. Quad Leaders' Joint Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/05/20/quad-leaders-joint-statement/ (дата обращения: 23.05.2024).

186. Quad Leaders' Virtual Summit Joint Statement [Электронный ресурс] // The White House. – 2021. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-virtual-summit-joint-statement/ (Дата обращения: 07.02.2026).

187. Readout of Chairman of the Joint Chiefs of Staff Gen. CQ Brown, Jr.'s Video Teleconference With PLA Chief of the Joint Staff Department Gen. Liu Zhenli [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3625034/readout-of-c

hairman-of-the-joint-chiefs-of-staff-gen-cq-brown-jrs-video-telec/ (дата обращения: 26.02.2026).

188. Readout of President Joe Biden’s Meeting with President Xi Jinping of the People’s Republic of China [Электронный ресурс] // The White House. – 2023. – URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/15/readout-of-president-joe-bidens-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china-2/ (дата обращения: 26.02.2026).

189. Readout of the 17th U.S.-PRC Defense Policy Coordination Talks [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2024. – URL: https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3641212/readout-of-the-17th-us-prc-defense-policy-coordination-talks/ (дата обращения:26.02.2026).

190. Schwarzman Scholars Launched at Tsinghua University / Tsinghua University // Tsinghua News. – 2013. – URL: https://www.tsinghua.edu.cn/en/info/1175/3925.htm (дата обращения: 12.06.2024).

191. Statement on the so-called "median line" of the Taiwan Strait [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2022. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_655667/zyxw_655669/t1880210.htm (Дата обращения: 07.02.2026).

192. TikTok CEO defends app's data policies at US Congress [Электронный ресурс] // China Daily. – 2023. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/24/WS641d12a0a31057c47ebb65a9.html (Дата обращения: 18.02.2026).

193. TikTok Inc. and ByteDance Ltd. v. Garland. Petition for Review, U.S. Court of Appeals for the District of Columbia Circuit [Электронный ресурс] // U.S. Court of Appeals for the District of Columbia. – 2024. – URL: https://storage.courtlistener.com/recap/gov.uscourts.cadc.26906/gov.uscourts.cadc.26906.1.0.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

194. U.S. Allies Join China-Led Bank, Validating an Economic Challenge [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2015. – URL: https://www.nytimes.com/2015/03/18/business/international/chinas-plan-for-regional-development-bank-draws-allies-of-us.html (дата обращения: 19.10.2023).

195. U.S. Supreme Court upholds TikTok ban ahead of looming deadline [Электронный ресурс] // People's Daily Online. – 2025. – URL: http://en.people.cn/n3/2025/0118/c90000-20267726.html (Дата обращения: 18.02.2026).

196. United States Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs: Hearing on Social Media Platforms and Foreign Influence [Электронный ресурс] // U.S. Senate Homeland Security Committee. – 2022. – URL: https://www.hsgac.senate.gov/hearings/social-media-platforms-and-foreign-influence (дата обращения: 18.02.2026).

197. Watts, J. China passes anti-secession law [Электронный ресурс] / J. Watts // The Guardian : [сайт]. – 2005. – URL: https://www.theguardian.com/world/2005/mar/14/china.taiwan (дата обращения: 05.09.2024).

198. Wingfield-Hayes, R. US-China relations: Is this the start of a new Cold War? [Электронный ресурс] / R. Wingfield-Hayes // BBC News : [сайт]. – 2022. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-china-60039637(дата обращения: 05.09.2024).

199. ZTE says main business operations have ceased after U.S. ban [Электронный ресурс] // Reuters. – 2018. – URL: https://www.reuters.com/article/us-zte-usa/zte-says-main-business-operations-have-ceased-after-u-s-ban-idUSKBN1I92FA (дата обращения: 19.10.2023).

IV. Статистические, справочные и информационные материалы

200. Генеральное таможенное управление Китая. Статистический ежегодник внешнеэкономической деятельности Китая 2020 / Генеральное таможенное управление Китая. - Пекин: Издательство Генерального таможенного управления Китая, 2021. - С. 189-192. (на кит. яз.). 中国海关总署 2020 年中国对外经济活动统计年鉴.

201. Информация о регистрации Акционерной компании «Национальный инвестиционный фонд индустрии интегральных схем, III этап» [Электронный ресурс] // Национальная система публичной информации о кредитоспособности предприятий КНР. – 2024. – URL: https://www.qcc.com/firm/3f400c43666d9c669222c6f14e2d3e1d.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.) 国家集成电路产业投资基金三期股份有限公司.

202. Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний. Обзор сотрудничества между Китаем и США в рамках Программы подготовки специалистов в области полевой эпидемиологии (FETP) [Электронный ресурс] // Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний. – 2024. – URL: https://www.chinacdc.cn/qqgw/hzhb/202407/t20240722_286038.html (дата обращения: 04.02.2026). (на кит. яз.). 中国疾病预防控制中心中美现场流行病学培训项目（FETP）合作概况.

203. Отчет о результатах Китайско-американского года туризма 2016: число взаимных поездок превысило 5 миллионов [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. – 2016. – URL: http://www.mct.gov.cn/zyhb/2016zyhb/201603/t20160318_736522.htm (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 2016 中美旅游年成果报告中美人员往来突破 500 万人次.

204. Сборник официальных результатов и соглашений о сотрудничестве в рамках Китайско-американской консультации на высоком уровне по гуманитарным обменам (CPE) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/usa_655763/ryjl_655769/ (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中美人文交流高层磋商（CPE）官方成果与合作协议汇编.

205. Средне-американский стратегический и экономический диалог [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел КНР. – 2016. –

URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/usa_655763/zyhd_655765/ (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.) 中美战略与经济对话.

206. Технологический сюрприз Huawei: оценка нового смартфона Китая от 13 сентября 2023 г. [Электронный ресурс] // CSIS. – 2023. – URL: https://www.csis.org/analysis/huaweis-tech-surprise-assessing-chinas-new-smartphone (дата обращения: 23.02.2026).

207. AUKUS: Nuclear Submarine Cooperation and Nonproliferation Issues [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. – 2023. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12036 (Дата обращения: 07.02.2026).

208. Asia Maritime Transparency Initiative: Programs and Projects [Электронный ресурс] // Center for Strategic and International Studies. – 2026. – URL: https://www.csis.org/programs/asia-maritime-transparency-initiative (Дата обращения: 12.06.2026).

209. China's Belt and Road Initiative [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. – 2023. – URL: https://www.cfr.org/backgrounder/chinas-massive-belt-and-road-initiative (дата обращения: 19.10.2023).

210. Diplomatic relations establishment between the PRC and Panama, Dominican Republic, El Salvador, Solomon Islands, Kiribati, Nicaragua, Honduras [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2023. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhd_655672/gjdq_655674/tw_655724/ (Дата обращения: 07.02.2026).

211. Eurostat [Электронный ресурс] // European Commission : [офиц. сайт]. – URL: https://ec.europa.eu/eurostat(дата обращения: 05.09.2024).

212. Exercise Malabar: History and Developments [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense. – 2023. – URL: https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2860460/exercise-malabar-2020-concludes-with-quad-member-participation/ (Дата обращения: 07.02.2026).

213. Global Smartphone AP-SoC Market Share : ежеквартальные отчеты [Электронный ресурс] // Hong Kong : Counterpoint Research. – 2021. – URL: https://counterpointresearch.com/en/insights/global-smartphone-apsoc-market-share-quarterly (дата обращения: 10.06.2026).

214. Huawei Investment & Holding Co., Ltd. Годовой отчет 2021 [Электронный ресурс] // Huawei Investment & Holding Co., Ltd. – 2022. – URL: https://www.huawei.com/cn/annual-report/2021 (дата обращения: 19.10.2023). (на кит. яз.). 华为投资控股有限公司 2021 年年度报告.

215. IMF 2010 Quota and Governance Reforms [Электронный ресурс] // International Monetary Fund. – 2016. – URL: https://www.imf.org/en/About/Factsheets/Sheets/2016/08/01/16/11/2010-quota-and-governance-reform (дата обращения: 19.10.2023).

216. International Visitation to the United States Report [Электронный ресурс] // International Trade Administration : [official website]. – 2017. – URL: https://www.trade.gov/data-visualization/2017-visitation-data (дата обращения: 12.06.2024).

217. Made in China 2025: Global Ambitions, Built on Local Protections [Электронный ресурс] // The U.S. Chamber of Commerce. – 2017. – URL: https://www.uschamber.com/assets/archived/images/final_madeinchina2025_report_full.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

218. OECD Investment [Электронный ресурс] // OECD : [офиц. сайт]. – URL: https://www.oecd.org/investment/(дата обращения: 05.09.2024).

219. Open Doors Report on International Educational Exchange [Электронный ресурс] // Institute of International Education Open Doors : [official website]. – 2020. – URL: https://opendoorsdata.org/annual-release/2020-fast-facts/ (дата обращения: 12.06.2024).

220. Participation of Taiwan in ICAO activities [Электронный ресурс] // ICAO. – 2024. –URL: https://www.icao.int/topics/sovereignty-and-territory (Дата обращения: 07.02.2026).

221. “Peace Mission” series of SCO joint counter-terrorism military exercises [Электронный ресурс] // Ministry of National Defense of the PRC. – 2023. – URL: https://www.mod.gov.cn/topic/peacemission (Дата обращения: 07.02.2026).

222. Regularized PLA aircraft activities in the airspace southwest of China's Taiwan region [Электронный ресурс] // Ministry of National Defense of the PRC. – 2023. – URL: https://www.mod.gov.cn/column/tw (Дата обращения: 07.02.2026).

223. Science and Engineering Indicators 2022 [Электронный ресурс] // National Science Board : [сайт]. – URL: https://ncses.nsf.gov/pubs/nsb20227 (дата обращения: 05.09.2024).

224. Synergy between SCO and the Belt and Road Initiative (BRI) [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the PRC. – 2024. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zgz_655665/gjhd_655667/sco_655734/ (Дата обращения: 07.02.2026).

225. Taiwan Strait tensions [Электронный ресурс] // South China Morning Post : [сайт]. – URL: https://www.scmp.com/topics/taiwan-strait-tensions (дата обращения: 05.09.2024).

226. The Budget and Economic Outlook: 2020 to 2030 [Электронный ресурс] // The Congressional Budget Office. – 2020. – URL: https://www.cbo.gov/system/files/2020-01/56020-CBO-Outlook.pdf (дата обращения: 19.10.2023).

227. TikTok : How TikTok's Algorithm Works [Электронный ресурс] // TikTok For Business. – 2024. – URL: https://www.tiktokforbusiness.com/en-us/blog/how-tiktoks-algorithm-works/ (дата обращения: 18.02.2026).

228. TikTok: Issues for Congress Regarding Data Security and Content Moderation [Электронный ресурс] // Congressional Research Service. – 2024. – URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R47512 (дата обращения: 18.02.2026).

229. TSMC (Taiwan Semiconductor Manufacturing Company) – тайваньская компания, занимающаяся изучением и производством полупроводниковых изделий.

230. U.S.-China S&ED Reports [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [офиц. сайт]. – URL: https://2009-2017.state.gov/s/e/ (дата обращения: 05.09.2024).

231. USA Trade Online : U.S. Merchandise Trade Data [Электронный ресурс] // U.S. Census Bureau. – 2026. – URL: https://usatradeonline.census.gov/ (дата обращения: 19.01.2026).

Список литературы

I. Монографии и сборники статей

1.1. Монографии и сборники статей на русском языке

232. Баталов, Э.Я. Идеологическая стратегия США на мировой арене / Э.Я. Баталов. – М.: Международные отношения, 1985. – 230 с.

233. Баталов, Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций / Э.Я. Баталов. – М.: РОССПЭН, 2005. – 376 с.

234. Богатуров, А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д. Богатуров. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 48 с.

235. Богатуров, А.Д. Современная мировая политика. Прикладной анализ / А.Д. Богатуров. – М.: Аспект-пресс, 2010. – 589 с.

236. Внешняя политика и международные отношения Китайской Народной Республики. В 2 т. Т. 2 : 1970–1980-е годы / гл. ред. Г. В. Астафьев, А. М. Дубинский. – М. : Мысль, 1974–1984. – 360 с.

237. Галенович, Ю.М. Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай / Ю.М. Галенович. – М.: Директмедиа, 2013. – 480 с.

238. Грачиков, Е.Н. Глобальная конкуренция США и КНР // Глобальная конкуренция США и КНР: научная монография / под ред. Е.Н. Грачикова, М.С. Рамича. – М.: РУДН, 2022. – С. 5–12.

239. Косов, А.П. США во внешней политике России в условиях трансформации современного миропорядка: монография / под ред. В. С. Кошелева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. – 366 с.

240. Кременюк, В.А. Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001–2002 гг.) / под общ. ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесного. – М.: ИСКРАН, 2002. – 105 с.

241. Кременюк, В.А. Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / В.А. Кременюк, Г.В. Мирзаян, П.Т. Подлесный и др. ; под общ. ред. Т.А. Шаклеиной. – М.: ИСКРАН, 2005. – 141 с.

242. Кременюк, В.А. Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / под общ. ред. В.А. Кременюка, Т.А. Шаклеиной. – М., 2007. – 179 с.

243. Лексютина, Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США / Я.В. Лексютина. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 199 с.; Лексютина, Я.В. США и политика «одного Китая» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – Т. 10. – № 5 (56). – С. 99–116.

244. Лукин, В.П. «Центры силы». Концепции и реальность / В.П. Лукин. – М., 1983. – 256 с.

245. Печатнов, В.О. Внешнеполитическая стратегия США после холодной войны // Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. с.

246. Печатнов, В.О. США в региональном и глобальном измерениях // Современные международные отношения и мировая политика / под ред. А.В. Торкунова. – М.: Просвещение, 2004. – С. 559–598.

247. Самуйлов, С.М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование / С.М. Самуйлов. – М.: ИСКРАН, 2013. – 316 с.

248. Самуйлов, С.М. Совет национальной безопасности США: принятие решений при Дж. Буше-мл. и Б. Обаме // Внешняя политика администрации Барака Обамы (2009–2012 гг.) / под общ. ред. В.А. Кременюка. – М.: ИСКРАН, 2012. – С. с.

249. Современное китайское государство / гл. ред. А.В. Виноградов. - М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. – 903 с.

250. Уткин, А.И. Стратегия глобальной экспансии: внешнеполитические доктрины США / А.И. Уткин. – М.: Международные отношения, 1986. – 287 с.

1.2. Монографии и сборники статей на китайском языке

251. Институт военных наук Академии военных наук. Доклад о мировом военном развитии (2023) / Институт военных наук Академии военных наук. – Пекин: Военно-научное издательство, 2023. – 452 с. (на кит. яз.). 军事科学院战争研究院.世界军事发展报告（2023） / 军事科学院战争研究院. – 北京：军事科学出版社，2023. – 452 页.

252. Институт международных отношений КНР. Белая книга КНР о национальной обороне (2019) / Институт международных отношений КНР. – Пекин : Издательство иностранной литературы, 2019. – 189 с. (на кит. яз.). 中国国际关系研究院. 中国国防白皮书（2019）/ 中国国际关系研究院. – 北京 : 外文出版社, 2019. – 189 页.

253. Институт международных отношений КНР. Белая книга КНР о сотрудничестве в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Институт международных отношений КНР. – Пекин : Издательство иностранной литературы, 2021. – 215 с. (на кит. яз.). 中国国际关系研究院. 亚洲安全观与亚太安全合作白皮书 / 中国国际关系研究院. – 北京 : 外文出版社, 2021. – 215 页.

254. Ню Цзюнь. От Яньаня к миру: истоки и развитие внешней политики Коммунистической партии Китая / Ню Цзюнь. – Пекин : Издательство Китайского народного университета, 2013. – 491 с. (на кит. яз.). 牛军. 从延安走向世界: 中国共产党对外关系的起源. – 北京 : 中国人民大学出版社, 2013. 第 491 页.

255. Сюэ Лань. Китайско-американское технологическое соперничество: глобальные цепочки поставок и кибербезопасность : монография / Сюэ Лань ; Институт управления им. Шварцмана Цинхуа ун-та. - Пекин. : Изд-во Цинхуа ун-та, 2021. - 312 с. (на кит. яз.). 薛澜. 中美技术竞争：全球供应链与网络安全. 北京：清华大学出版社，2021.

256. Тао Вэньчжао. История китайско-американских отношений (1949–2000) : в 3 т. Т. 3 / Тао Вэньчжао. – Шанхай : Шанхайское народное

издательство, 2004. – 411 с. (на кит. яз.). 陶文钊. 中美关系史 (1949–2000). 下卷. 上海 : 上海人民出版社.

257. Фан Синдун. Сетевая мощь: китайско-американская большая игра в киберпространстве : монография / Фан Синдун ; Институт интернет-исследований Китая. - Пекин. : Изд-во Электронной промышленности, 2014. - 278 с. (на кит. яз.). 方兴东.网络强国：中美网络空间大博弈. 北京：电子工业出版社，2014.

258. Цзинь Инань. Национальная оборона и военная стратегия Китая при американском давлении : монография / Цзинь Инань ; Университет национальной обороны КНР. - Пекин. : Изд-во Университета национальной обороны КНР, 2021. - 386 с. (на кит. яз.). 金一南. 国防与中国军事战略：在美国压力下的应对. 北京：国防大学出版社，2021.

259. Цзюнь Цзиньпин. Дипломатическая мысль Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новой эпохе / Цзюнь Цзиньпин. – Пекин : Издательство Народной литературы, 2020. – 526 с. (на кит. яз.). 习近平. 习近平新时代中国特色社会主义外交思想学习纲要 / 习近平. – 北京 : 人民出版社, 2020. – 526 页.

260. Чэнь Вэньлина. Исследование китайско-американских экономических отношений в следующем десятилетии : монография / Чэнь Вэньлина ; Центр международного экономического обмена Китая. - Пекин. : Изд-во Центра международного экономического обмена Китая, 2013. - 352 с. (на кит. яз.). 陈文玲.未来十年中美经贸关系研究. 北京：中国国际经济交流中心出版社，2013.

261. Ши Иньхун. Международная политика и стратегия Китая / Ши Иньхун. – Пекин : Издательство Пекинского университета, 2005. – 365 с. (на кит. яз.). 时殷弘. 中国的国际政治与战略. – 北京: 北京大学出版社, 2005. 第 365 页.

262. Янь Сюэтун. Структурный противоречий и будущее китайско-американских отношений / Янь Сюэтун. – Пекин : Пекинский университетский издательство, 2022. – 369 с. (на кит. яз.). 阎学通. 结构性矛盾与中美关系的未来 / 阎学通. – 北京 : 北京大学出版社, 2022. – 369 页.

1.3. Монографии и сборники статей на английском языке

263. Bown, C P. Trump's Trade War Timeline: An Up-to-Date Guide / C. P. Bown, M Kolb. – Washington: Peterson Institute for International Economics, 2021.

264. Brzezinski, Z. The Grand Chessboard : American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. — New York : Basic Books, 1997. — 223 p.

265. Burns, W. J. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal [Электронный ресурс] / W. J. Burns // New York: Random House. –2019. – URL: https://www.randomhousebooks.com/books/596485/the-back-channel-by-w-j-burns/ (Дата обращения: 27.02.2026).

266. Cordesman, A. H. Chinese Crisis Management and U.S.-China Relations / A. H. Cordesman, J. Kendall. – Center for Strategic and International Studies, 2016.

267. Elleman, B. Taiwan Straits: Crisis in Asia and the Role of the U.S. Navy.

– Lanham: Rowman&Littlefield, 2014. – 252 p.

268. Fairbank, J. Chinese Thought and Institutions / J. Fairbank. – Chicago : University of Chicago Press, 1957. – 438 p.

269. Fairbank, J. The Chinese World Order: Traditional China's Foreign Relations / J. Fairbank. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1968. – 416 p.

270. Fairbank, J. The United States and China / J. Fairbank. – Cambridge : Harvard University Press, 1983. – 660 p.

271. Gaddis, J.L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. – N. Y.: Oxford University Press, 1982. – 512 p.

272. Gilpin, R. War and Change in World Politics / R. Gilpin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1981. – 272 p.

273. Gordon, C. The Coming Collapse of China. – N.Y.: Random House, 2001. – 368 p.

274. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order / S.P. Huntington. - New York : Simon & Schuster, 1996. - 384 p.

275. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. – N. Y.: Simon & Schuster, 1998. – 368 p.

276. Ikenberry, G. J. The Rise of China and the Future of the West: Can the Liberal System Survive? / G. J. Ikenberry // Foreign Affairs. – 2008. – Vol. 87, No. 1. – P. 23–37.

277. Keohane, R. O. Power and Interdependence: World Politics in Transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. – Boston : Little, Brown, 1977. – 273 p.

278. Keohane, R. O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World

Political Economy / R. O. Keohane. - Princeton : Princeton University Press, 1984. - 356 p.

279. Keohane, R. O. Power and Interdependence : World Politics in Transition / R. O. Keohane, J. S. Nye. – 3rd ed. – New York : Longman, 2001. – 336 p.

280. Mearsheimer, J.J. The Tragedy of Great Power Politics / Mearsheimer,J.J. - New York : W. W. Norton & Company, 2001. - 448 p.

281. Morgenthau, H. J. Politics Among Nations : The Struggle for Power and Peace / H. J. Morgenthau. - New York : Alfred A. Knopf, 1948. - 489 p.

282. Navarro, P.D., Autry G. Death by China: Confronting the Dragon - A Global Call to Action / P.D. Navarro, G. Autry. - New York : Prentice Hall, 2011. - 320 p.

283. Rosenau, J. N. Governance without Government: Order and Change in World Politics / J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel. - Cambridge : Cambridge University Press, 1992. - 378 p.

284. Sutter, R. U.S. Policy Towards China: An Introduction to the Role of Interest Groups. – Maryland: Rowman and Littlefield Publishers Inc, 1998. – 184 p.

285. Sutter R. U.S.-Chinese Relations: Perilous Past, Pragmatic Present. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2010. – 340 p.

286. Waltz, K. N. Theory of International Politics / K. N. Waltz. - Reading, MA : Addison-Wesley, 1979. - 251 p.

287. Weiss, T. G. Global Governance: Why? What? Whither? / T. G. Weiss. - Cambridge : Polity Press, 2019. - 214 p.

288. Zhong, J. One voice among many: the new China lobby and Sino-US

relations in the 1990s : M.Phil. thesis / Zhong Jing ; Hong Kong University of Science and Technology. – Hong Kong, 1999. – 98 p.

II. Статьи в научных журналах и СМИ

2.1. Статьи в научных журналах и СМИ на русском языке

289. Ван, Ц. Заговор против Китая? Как Пекин видит новую стратегию Вашингтона / Ван Цзисы // Россия в глобальной политике. – 2018. – № 4. (на кит. яз.) 王缉思. 针对中国的阴谋？北京如何看待华盛顿的新战略 // 外交事务.

290. Волошина, А.В. Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 80-93.

291. Воронцов, А. В. Эволюция архитектуры безопасности в Юго-Восточной Азии: роль КНР и США [Электронный ресурс] / А. В. Воронцов // Сравнительная политика. – 2011. – № 3. – С. 49–65. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-arhitektury-bezopasnosti-v-yugo-vostochnoy-azii-rol-knr-i-ssha (дата обращения: 05.09.2024).

292. Гордеева, И.В. Место Тайваня в противоборстве США и Японии с Китаем // Проблемы Дальнего Востока. – 2021. – № 1. – С. 7–20.

293. Грачиков, Е.Н. Особенности внешней политики Китая: этапы смены стратегий // Научно-аналитический журнал Обозреватель. – 2015. – № 3. – С. 34–46.

294. Денисов, И.Е. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между КНР и США в среднесрочной перспективе (военно-политический и экономический

аспекты) // Ежегодник Института международных исследований МГИМО МИД РФ. – 2013. – № 3–4. – С. 189–201.

295. Конышев, В. Н. Российско-американские отношения в Арктике: от сотрудничества к конфронтации [Электронный ресурс] / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 5. – С. 5–18. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=46177594 (дата обращения: 05.09.2024).

296. Кременюк, В.А. Внешняя политика США на рубеже веков // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 5. – С. 3–15.

297. Кременюк, В.А. США в современной мировой системе [Электронный ресурс] // Электронный журнал ИСКРАН «Россия и Америка в XXI веке». – 2008. – № 2. – URL: доступен из официального ресурса издателя.

298. Лузин, А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность» / А.В. Лукин // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 1. – С. 118–137.

299. Лузянин, С.Г. Региональные и глобальные ресурсы сотрудничества России, Индии, Китая в центральноазиатском ракурсе // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 2. – С. 33–41.

300. Ребро, О. И., Сучков М. А. «Рассеянная супердержава»: внешняя политика США в постбиполярном мире //Международная аналитика. – 2021. – Т. 12. – №. 3. – С. 19-37.

301. Самуйлов, С.М. Пентагон и «строительство государства» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 10. – С. 21–38.

302. Семкина, Е.В. Юго-Восточная Азия: новые плоскости антагонизма США и КНР // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 3. – С. 99–104.

303. Труш, С.М. КНР – США: некоторые особенности и аспекты нарастающего конфликта // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2020. – № 50 (12). – С. 45–61.

304. Труш, С.М. Обострение вокруг Тайваня: грани конфликта // Международная жизнь. – 2021. – № 12. – С. 100–107.

305. Урляпов, В.Ф. «Новое пришествие» США в юго-восточную Азию. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2011. – № 17. – С. 19-30.

306. Янь Сюэтун. От «скрывать свои возможности» к «стремлению к достижениям» / Янь Сюэтун // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 3. – С. 10–23. (на кит. яз.). 阎学通. 从韬光养晦到奋发有为.

2.2. Статьи в научных журналах и СМИ на китайском языке

307. Ван Дуна. Администрация Байдена и институционализация китайско-американского стратегического соперничества / Ван Дуна // Исследования международных проблем. - 2021. - № 4. - С. 45-60. (на кит. яз.). 王栋.拜登政府与中美战略竞争的制度化与强化. 国际问题研究, 2021 (4):45-60.

308. Ван Ли. Концепция «сообщества единой судьбы человечества» и трансформация современного мирового порядка / Ван Ли // Современные международные отношения. – 2024. – № 3. – С. 23–38. (на кит. яз.). 王莉. 人类

命运共同体理念与当代世界秩序转型 // 现代国际关系. – 2024. – № 3. – 第 23-38 页.

309. Ван Си. Современная модернизация НОАК и доктрина A2/AD: вызов или ответ на стратегическое давление США? / Ван Си // Контemporary International Relations. – 2020. – Т. 30, № 5. – С. 27–46. (на кит. яз.). 王毅. 解放军现代化与 A2/AD 战略：是挑战还是对美国战略压力的回应？// 现代国际关系. – 2020. – 第 30 卷, № 5. – 第 27-46 页.

310. Ван Хай. Торговые войны и «декаплинг» в американо-китайских отношениях: геополитические предпосылки и последствия / Ван Хай // Исследования по США и Канаде. – 2022. – № 3. – С. 47–62. (на кит. яз.). 王海. 中美贸易战与 “去耦合”：地缘政治动因与后果 // 美国研究. – 2022. – № 3. – 第 47-62 页.

311. Ван Ц. Наблюдая за Китаем, наблюдая за Америкой: размышления о китайско-американских стратегических отношениях // Американские исследования. – 2021. – № 1. – С. 9–27. (на кит. яз.). 王缉思. 观华观美: 中美战略关系之我见. 美国研究.

312. Ван Цзисы. Переосмысление китайско-американских отношений / Ван Цзисы // Мировая экономика и политика. – 2021. – № 1. – С. 4–18. (на кит. яз.). 王缉思. 对中美关系的再思考 // 世界经济与政治. – 2021. – № 1. – 第 4-18 页.

313. Ван Цзюнь. АИИБ и западные многосторонние финансовые институты: дополнение или альтернатива? / Ван Цзюнь // Международные

отношения. – 2022. – № 4. – С. 92–108. (на кит. яз.). 王军. 亚投行与西方多边金融机构：互补而非替代 // 国际关系研究. – 2022. – № 4. – 第 92-108 页.

314. Ван Цзюнь. Глобальное управление нераспространением ядерного оружия: роль США и КНР / Ван Цзюнь // Современные международные отношения. – 2023. – № 5. – С. 78–93. (на кит. яз.). 王军. 全球核不扩散治理中的中美角色定位与互动 // 现代国际关系. – 2023. – № 5. – 第 78-93 页.

315. Ван Шисюэ. Логика альянса AUKUS и его влияние на региональную безопасность [Электронный ресурс] / Ван Шисюэ, Чэнь Цзин // Вестник Ляонинского университета (Философия и социальные науки). – 2023. – № 6. – С. 138-148. – URL: https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=BS9n4-32l9u1J5-q2fE97Yh2K9LpQ-I_zR8K1Dk3t-tS0GvY7uK2xP7N4b3hHlD1s-j6-l0U3P3w-M8_H1VnIeICh-49o9xL8nI0k&uniplatform=NZKPT(дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 王世学, 陈婧. AUKUS 同盟逻辑及其地区安全影响.

316. Да В. Стратегическое мышление и политический выбор в китайской политике администрации Байдена // Современные международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–10. (на кит. яз.). 达巍. 拜登政府对华政策的战略思维与政策选择. 现代国际关系.

317. Да Вэй. Анализ механизма стратегического и экономического диалога между Китаем и США / Да Вэй // Исследования международных проблем. – 2012. – № 4. – С. 27–40. (на кит. яз.). 达巍. 中美战略与经济对话机制评析 // 国际问题研究. – 2012. – № 4. – 第 27-40 页.

318. Ду Дэбин, Ма Яхуа. «Один пояс – один путь» как геостратегический контрманевр: интерпретация через призму теории «Хартленда» Маккиндера / Ду Дэбин, Ма Яхуа // Географические исследования. – 2015. – № 6. – С. 1005–1014. (на кит. яз.). 杜德斌，马亚华. “一带一路”作为地缘战略迂回：基于麦金德“心脏地带”理论的解读 // 地理研究. – 2015. – № 6. – 第 1005-1014 页.

319. Дяо Д. Логика эволюции двухпартийной конкуренции в США и её влияние на политику в отношении Китая // Мировая экономика и политика. – 2021. – № 10. – С. 57–80. (на кит. яз.). 刁大明. 美国两党竞争的演化逻辑及其对华政策影响. 世界经济与政治.

320. Китай всегда придерживался принципов открытости и прозрачности при распространении информации о пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2020. – URL: https://news.cgtn.com/news/2020-04-27/China-is-always-open-and-transparent-in-reporting-COVID-19-outbreaks-Q2aRaEw0nK/index.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国在新冠疫情信息发布中始终保持开放透明.

321. Ли В. Технологический «декаплинг» и реконструкция глобальных цепочек создания стоимости в контексте китайско-американской стратегической конкуренции // Мировая экономика и политика. – 2020. – № 8. – С. 34–55. (на кит. яз.). 李巍. 中美战略竞争背景下的技术“脱钩”与全球价值链重构. 世界经济与政治.

322. Ли, Вэй. Новые китайско-американские отношения в эпоху стратегической конкуренции / Ли Вэй, Чжан Чжэсинь // Международная политическая наука. – 2015. – № 1. – С. 25–53. (на кит. яз.) 李 巍, 张哲馨. 战

略竞争时代的新型中美关系.《国际政治科学》２０１５年第１期（总第４１期），第２５-５３页.

323. Ли Вэй. «Юридическая война» США против Китая и ответные меры / Ли Вэй, Чжан Сюе // Современные международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 118–125. (на кит. яз.). 李巍, 张雪. 美国的对华“法律战”与应对 // 现代国际关系. – 2021. – № 1. – 第 118-125 页.

324. Ли Мин. Китайское восприятие теории циклов возвышения и упадка великих держав / Ли Мин // Исследования по США и Канаде. – 2019. – № 3. – С. 18–35. (на кит. яз.). 李敏.中国对大国兴衰周期理论的认知与解读 // 美国研究. – 2019. – № 3. – 第 18-35 页.

325. Ли Цземин, Ван Юньфэй. Сдерживающий эффект противокорабельных баллистических ракет на авианосные ударные группы и тактические контрмеры [Электронный ресурс] / Ли Цземин, Ван Юньфэй // Военная глобальная газета. – 2023. – URL: https://mil.huanqiu.com/article/1081602 (дата доступа: 18 февраля 2026 г.). (на кит. яз.) 反舰弹道导弹对航母战斗群的威慑效应与战术应对.

326. Линь Бин. Сотрудничество Китая и США в борьбе с терроризмом после 11 сентября 2001 года: мотивы и ограничения / Линь Бин // Международные отношения Азии и Тихого океана. – 2008. – № 2. – С. 56–72. (на кит. яз.). 林滨. 9・11 后中美反恐合作的动因与局限 // 亚太国际关系. – 2008. – № 2. – 第 56-72 页.

327. Линь Мин. Парадигма комплексной взаимозависимости и трансформация китайско-американских экономических отношений / Линь Мин

// Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 9. – С. 36–51. (на кит. яз.). 林敏. 复合相互依存范式与中美经济关系的转型 // 世界经济与政治. – 2020. – № 9. – 第 36-51 页.

328. Лю Фэйтао. Национальная безопасностная стратегия США и Индо-Тихоокеанская стратегия: Китай как главный стратегический соперник / Лю Фэйтао // Современные международные отношения. - 2021. - № 6. - С. 34-51. (на кит. яз.). 刘飞涛.美国国家安全战略与印太战略：中国作为主要战略竞争对手. 现代国际关系，2021 (6):34-51.

329. Лун Юнту. Пятнадцать лет переговоров о вступлении в ВТО: ретроспектива и размышления / Лун Юнту // Международная экономика и торговля. – 2002. – № 1. – С. 4–7. (на кит. яз.). 龙永图. 入世谈判十五年回顾与思考 // 国际贸易. – 2002. – № 1. – 第 4-7 页.

330. Министерство обороны отвечает на развертывание ракет на островах и рифах Южно-Китайского моря: оружие было развернуто много лет назад [Электронный ресурс] // CNR.cn. – 2016. – URL: http://news.cnr.cn/native/gd/20160218/t20160218_521408502.shtml (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 央广网. 国防部回应南海岛礁部署导弹:多年前就部署武器.

331. Мэнь Хунхуа. Китай как «ответственный участник»: анализ идентичности и поведения / Мэнь Хунхуа // Международный обзор. – 2006. – № 2. – С. 8–15. (на кит. яз.). 门洪华. 中国作为“负责任的相关者”：一种身份和行为的分析 // 国际观察. – 2006. – № 2. – 第 8-15 页.

332. Новое исследование Китайского центра по контролю и профилактике заболеваний подтверждает результаты исследования ВОЗ по установлению источника происхождения COVID-19 в Китае [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2023. – URL: https://news.cgtn.com/news/2023-04-09/CDC-New-research-supports-China-WHO-COVID-19-origins-tracing-findings-1iRhicuGrTO/index.html (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中国疾控中心新研究支持中国世卫组织新冠溯源研究结果.

333. Остров Юншу в Южно-Китайском море: восхождение военного гегемона! Плотное размещение ракет и радаров создает несокрушимую линию обороны! [Электронный ресурс] // China.com. – 2025. – URL: https://m.toutiao.com/group/7570727858826396203/?upstream_biz=doubao (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 南海永暑岛:军事霸主崛起!密集导弹与雷达构筑坚不可摧的防线.

334. Пандемия COVID-19 демонстрирует тенденцию к поляризации, при этом США показывают худшие результаты в борьбе с вирусом. Аналитический центр CGTN опубликовал отчет об оценке международных усилий по борьбе с COVID-19 [Электронный ресурс] // Китайский международный телевизионный канал (CGTN). – 2021. – URL: https://news.cgtn.com/news/2021-07-26/CGTN-think-tank-releases-global-COVID-19-response-rankings-11yZ4Xn4G7t3Yk8U0eO7161231.shtml (Дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 新冠疫情呈两极化发展趋势美国防疫表现最差 CGTN 智库发布国际新冠防疫表现评估报告.

335. Почему Южно-Китайское море стало главным полем битвы в противостоянии Китая и США: строительство островов и рифов изменило стратегический расклад [Электронный ресурс] // China.com. – 2025. – URL: https://3g.china.com/act/military/13004177/20250730/48671503.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 南海为何成中美博弈的主战场 岛礁建设改变战略格局.

336. Стратегический транспортный самолёт Y-20: формирование глобальной доставочной способности ВВС Китая [Электронный ресурс] // авт.-сост. ред. колл. портала Toutiao. – 2026. – URL: http://m.toutiao.com/group/7607980105050145326/ (дата обращения 19.02.2026). (на кит. яз.). 运 - 20 列装过百架，意味着中国战略投送能力已从 “区域覆盖” 跃升为 “全球到达”.

337. Су Цзюньюй. Дилемма безопасности в американо-китайских отношениях: источники, динамика и пути преодоления / Су Цзюньюй // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – № 6. – С. 45–58. (на кит. яз.). 孙溯源. 中美关系中的安全困境：根源、演变与破解路径 // 世界经济与政治. – 2021. – № 6. – 第 45-58 页.

338. Сунь Синцзе. Исторический анализ современного глобального сдвига сил / Сунь Синцзе // Международные исследования. - 2020. - № 5. - С. 67-82. (на кит. яз.). 孙兴杰. 全球权力转移的历史分析. 国际观察, 2020 (5):67-82.

339. Син Юйчжэн. Имперское перенапряжение США и кризис гегемонистской стабильности / Син Юйчжэн // Военные стратегические

исследования. – 2020. – № 6. – С. 78–95. (на кит. яз.). 辛裕辰. 美国的帝国过度扩张与霸权稳定危机 // 军事战略研究. – 2020. – № 6. – 第 78-95 页.

340. США внезапно осознали: «живые мишени» Китая в Южно-Китайском море на самом деле являются первоклассной ловушкой для изматывания американской армии [Электронный ресурс] // China.com. – 2026. – URL: https://mkan.china.com/article/6492561.html (дата обращения: 07.02.2026). (на кит. яз.). 中华网. 美国猛然惊醒:中国在南海的“活靶子”, 竟是耗死美军的顶级陷阱.

341. Ту, Чжицзянь. Стратегический треугольник США, Китая и Тайваня во времена администрации Клинтона / Ту Чжицзянь, Тан Синьвэй // Общий взгляд : перспективный ежеквартальный журнал. – 2001. – № 2. – С. 163–195. (на кит. яз.). 涂志堅, 唐欣偉. 從總體觀點看柯林頓政府時期的 美「中」臺戰略三角. 《遠景季刊》 2 卷 2 期 (2001/04): 163-195.

342. У Дахуэй. Проблема Тайваня и риски китайско-американских военных конфликтов: контрмеры / У Дахуэй // Современные международные отношения. - 2022. - № 3. - С. 45-60. (на кит. яз.). 吴大辉.台湾问题与中美军事冲突：风险与对策. 现代国际关系, 2022 (3):45-60.

343. У С. Политика Байдена в отношении Китая и китайско-американские отношения // Международные исследования. – 2021. – № 2. – С. 23–38. (на кит. яз.). 吴心伯. 拜登对华政策与中美关系. 国际问题研究.

344. Хуа Юй. БРИКС и трансформация глобального экономического порядка: китайский подход / Хуа Юй // Исследования по современной международной экономике. – 2023. – № 2. – С. 45–62. (на кит. яз.). 华悦. 金砖

国家与全球经济秩序转型：中国的思路与路径 // 当代亚太. – 2023. – № 2. – 第 45-62 页.

345. Хуа Юйчжэн. Технологическая самодостаточность КНР как ответ на американские санкции / Хуа Юйчжэн // Contemporary International Relations. – 2023. – № 4. – С. 76–92. (на кит. яз.). 华裕珍. 中国技术自主创新: 对美国制裁的回应与国家安全考量 // 现代国际关系. – 2023. – № 4. – 第 76-92 页.

346. Хэ Вэйвэнь. Китайско-американское экономическое противостояние: перспективы и пути разрешения / Хэ Вэйвэнь // Международная экономика. - 2020. - № 3. - С. 45-60. (на кит. яз.). 何伟文.中美经济对抗：前景与解决路径. 国际经济评论，2020 (3):45-60.

347. Цинь Я. Реляционная теория и китайская мысль в международных отношениях // Социальные науки в Китае. – 2019. – № 4. – С. 147–167. (на кит. яз.). 秦亚青. 关系理论与国际关系中的中国思想. 中国社会科学.

348. Цзинь Ц. Столетие невиданных перемен и китайско-американская игра // Исследования международных проблем. – 2018. – № 4. – С. 24–39. (на кит. яз.). 金灿荣. 百年未有之大变局与中美博弈. 国际问题研究.

349. Цзы Чжунъюнь. Размышления о Соединенных Штатах и их отношениях с миром после Холодной войны / Цзы Чжунъюнь // Американские исследования. – 1999. – № 2. – С. 7–27. (на кит. яз.). 资中筠. 冷战后对美国和世界关系的思考.

350. Чжан Вэнь. Формирование блоков AUKUS и QUAD: новая архитектура военных альянсов США в Индо-Тихоокеанском регионе / Чжан Вэнь // Военные науки. – 2023. – № 4. – С. 89–102. (на кит. яз.). 张文. AUKUS

与 QUAD 的形成: 美国印太军事同盟体系的新架构 // 军事科学. – 2023. – № 4. – 第 89-102 页.

351. Чжан Тошэн. Дипломатия Китая в отношении соседних стран в новую эпоху: концепции, практика и перспективы / Чжан Тошэн // Исследования международных проблем. – 2011. – № 6. – С. 27–40. (на кит. яз.). 张沱生. 新时期中国的周边外交:理念、实践与展望 // 国际问题研究. – 2011. – № 6. – 第 27-40 页.

352. Чжан Цзюньли. Секьюритизация экономики США и ее влияние на китайско-американскую взаимозависимость / Чжан Цзюньли // Исследования международных проблем. – 2021. – № 7. – С. 29–44. (на кит. яз.). 张俊立. 美国经济安全化及其对中美相互依存的影响 // 国际问题研究. – 2021. – № 7. – 第 29-44 页.

353. Чжан Юйчжун. Геополитическая парадигма Бжезинского и американская стратегия сдерживания КНР / Чжан Юйчжун // Исследования международных проблем. – 2021. – № 2. – С. 15–30. (на кит. яз.). 张宇钟. 布热津斯基地缘政治范式与美国对华遏制战略 // 国际问题研究. – 2021. – № 2. – 第 15-30 页.

354. Чжан Юйян, Сюй Сюйцзюнь. Равноправный и упорядоченный многополярный мир: китайская концепция против гегемонизма / Чжан Юйян, Сюй Сюйцзюнь // Искусство. – 2025. – № 4. – С. 5–18. (на кит. яз.). 张宇燕，徐秀军. 平等有序的世界多极化：中国反霸权主义理念 // 求是. – 2025. – № 4. – 第 5-18 页.

355. Чжао Сяочунь. Анализ китайско-американского кризис-менеджмента во время кризиса в Тайваньском проливе 1995–1996 гг. / Чжао Сяочунь // Ежеквартальный журнал международных политических исследований. – 2006. – № 2. – С. 85–102. (на кит. яз.). 赵小春. 试论1995-1996年台海危机中的中美危机管理 // 国际政治研究. – 2006. – № 2. – 第85-102页.

356. Чжу Ф. Китайско-американские отношения и морская безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и политика. – 2016. – № 7. – С. 34–51. (на кит. яз.). 朱锋. 中美关系与亚太海上安全. 世界经济与政治.

357. Ши И. Новая ситуация в стратегической конкуренции между Китаем и США и её основные характеристики // Мировая экономика и политика. – 2018. – № 7. – С. 4–13. (на кит. яз.). 时殷弘. 中美战略竞争的新态势及其基本特征. 世界经济与政治.

358. Ши Иньхун. Внешняя стратегия Китая: «Скрывать свои возможности и держаться в тени» и «Добиваться своего» / Ши Иньхун // Стратегия и управление. – 1995. – № 5. – С. 1–6. (на кит. яз.). 时殷弘. 中国外交战略：“韬光养晦”和“有所作为” // 战略与管理. – 1995. – № 5. – 第1-6页.

359. Ши Иньхун. Мир после Холодной войны: «одна сверхдержава и несколько сильных держав» и его эволюция / Ши Иньхун // Международное экономическое обозрение. – 2002. – № 7-8. – С. 58–61. (на кит. яз.). 时殷弘. 后冷战世界：“一超多强”及其演变.

360. Юань Пэн. «Большая двойка» (G2): иллюзия и реальность / Юань Пэн // Современные международные отношения. – 2009. – № 5. – С. 1–7. (на кит. яз.). 袁鹏. “G2”：幻象与现实 // 现代国际关系. – 2009. – № 5. – 第 1-7 页.

361. Юань Чжэн. AUKUS: стратегические намерения и влияние [Электронный ресурс] / Юань Чжэн // Китайский институт международных исследований (CIIS) : [сайт]. – 2021. – URL: https://www.ciis.org.cn/yj/202109/t20210924_7381.html (дата обращения: 24.05.2024). (на кит. яз.). 袁征. AUKUS：战略意图与影响.

362. Юй Ю. Суть китайско-американского торгового спора и его перспективы // Международные экономические обзоры. – 2019. – № 5. – С. 9–28. (на кит. яз.). 余永定. 中美贸易争端的实质与前景. 国际经济评论.

363. Ян Цземянь. Системные изменения политики администрации Трампа в отношении Китая и их влияние / Ян Цземянь // Международный прогноз. - 2020. - № 4. - С. 78-92. (на кит. яз.). 杨洁勉. 特朗普政府对华政策的系统性变化及其影响. 国际展望，2020 (4):78-92.

364. Ян Цзюньмин. Американская стратегия «островных цепей» и китайская геостратегическая реакция / Ян Цзюньмин // Исследования по США и Канаде. – 2022. – № 4. – С. 65–80. (на кит. яз.). 杨俊敏. 美国 “岛链” 战略与中国地缘战略回应 // 美国研究. – 2022. – № 4. – 第 65-80 页.

365. Янь С. Неверные суждения Китая и США и структурные противоречия // Исследования международной политики. – 2019. – № 3. – С. 9–33. (на кит. яз.). 阎学通. 中美错误认知与结构性矛盾. 国际政治研究.

366. Янь Сюэтун. Анализ нестабильности китайско-американских отношений / Янь Сюэтун // Китайский журнал международной политики. – 2010. – № 3. – С. 263–292. (на кит. яз.). 阎学通. 对中美关系不稳定性的分析 // 中国国际政治杂志.

2.3. Статьи в научных журналах и СМИ на английском языке

367. Bown, C. P. US-China Phase One Tracker: China's Purchases of US Goods [Электронный ресурс] / C. P. Bown // Peterson Institute for International Economics. – 2022. – URL: https://www.piie.com/publications/policy-briefs/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods. (Дата обращения: 27.02.2026).

368. Cheng, Li. Assessing U.S.-China relations under the Obama administration [Электронный ресурс] / Cheng Li // Brookings : [сайт]. – 2016. – URL: https://www.brookings.edu/articles/assessing-u-s-china-relations-under-the-obama-administration/ (дата обращения: 30.04.2024).

369. Feng, Z. The establishment and development of China Field Epidemiology Training Program / Z. Feng, et al. // Chinese School of Traditional Chinese Medicine. – 2010. – Vol. 31, № 9. – P. 969–972.

370. Hale T. Global Crisis Governance: Lessons from the COVID-19 Pandemic / T. Hale // International Affairs. - 2020. - Vol. 96, № 5. - P. 1137-1156.

371. He, K. Debating China’s assertiveness: taking China’s power and interests seriously / K. He, H. Feng // International Politics. – 2012. – Vol. 49, № 5. – P. 633–644.

372. Huntington, S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – 1993. – 72(3). – P. 22–49.

373. Ling, S. Why Are China and the U.S. Not Destined to Fall into the “Thucydides’ Trap”? / S. Ling, H. Lv // China Quarterly of International Strategic Studies. – 2018. – Vol. 4, № 4. – P. 495–514.

374. Mackinder, H. J. The Geographical Pivot of History / H. J. Mackinder // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. 23, № 4. – P. 421 – 437.

375. Mallapaty, S. US and China quietly extend science pact, leaving researchers in limbo [Электронный ресурс] / S. Mallapaty // Nature. – 2024. – Vol. 627. – P. 251. – URL: https://www.nature.com/articles/d41586-024-00562-y(дата обращения: 27.02.2026).

376. Mearsheimer, J.J. The Gathering Storm: China’s Challenge to US Power in Asia. // The Chinese Journal of International Politics. – 2010. – 3(4). – P. 381–396.

377. Ng, J. ASEAN, Chinese and US legitimation strategies over the Indo-Pacific security architecture [Электронный ресурс] / Joel Ng // International Affairs. – 2023. – Vol. 99, Issue 3. – P. 1003–1022. – URL: https://doi.org/10.1093/ia/iiad107 (дата обращения: 05.09.2024).

378. Ross, R. S. The Future of U.S.-China Relations: A Realist's View [Электронный ресурс] / R. S. Ross // International Security. – 2005. – Vol. 30, № 2. – P. 7–47. – URL: https://direct.mit.edu/isec/article-abstract/30/2/7/11842 (дата обращения: 05.09.2024).

379. Schuman M. Why America Fears a Popular Short-Video Platform [Электронный ресурс] // The Atlantic. – 2020. –

URL: https://www.theatlantic.com/technology/archive/2020/08/why-america-fears-tiktok/614126/ (дата обращения: 18.02.2026).

380. Social Media App Restricts Content on China's Sensitive Issues for Global Users [Электронный ресурс] // Reuters. – 2020. – URL: https://www.reuters.com/technology/social-media-app-restricts-content-china-sensitive-issues-2020-06-16/ (дата обращения: 18.02.2026).

381. Sutter R. Constructing the US Rapprochement with China, 1961–1974: From 'Red Menace' to 'Tacit Ally'. // China Review International. – 2005. – 12(2). – P. 417-419.

382. The China-U.S. Relationship Goes Global [Электронный ресурс] / Jisi Wang // China International Strategy Review. – 2012. – URL: https://www.jstor.org/stable/45318844 (дата обращения: 05.09.2024).

383. The Hidden Power of Algorithms in Shaping Political Opinion [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2020. – URL: https://www.nytimes.com/2020/11/17/technology/algorithms-political-opinion.html (дата обращения: 18.02.2026).

384. The U.S.-China Relationship Reaches a New Stage [Электронный ресурс] // De Gruyter : [сайт]. – URL: https://www.degruyter.com/document/doi/10.7312/thur20128-012/html (дата обращения: 05.09.2024).

385. TikTok's Data Storage Plan Fails to Quiet U.S. Lawmaker Skepticism [Электронный ресурс] // Bloomberg News. – 2021. –

URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-11-12/tiktok-s-data-storage-plan-fails-to-quiet-u-s-lawmaker-skepticism (дата обращения: 18.02.2026).

386. TikTok’s U.S. Content Moderation Promises Clash With User Reports of Unaccountable Removals [Электронный ресурс] // The Verge. – 2023. – URL: https://www.theverge.com/2023/7/6/23787464/tiktok-us-content-moderation-user-reports-removals (дата обращения: 18.02.2026).

387. U.S. Alleges Algorithm Manipulation as New Tool of Foreign Political Interference [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal. – 2021. – URL: https://www.wsj.com/tech/u-s-alleges-algorithm-manipulation-as-new-tool-of-foreign-political-interference-11632488400 (дата обращения: 18.02.2026).

388. U.S. Supreme Court upholds TikTok ban ahead of looming deadline [Электронный ресурс] // People's Daily Online. – 2025. – URL: http://en.people.cn/n3/2025/0118/c90000-20267726.html (Дата обращения: 18.02.2026).

389. Van Ness, P. Addressing the Human Rights Issue in Sino-American Relations. // Journal of International Affairs. – 1996. – Vol. 49. – № 2. – P. 309-331.

390. Yang, Y. The New Cold War: America’s new approach to Sino-American relations [Электронный ресурс] / Y. Yang // China International Strategy Review. – 2021. – Vol. 3, № 1. – URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8060787/ (дата обращения: 02.05.2024).

391. Zhang, J. Rebuilding strategic autonomy: ASEAN’s response to US–China strategic competition [Электронный ресурс] / J. Zhang // China

International Strategic Review. – 2023. – Vol. 5. – P. 73–89. – URL: https://doi.org/10.1007/s42533-023-00128-3 (дата обращения: 05.09.2024).

392. Zhang, L. Chinese STEM Graduates in the U.S. High-Tech Sector: Labor Market and Innovation Outcomes / L. Zhang, M. Li // International Migration Review. - 2022. - Vol. 56, N 2. - C. 412-440.

393. Zhang, T. U.S.-China Scholarly Decoupling: The View from China / T. Zhang [Электронный ресурс] // The Wilson Quarterly. – 2023. – URL: https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/the-china-challenge/u-s-china-scholarly-decoupling-the-view-from-china (дата обращения: 27.02.2026).